

Евгений Никифоров

СПИСОК ЖЕРТВ

Криминальный роман. Эпоха нулевых годов.

Шум в голове почти утих, предательская дрожь в руках постепенно унималась, и он попытался еще раз шаг за шагом мысленно проследить весь недавний путь от сверкающей вывески казино до четырех стен своей скромно обставленной однокомнатной квартирке. Все ли прошло гладко? Не допустил ли он по неопытности какой-нибудь оплошности?..

За час до того он стоял, переминаясь с ноги на ногу, на остановке общественного транспорта и как будто ждал автобус, но это было не так. В переливающимся разноцветье бегущей рекламы увеселительного заведения его глаза лихорадочно блестели. Еще бы: в невзрачной спортивной сумке из кожзаменителя таился заботливо смазанный взведенный обрез охотничьего ружья с двумя дозами волчьей картечи. Кому предназначались заряды, он пока не знал, и от этого еще сильнее сосало под ложечкой, слаще кружилась голова. Он усмехался: а ну-ка, пацаны, покажите, кто из вас круче, по ком соскучилась сладкая парочка черных стволов?

Наискосок через дорогу, у гигантской периодически вспыхивающей рекламной пачки «Винстона», стояла одинокая проститутка. Время от времени возле нее останавливалась какая-нибудь из проезжавших мимо машин, и тогда тонкая девичья фигурка наклонялась к ветровому стеклу.

Матвей без труда представлял себе тот немудреный диалог, что возникал в такие минуты между девицей и

очередным потенциальным клиентом. Чаровница, приклеивая на лицо заранее отрепетированную улыбку, грудным голосом обращалась к водителю:

- Добрый вечер! Отдохнуть не желаете?

И тотчас натыкалась на быстрый оценивающий взгляд, впивавшийся в лицо и вмиг обегавший ее с головы до пояса. Клиент лихорадочно соизмерял удовольствия и возможные негативные последствия. Потом, после паузы, следовал традиционный встречный вопрос:

- А почему услуги, красавица?

Проститутка тут же переходила на лаконичный деловой тон.

- Минет – двести рублей, обычным способом – четыреста.

Разохотившийся было сладострастник почему-то моментально передумывал, и машина срывалась с места.

Нисколько не обескураженная отказом девица отработанным до автоматизма жестом останавливала следующего.

За те сорок-пятьдесят минут, что Матвей проторчал на остановке, тротуарная труженица исчезала со своего поста два раза и после неизменно возвращалась.

Подробности ее внешности он, конечно, не мог рассмотреть из-за значительного расстояния. К тому же был уже поздний час. Поэтому, глядя на гибкую фигурку с копной светлых волос, он мог только фантазировать и почему-то сразу представил шлюху молоденькой белокурой красавицей. Вот она садится на переднее сиденье, тонким изящным пальчиком указывает, куда ехать – подходящее для интима место, где не потревожат ни милиция, ни случайные припозднившиеся прохожие, давным-давно ею облюбовано; проворные пальчики переламывают хрустящие купюры пополам, отправляют их в потайной кармашек, а потом без промедления рассупонивают молнию на штанах сопящего клиента...

Дальше Матвей домысливать не хотел: ни к чему это. Нужно было сосредоточиться на деле, ради которого сюда пришел.

С одиннадцати вечера у дверей заведения, к которому он присматривался, наметилось оживление. К стоянке одна за другой подкатывали иномарки, нередко сотрясавшиеся от мощных звуков акустических систем. Едва очередная машина притормаживала на площадке, все двери тут же широко распахивались, и на свежий воздух вываливались раскованные бритоголовые молодые люди. Они были веселы и говорливы, энергия так и распирала их изнутри.

- Ну ты, фуцан¹, в натуре, фуфло гонишь! Давай замажем, что я сегодня банк сорву!

Затем следовали взаимные дружеские тычки, и компания с гоготом вваливалась в заведение.

Матвей во все глаза всматривался в пестрый полумрак, втайне надеясь, что, может, покажется тот самый черный «Мерседес», а в нем та наглая квадратная физиономия.

Около двух недель назад, проходя днем мимо казино, он случайно пересекся с поставленной поперек тротуара иномаркой: у водителя, молодого парня, никак не получалось вырулить на громоздком «Мерседесе» из тесноты парковочной площадки. Простояв несколько секунд около медленно пятившейся машины, Матвей легонько хлопнул ладонью по лакированному капоту. То, что произошло вслед за этим чисто механическим жестом, было довольно неожиданно. Парень выскочил из салона и, бешено выпучив глаза, заорал на него:

- Э, ты чего своими грабками здесь машешь? Здоровья шибко много?

Оказался он внушительного роста и к тому же крупной комплекции. На широкой физиономии была написана явная угроза – и Матвей не решился возражать. Втянув голову в плечи, сосредоточенно глядя себе под ноги и тем

---

¹ Фуцан (угол.) – простачок.

самым как бы отстраняясь от вызывающей реплики, он сделал шаг в сторону, молча обошел машину и, уже удаляясь, быстро, по-птичь, оглянулся через плечо. Верзила усаживался за руль, довольно ухмылялся. И точно такая же, с оттенком превосходства, улыбка скользила по губам его молодой спутницы, курившей на переднем сиденье.

Матвей почувствовал, как кровь прихлынула к лицу, и жаром обдало щеки. Он поспешил поскорей свернуть за угол, но даже там насмешка нестерпимо жгла спину.

Казалось бы, эпизод не заслуживал никакого внимания: ну, наехал кто-то слегка, словесно, и что из того? До мордобития дело не дошло, травм нет, о чем же тут горевать? Однако Матвей так не думал. В нем вдруг ожили все болячки, обиды, неудачи и разочарования последнего времени. Ожили и вытолкнули наружу подспудно копившееся озлобление. Злополучный «Мерседес» остался далеко позади, а он яростно шагал вдоль какой-то улицы, еще и еще раз прокручивая в голове конфликтную ситуацию и придумывая к ней разные окончания. Он то отпускал в ответ такую замысловатую приклатнённую фразу, что противник сразу скисал; то натурально посылал мордворота на три известных буквы, после чего следовала немедленная яростная схватка, в которой он неким чудесным образом оказывался победителем. Тогда он вразвалку подходил к моментально бледневшей барышне и, сузив глаза, цедил сквозь зубы: «Что, сука, скалилась?..»

Но на самом-то деле он стушевался!

В конце концов, добравшись до дома, Матвей так взвинутил себя, что не мог уже сдерживаться, с ненавистью грохнул о косяк входной дверью.

Точно такой же ублюдок с крутой тачкой увел у него Аллу. А какая была девчонка горячая, темпераментная!

Ноги сами понесли Матвея к кладовке, где в металлическом шкафу несколько лет без движения

покоилось охотничье ружье, оставшееся от отца. Именно в тот день, поглаживая вороненые стволы, он ясно и окончательно понял, что будет мстить...

На парковочную площадку казино, визжа покрышками, влетела стремительная спортивная машина, промчалась мимо стройного ряда иномарок и, вильнув, как вкопанная замерла возле элегантного белого «Ягуара».

У Матвея аж застучало в висках. Вот это финт! И тотчас как будто что-то толкнуло в спину, заставило сделать шаг, второй, третий. Он медленно пересек поперечную улочку, словно замороженный глядя на рубиновые огни, которые всё почему-то не гасли, и почти ничего не замечал вокруг: ни того, как охранник на другом краю стоянки нервно крутанулся на месте и понуро побрел к лихачу, ни как парни, курившие у входа, словно по команде, повернули головы в ту же сторону.

Матвей уже подходил к символическому ограждению парковки – массивной цепи, подвешенной на крюках между карликовыми столбами, когда у подъехавшего «Шевроле» заглох двигатель и выключились габариты.

Поначалу за тонированными стеклами было видно лишь, как внутри в скупом свете салонных лампочек смутно движутся тени. Но почти сразу щелкнули замки дверей, и на асфальт выбрались два нетвердо стоящих на ногах субъекта. Они были настолько пьяны, что охранник, шедший навстречу, только удивленно покачал головой.

Последующие секунды вспоминались не так отчетливо – сердце ухало где-то внутри живота, и в такт его толчкам странно пульсировало всё вокруг.

Диалог вроде бы начал охранник. Матвей силился и никак не мог восстановить в памяти первую фразу. Скорее всего, она была более чем миролюбивой. Однако совсем не понравилась обоим гулякам. Тот, что вёл машину, смачно сплюнул себе под ноги и хрипло зачастил, щедро оснащая речь ненормативной лексикой:

- Ты че, козел, фишку не рубишь? Че, хочешь пику в бок? Чтоб тебя, ментяра, на куски порвали?

Второй тоже за словом в карман не полез.

Впрочем, и эта замысловатая ругань вспоминалась фрагментарно: какие-то заковыристые словечки Матвей вообще не понял.

Он видел, как стремительно бледнел и будто на глазах уменьшался в размерах парень в черной форменной куртке, но стволы уже были извлечены наружу. Матвей сделал еще шаг, шелкнул предохранителем. Когда он поднял обрез, три пары глаз в немом ужасе пялились на него.

Грохнул первый выстрел и вспышкой пламени смахнул белесый овал лица слева, второй – убрал остальное...

Матвей очнулся от своих мыслей и опрометью бросился в прихожую. Так, с сумкой все вроде в порядке... Он торопливо переломил обрез – из казенников выглядывали латунные доньшки гильз. Матвей облегченно вздохнул и отправился мыть руки в ванную. На периферии сознания промелькнуло: интересно, а охранника зацепило?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

Аллочка Сыроедова недовольно дула губки: сегодня Гриша не соизволил забрать ее из института после занятий. А ведь она с двумя девчонками договаривалась обязательно заскочить в один модный магазинчик в центре города. Впрочем, дело было вовсе не в каких-то более или менее стильных тряпках. Просто она давно жаждала похвастать перед сокурсницами своим гражданским мужем – атлетичным молодым человеком за рулем элегантного «Ягуара». То-то раскрылись бы их милые жадные ротки, то-то захлопали бы их чистые завистливые глазки! Но Гриша опять оказался чем-то занят, отзвонил по

мобильному, и, снося ехидные улыбки приятельниц, ей пришлось довольствоваться такси, и в магазин она, конечно, не поехала.

Вообще, в самое последнее время что-то с Гришей стало происходить. Является домой поздно и очень хмурый. Она, разумеется, старается не донимать его лишней раз расспросами, но ситуация требует прояснения... О нет, здесь дело не в какой-то другой женщине, которая могла бы влиять на Гришу. Совсем нет! Она, Алла, почуяла бы соперницу за версту, выследила б, все волосья повыдёргивала! Да и потом она и так старается изо всех сил, чтобы угодить парню, буквально стелется перед ним, наплевала на все свои табу, ублажает его так, что если б ей полгода назад сказали, что она будет это кому-то делать... И с его стороны было бы черной неблагодарностью, да нет, просто свинством, ответить изменой. Нет-нет! Здесь нет конкурентки, хотя перед таким обаяшкой, да еще с белоснежным «Ягуаром» и кучей денег, любая упала бы без чувств, стараясь при этом задрать юбочку повыше. Нет-нет. Здесь дело в каких-то профессиональных неудачах. Гриша не говорит, но она-то чувствует! У него трудная, хотя и не совсем понятная работа. Он постоянно созванивается с какими-то людьми, произносит загадочные фразы – «решает вопросы». Уверяет, что не делает ничего криминального. Но она-то не дура! Сейчас вся жизнь насквозь криминальна, сейчас всюду рвут, кто сколько может, и напряженные ситуации поджидают на каждом шагу. Вот и неделю назад она случайно наткнулась в бельевом ящике шкафа на тяжелый черный пистолет, аккуратно завёрнутый в плотную тряпочку. Естественно, Грише о находке ни словом не обмолвилась, а сама здорово перетрусилась. Зачем в квартире находится оружие? Значит, работа Гриши опасна? А вдруг он бандит или каким-то образом с бандитами связан? Ведь иногда у него вырываются фразы явно уголовного пошиба. Тогда... Тогда и ей может угрожать опасность?

Алла даже зажмурилась, мысленно произнеся это жуткое слово: «опасность». Сразу всплыли перед глазами мрачные кадры криминальной хроники, когда в автомашине, кстати, весьма роскошной, застрелили какого-то там авторитета вместе с подругой. Увидев на экране яркую картинку с потоками крови, она возмутилась:

- Женщину-то за что?

Тогда и произошла между ними одна из редких ссор, ссора, однако, пугающая, наполненная гнусным содержанием.

В ответ на ее негодующую реплику Гриша как-то странно, нервно хихикнул и поддел встречным вопросом:

- А ты думаешь, не за что?

Ее негодованию не было предела.

- Конечно!!! Она-то тут при чем?! Вы, мужики, крутитесь, делаете свои делишки, с кем-то там не ладите, вы за всё и отвечайте!

- Ишь ты! А откуда прикажете бабки брать, чтобы вас обрядать в дорогие шмотки да таскать по крутым кабакам, да возить по забугорным курортам?

Алла вскинула остренький подбородок.

- Не знаю. Это не наше дело.

- Ах, не ваше! Значит обеспечивать и на крайняк пулю хавать — дело наше, а ваше — только скважину свою вовремя подставлять?

Девушку аж передернуло.

- Что значит скважину?

- То и значит!..

Аллочка все больше хмурилась. Все-таки Гриша — хамоватый парень. Появляется в его поведении что-то отталкивающее, какой-то ускользящий цинизм, который до поры маскировался за заботливостью, благодушием и располагающей улыбкой, а теперь, по прошествии трех с лишним месяцев с момента их знакомства, проглядывает местами с обескураживающей ясностью. Но, может быть, она многое усложняет, может, его просто задушили

проблемы, раздергали какие-то деловые нестыковки? Ведь, как ни крути, а владеть новым роскошным «Ягуаром» за сто тысяч вечнозеленых денежек, просторной трехкомнатной квартирой в престижном доме, да ещё потихоньку возводить коттедж под городом Железнодорожный – это что-нибудь да значит. И это требует немалых физических и нервных затрат. А что толку от чуткого, тактичного, всепонимающего, но бесштанного Матвея? Да, он, наверное, подушевней и он, конечно, поумней. Вернее, кругозор у него шире, но что толку? Да, он таскал ее по культурным мероприятиям, концертным залам, каким-то молодежным тусовкам. А Гриша, как только познакомились, моментально устроил турпоездку в Таиланд! У Матвея по природе не может быть никаких напрягов, потому что он и не стремится ни к чему, всё о чем-то бесконечно рассуждает. Всё копается в себе, пытается понять, блин, кто мы такие и зачем живем. Ха! Истину ищет. А истину-то, милый, на задницу не напаялишь и брюхо ею не набьешь!

Прекрасные губки Алочки растянула очаровательная улыбка.

Эх, Матвей, Матвей! Где ты сейчас, обаятельный болтунишка, прекраснодушный мечтатель, чем занимаешься после неудачной попытки выехать по блату в длительную заграничную командировку? Лежишь, небось, на диване, переживаешь наш разрыв? Делай, милый, выводы – тогда тебе наверняка повезет со следующей девушкой.

Но что это она отвлеклась?

Так, может, зря она накручивает себя насчет Гриши и его работы, а также местами-временами проглядывающего хамства? Где она еще найдет такого кавалера, который не жался бы, не скупердяйничал, не считал последние копейки, а щедро одаривал бы свою даму знаками внимания в виде сногшибательных шмоток, золотых изделий с сияющими камешками и т.д. и т.п.?

В конце концов она прехорошенькая девушка почти первой поры цветения, и когда как не в молодости дышать полной грудью (между прочим, третьего размера!), стремиться брать от жизни всё?

У Аллы слегка улучшилось настроение, она еще разок взглянула на проблему с разных сторон. Да, в целом заикливаться не стоит, но нужно держать ухо востро. И в определенный момент постараться сделать так, чтобы чужие напряжения не стали твоими собственными.

2.

Будь он неладен, этот конфискат. Девяносто одна тысяча бутылок палёной польской водки, которую по договору с таможней нужно было сначала пустить на переработку, а уже потом в продажу, повисли тяжким грузом.

А как славно начиналась эта маленькая авантюра, сулившая хоть и сравнительно небольшой, но скорый навар.

Знакомый чинуша с таможни, прирученный еще в прежние времена, капнул, что у каких-то лохов без поддержки и связей конфискована очень большая партия пойла из Польши, и на этом дивном обстоятельстве вполне реально «слегка» заработать. Как? Да очень просто. Наше славное государство, хотя и многое упускает из рук, иногда все же жаждет зашибить халявную денюгу. Поэтому ликвидный конфискат, который можно пустить в продажу, слегка помудрив над качеством, конечно, не уничтожается, а благополучно сбывается через торговую сеть. В данном случае имеется четыре с половиной тысячи «мест» некондиционной водки. Она не дотягивает до сертификата соответствия совсем чуть-чуть. Если ее пропустить через фильтрационную заводскую линию (во что, естественно, придется вложить деньги, но небольшие), а потом выкинуть на прилавок, то разницу между таможенной и

рыночной ценами можно будет преспокойно положить в карман. Сколько? Ну, по прикидкам, человеку, взявшемуся за эту нехитрую операцию, после всех вычетов и расходов (здесь чинуша интимно понизил голос и по-свойски Грише подмигнул) достанется сорок один, сорок два цента с каждой бутылки. Умножаем на девяносто одну тысячу, - так как в каждой картонной коробке, а по-торговому, «месте», находится по двадцать посудин, - и в итоге получаем искомую сумму в тридцать семь, тридцать восемь тысяч долларов... Заметьте, это за какие-то две-три недели или, в крайнем случае, за месяц. Согласитесь, неслабо, Григорий?

Вот он и клюнул на эту приманку. Плюс малёхо жадность заела, решил дополнительно капусты срубить – кто ж станет ждать какой-то там очистки?

Связался с ребятами, которые лихо правили ксивы, лепили любые печати, и сварганил липовые платежки за перегонку водки. И шло-то все поначалу как по маслу, да какая-то уродина сверхсовестливая, - а скорее ей просто не доложили на лапу, - крик подняла. В настоящий момент ситуация вообще выходит из-под контроля. Товар частично задержан в торговых точках, частично опечатан на складе; кредит в восемьдесят с хвостиком тонн баксов, что он перехватил у очень серьезных людей под нормальные проценты на оч-чень короткий срок, зависает. Эх-х, жисть-индейка!

Гриша рулил на своем белом «Ягуаре» по весьма оживленной улице, а глаза не видели ничего.

Если опустить руки, не пытаться повлиять на гиблый расклад, то финиш окажется весьма плачевным. Весьма! Мало того, что разденут до нитки, выгребут все из сусеков, отберут любимую тачку. Вдобавок очень скоро нарисуеться реальная перспектива увидеть небо в крупную клетку. Гриша вздрогнул. Ну уж нет! Кичман любыми способами нужно избежать. Что угодно, только не это!

Он сделал над собой усилие, чтобы думать о чем-нибудь приятном. О чем? Хотя бы о девках. Вот Алка во многих отношениях волнующая киска – и смазливая, и фигуристая. А какая у неё бархатистая кожа и как она ерзает под ним в койке! «За это можно все отдать», - убедительно голосила в свое время ее именитая тезка, и тысячу раз была права. Но можно еще дополнить от себя: отдашь и останешься должен.

Смешно, но эту кралю он снял на обочине дороги: девочка стояла и ловила частника, чтобы добраться домой. Однако, увидев его белоснежный «Ягуар», руку моментально одернула, - наверное, стушевалась.

Он уже много раз сталкивался с подобной реакцией. Всегда, абсолютно всегда, граждане, пытавшиеся остановить машину у бровки, торопливо опускали руки, едва на горизонте нарисовывалась его роскошная тачка. Поди, в их бестолковках пульсарилась мысль: мол, что для такого прикинутого чувака наши жалкие алтушки? И правда, Грише не были нужны ни седоки, ни их «деревянная» наличка. Он зорко высматривал на улицах и в проулках, на площадях и в скверах фигуристых барышень. И если фартило, и очередная мимолетная избранница не пугалась, сажал ее к себе покатать. Ха-ха! Покатать. Если краля плюхалась попкой на кожаное сиденье, дальнейшее уже было делом техники. Занимая красулю веселым никчемным трёпом, он вез ее среди бела дня в какое-нибудь интимное местечко, а у самого уже все горело внутри, сердчишко выпрыгивало из грудной клетки. Уф-ф, всё, приехали. Девочка в непонятках вскидывала на него свои прозрачные бездонные глазки, а он ей грозно и почти на крике в ответ: «Давай!»

И что интересно, ни одна не отказала!

Впрочем, нет, всего лишь один раз было по-другому, всего лишь один раз.

В тот день он, помнится, пребывал в неважнецком настроении. Срывалась одна занятная комбинация. И

ладно, если б ей не суждено было сложиться по жизни, а то ведь просто один урод в нужный момент наложил в штаны, дал задний ход, ушел в отказняк насчет добавления бабок, хотя до этого вроде бы уже крикнул принципиальное «добро». Фу ты ну ты! Гриша даже с ходу не нашел нужных слов для выражения нахлынувших чувств, и лишь спустя пару секунд разразился долгой замысловатой бранью. Вот тогда-то, в момент проговаривания содержательной части горячих пожеланий в адрес трусоватого компаньона, глаза узрели на тротуаре изящную девичью фигурку. До нее было не близко, с сотню метров, но уже прорисовывалось, что это нечто особенное. Девулька тянула тонкую ручку в призывном жесте, легко встряхивая при этом ладошкой, но при приближении его белоснежного глазастого чудовища свою конечность, естественно, резко опустила вниз. Однако другого трудно было ожидать. Гриша плавно притормозил, нажатием кнопки опустил стекло справа, ласковым голосом поинтересовался:

- Вас подвезти?

- Нет, нет!

- А что так?

Быстрый взгляд, гримаска отчуждения.

- Ничего.

- Да ладно вам, девушка! Садитесь, доведу с ветерком,

- Гриша не без труда соорудил предельно благожелательную физиономию. - Все-таки в этом драндулете комфорта побольше, а плату за прогон прошу с людей по-божески.

Девушка недоверчиво сощурилась.

- Да?

Гриша с готовностью кивнул.

Колебалась она недолго. Еще раз бросила мгновенный взгляд на дорогу, потом – оценивающий – на него, и, наконец, забралась на переднее сиденье.

- Ну, тогда едем.

Кожаная подушка с тихим вздохом поддалась нежному давлению, и при этом восхитительном звуке, столько раз предвещавшем скорые сладкие муки, в Грише, как в автомате, разом включились все интересные функции. Сжимая в руках руль, он невероятным усилием пытался подавить внезапно вспыхнувшее возбуждение, но ладони вспотели, в горле пересохло, а глаза, он это чувствовал, натурально полезли из орбит. Прошло некоторое время, прежде чем, судорожно сглотнув несколько раз и стараясь не выдать дрожи в голосе, Гриша смог вымолвить:

- Куда же мы едем?

Девушка непринужденно закинула ногу на ногу, аккуратно устроила сумочку на коленях и почти весело откликнулась:

- Вперед, только вперед.

Гриша не помнил, чтобы его когда-либо так лихо кликнуло и мысленно ругал себя за несдержанность: а вдруг девчонка раньше времени почувствует, что ее ждет скользкий сюрприз?

Но она как будто ничего не замечала, во все глаза рассматривала роскошный салон, отделанный под красное дерево, навороченную переднюю панель с встроенным мобильным телефоном, и он понемногу справился с эмоциями.

- Так куда все-таки рулим? – спросил уже менее скованно, с деловой интонацией.

Незнакомка открыто улыбнулась в ответ.

- И где только люди на такие машины деньги берут?

- Вы хотите знать где?

- Нет, это я так, к слову. Едем за Преображенскую площадь, на Лосиноостровскую улицу.

- Понял.

Пару минут ехали молча.

Искоса поглядывая на стройные ножки в ажурных чулках, Гриша раздумывал, стоит ли возобновлять

разговор, или лучше будет сразу перейти к делу там, в подходящем месте.

Однако красотка сама нарушила молчание.

- А курить у вас в машине можно?

- Конечно, - уверенно управляя быстрым «Ягуаром» одной рукой, другой Гриша поднял крышку подлокотника и несколько суетливо щелкнул у обреза тонкой длинной сигареты позолоченной зажигалкой.

- О! Розовое «Собрание». У вас есть вкус!

- У вас, я вижу, тоже.

- В смысле?

Девушка сделала неопределенный жест, плавно обведя рукой вокруг.

- В смысле всего этого.

- Ну, здесь заслуга не моя. Дядька подогнал из Бундесов, - Гриша почему-то счел за лучшее соврать.

- Ясно. А куда мы сейчас направляемся?

- Куда вы сказали.

- Только вокруг почему-то пустыри...

- Так дорога короче.

Гриша управлял машиной уже почти на автопилоте. Приближался долгожданный миг, когда слюняйский интеллигентский трёп, от которого сводило скулы, должен был уступить место окрику и неистовой рубке - охам, ахам, жарким проникновениям. Тогда с треском опадает и летит в сторону трусняк и прочее бабское барахло. Тогда обнажается суть, и в эту самую суть нужно вбить здоровенный болт... Ух! Как недавно заметалась школьница-старшеклассница, едва он обронил свое веское слово. Заплакала, запричитала: девочка, мол. Но обслужить-то клиента все равно пришлось! Пусть и экзотическим, не совсем традиционным способом...

Гриша вынырнул из сладкой мороки наваждения и обнаружил, что он продолжает крепко сжимать руль в то время, как тачка с выключенным движком уже уткнулась в кусты. Сбоку на него смотрели враз построжевшие глаза.

- Вы будете меня насиловать?

- Обязательно.

- Думаете, словите кайф?

Гриша криво ухмыльнулся.

- Я – да. Остальное мне по барабану.

- А если я закричу?

- Бесполезно. Здесь поблизости нет даже бомжей.

- Хорошо. Я подчиняюсь грубой силе. Но зря вы всё так повернули.

У Гриши отвисла челюсть. Конечно, девицы вели себя по-разному: какие-то стенали, молили к ним не прикасаться, лили крокодиловы слезы; какие-то просто усмехались и со знанием дела без запинки приступали к работе. Но чтобы так?!

Красотка между тем теребила пуговичку на блузке и говорила, говорила:

- Никаким насилием вы не заставите девушку сделать так, как она могла бы сделать по доброй воле. Поймите...

Гришу вдруг осенило:

- Вы меня приглашаете на свидание?

Девица осеклась на полуслове.

- М-м. Как сказать... Вы очень интересный молодой человек. И когда я садилась к вам в машину, я еще подумала...

Однако Гриша поспешно прервал ее:

- Отлично! Ловлю вас на слове...

Так они познакомились, и, действительно, все эти месяцы он таскал ноги как в бреду: девица знала толк в коечных баталиях, а главное, имела тягу к этому, почти каждую встречу преподносила что-нибудь незалежалое, новенькое, острое, исполняла все с неподдельным жаром, грудными стонами, громкими вскрикиваниями и т.д. Прямо как дикая, необъезженная нимфоманка!

Однако потом на Гришином горизонте нарисовались проблемы. Как следствие, настроение потихоньку начало опадать, а девке хоть бы хны – только вошла во вкус. Что

ни день, вези ее в бутик за шмотками, что ни вечер – в ночной клуб или казино бабки просаживать, а то и на дискач(!). Да будь весел, щедр и неистощим. Запудрила мозги так, что он думать обо всем забыл, никак не мог опомниться. А теперь вот без башки бы не остаться!

В последние же деньки (а лучше выразиться – в крайние), когда почуяла носом что-то неладное, вернее, не нюхом – нюхом тут ничего не уловишь, кроме собственной вони, – а шестым чувством, как насекомое какое, стала даже как-то по-другому на него смотреть, как бы сбоку, оценивающе, типа: а ну-ка, парнище, давай, давай, наяривай, руби капусту в полный рост, не то я быстренько наострю от тебя лыжи. Дура! Неужели не понятно, что в этой сволочной житухе с волчьими законами так просто ничего не дается? Что тот лох, который у тебя был раньше и когда ты хилила чуть ли не в обносках, потому и не имеет ничего, что не хочет никуда лезть, бубен свой интеллигентский под топор подставлять! А коли желаешь кататься в навороченном «Ягуаре»... Кстати, что за непонятка случилась у казино, когда картечью наглухо завалили двух чуваков вместе с обряженным в форму гоблином¹? И положили-то, черти, прямо возле его машины! Что это? Первый звоночек? Не слишком ли рано?

Будь он неладен, этот конфискат!

3.

Целый день Матвей сидел как на иголках – ждал выпуска криминальных новостей.

На экране мелькали какие-то пестрые картинки: кто-то кого-то в чем-то упрекал, отчаянно жестикулируя; по всему свету бушевали стихийные бедствия и происходили техногенные катастрофы; реклама настойчиво долбила по

---

¹ Гоблин (угол.) – охранник.

темечку разнообразными откровенно идиотскими речевками, - он почти ничего не различал.

Но вот знакомую заставку с кроваво-красным словом «Криминал» сменила бодрая физиономия ведущего.

Сначала показали какого-то придурка, который не придумал ничего лучше, чем срезать в колодцах телефонные кабели. Матвей почти с ненавистью смотрел на тщедушного веснушчатого восемнадцатилетнего паренька с подслеповатыми глазками, мямлившего что-то о недостатке карманных денег. Второй репортаж был о наркоте. Черные, как нагутаиненные сапоги, друзья-студенты из жарких стран, используя отечественных шалашовок, наладили бесперебойную поставку зелья страждущим. Ну же!

Однако третий сюжет был про угонщиков.

Сцепив зубы и сжав кулаки, чтобы унять внезапно возникший трясун, Матвей до конца досмотрел историю с похитителями новеньких «Мерседесов», про себя отметил, с какой легкостью хитрожопые гости с заснеженных гор завладевали иномарками, вышвыривали хозяев или водителей на обочину. В одном из эпизодов даже засветился «Мерс», как две капли воды схожий с тачкой мордворота у казино, и Матвея вновь кольнула игла досады: почему он ломанулся валить пьяных в лоскуты оболтусов из «Шевроле», а не подождал еще немного? Вполне возможно, пофартило бы тогда поквитаться!

Наконец, в вечернем блоке «Дорожного патруля» первым номером показали расстрел неизвестным преступником двух человек возле культурно-развлекательного центра «24 карата». Слегка возбужденный репортер рассказывал, как все произошло:

- Около полуночи на парковочную площадку казино на огромной скорости въехал «Шевроле-Корвет». Когда из него вышли водитель и пассажир и стали пререкаться с охранником, со стороны переулка к ним подскочил

высокий молодой человек и дважды выстрелил из обреза охотничьего ружья...

В кадре тотчас появилась физиономия очевидца. Парень чувствовал себя явно не в своей тарелке.

- Ну, мы стояли недалеко, курили, услышали сначала визг покрышек, потом водила, буквально влетевший на стоянку, ударил по тормозам. Он и его приятель едва держались на ногах, когда выбрались из машины... Ну, смотрим, к ним идет служивый вроде как разбираться. А после... После, откуда ни возьмись, из темноты выбежал мужчина и с ходу – р-раз – р-раз! – с двух выстрелов всех положил.

Корреспондент еще больше оживился:

- Охранник тоже попал под обстрел?

- Да, его порядком зацепило. Но, главное, тот малый спокойно перезарядил стволы и бахнул еще дуплетом по машине!

- Каким образом он скрылся с места происшествия?

- Пешком. По крайней мере, вон до того угла, - очевидец показал пальцем на соседний дом, - дошел на своих двоих.

Оператор показал асфальт, густо залитый глянцеви́то отсвечивающей темной кровью, изрядно покореженную спортивную машину. Поодаль ходили какие-то люди. Когда софиты съёмочной группы приблизились к ним, перед камерой возник плотный человек в сером костюме с хмурой физиономией и начал без предисловий:

- Комментировать пока нечего. Имеем два трупа и раненного охранника.

Однако не так-то легко было отделаться от криминального репортера, почуявшего пусть и небольшую, но сенсацию.

- Скажите, убийство похоже на заказное? Или возможны иные мотивы?

Оперативник покачал головой.

- Ничего пока не готов прояснить. Способ совершения преступления и выбранное оружие необычны, но это мало что подтверждает. Будем разбираться.

- Но нападавший по какой-то причине стрелял также и в машину?

- Вы сами все видите. Это тоже ровным счетом ничего не значит. Я сказал, будем разбираться! – раздраженно отрезал опер и опять ушел в темноту.

Завершая репортаж, корреспондент едва сдерживал ехидную улыбку.

- Как видите, совершенно очередное двойное убийство. Мотивы пока не ясны. Но от себя добавим, что казино «24 карата» – традиционное место отдыха известной столичной преступной группировки, и поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что погибшие входили в ее ряды. На версию банальной криминальной разборки указывает и то, что киллер использовал заряды с волчьей картечью – символический знак бандитской мести...

Вновь задрожавшими руками Матвей выключил телевизор. Сложные ощущения захлестнули его. С одной стороны, он чувствовал смятение оттого, что акция, которой он добивался и ждал, нутром никогда до конца не веря в ее осуществимость, все-таки свершилась. И это с несомненной очевидностью подтвердил выпуск криминальных новостей. С другой, - в нем исподволь разгоралось какое-то злобное торжество, поначалу до судорог, до тошноты испугавшее его самого, но постепенно разраставшееся, подавившее страх и принесшее взамен почти пьянящее облегчение. Матвей как полоумный запрыгал по комнате, хрипло выкрикивая: «Я! Я! Я сделал это! Сделал!!!»

Однако его хватило лишь на несколько минут этой бешеной джиги. Спустя четверть часа он сидел перед погасшим экраном телевизора и, повторно наливая рюмку дрянного кисловатого коньяка, пытался взять себя в руки,

по-деловому оценить плюсы и минусы сложившейся ситуации.

Странно, но он совсем не вспоминал про убитых и раненого, про потоки крови. В его сознании это оставалось какой-то нелепой киношной декорацией. Его целиком захватила одна мысль: было непривычно думать о том, что кто-то представляет его таинственным и зловещим киллером. КИЛЛЕРОМ. От этой мысли сами по себе сжимались кулаки, скрипели зубы, и фантазии одна причудливей другой громоздились в мозгу. Вот бы найти того крутого чувака, что увел у него Алку! С каким наслаждением он вlepил бы ему заряд картечи между глаз! Матвей замер, произнеся про себя эти последние магические слова. Уверенность вдруг начала стремительно улетучиваться. Что там плел этот олух, чернильная душонка о символическом знаке бандитской мести? Неужели он все-таки завалил бандюков, а не просто пьяных придурков, и теперь его помимо милиции будут искать еще и бритоголовые братки с оловянными глазами? А стрельба по машине?! Как и когда он перезарядил обрез и почему это совсем не отложилось в голове?! И почему свидетель врал, что он подбежал к стоянке, когда у него отчетливо отложилось, что он спокойно шел? И потом... У Матвея холодом стиснуло затылок: если он поменял патроны, значит, стреляные гильзы остались валяться на тротуаре! А это, помимо отпечатков пальцев, давало еще какую-то дополнительную информацию в руки преследователей: год выпуска боеприпасов и место их изготовления... Впрочем, его пальчики все равно нигде не числились в учетах – ведь до недавнего времени он был паинькой, законопослушным гражданином, а маркировка патронов... Честно признаться, Матвей с трудом представлял, каким образом эти данные могут помочь вывести на его след. Так что без паники – первый блин не всегда комом. А главное, свербит в груди, и чешутся,

чешутся руки в яростном желании поскорее замесить второй.

4.

В коридорах окружной прокуратуры в начале сентября всегда пусто и гулко. То ли сухая теплая погода действует на граждан, и одни из них на время подзабывают свое лихое ремесло, а другим недосуг донести до заветных дверей очередное заявление или жалобу, то ли просто все активные личности поголовно применяют свои разнообразные таланты вдали от столицы, в непосредственной близости от плещущих соленых волн. Так или иначе, но под белыми казенными сводами не слышится в это время года ни крика возмущения, ни сдержанного говора, ни даже вкрадчивого шепота.

Это вроде бы, на посторонний взгляд, пустяковое обстоятельство очень грело душу новоиспеченного следователя по особо важным делам Артема Шевчука, который с тонкой картонной папкой под мышкой направлялся в свой кабинет после непродолжительной, но задушевной беседы с заместителем начальника следственного отдела.

Ну, во-первых, начальство ясно давало понять, что оно весьма довольно его, Артема, трудовыми свершениями. Сулило всякие блага и рисовало радужные перспективы. А во-вторых, попросило ознакомиться со свежим дельцем.

- Ты, Шевчук, не расслабляйся, посмотри там что к чему, а потом будем решать, как поступать: либо пристегнем к тебе пару-тройку человечков, либо подключим свежие головы – у нас через неделю-полторы народ из отпусков подтянется.

Однако Артема уже трудно было чем-то смутить: начальство пока не ставит в жесткие рамки – и то хорошо.

Не беда, что где-то кого-то все же завалили. Ну, повздорили ребятки на стоянке казино, что из того? Тело

молодое, кровь горячая, опять же дури хоть отбавляй, отчего же не порезвиться и не пустить юшку ближнему своему? Или двоим-троим? Запросто! А мы, со своей стороны, начнем разбираться не торопясь – обстановка по городу в целом благолепная, значит, фора во времени пока есть.

Артем с громким шлепком опустил папку на столешницу, сел за компьютер и ушел с головой в виртуальные джунгли, происки вьетконговцев, коварную систему допотопного ПВО, поиск стратегических объектов, которых из тесной кабины «Фантома» покуда было не видать, но требовалось просто запастись терпением.

К сожалению, что-то сразу не заладилось с миссией: перегруженный боезапасом и топливными баками хваленый американский ястребок плохо тянул, вяло слушался руля, а тут еще и узкоглазые подсуетились, саданули ракетой откуда-то сбоку, - так что поневоле пришлось заниматься серой картонной папкой.

Артем со вздохом отворотил свеженькую еще обложку, прочел на первой странице опись содержащихся внутри материалов и приступил к изучению протокола осмотра места происшествия.

Поначалу его совсем не взволновали сухие строки казенной бумаги стандартного образца с клишированными оборотами и обычным милицейским косноязычием. Но потом, вчитываясь, он стал наткаться на весьма интересные моменты. К примеру, явно не типичный выбор оружия. Обрез охотничьей двустволки нелегко скрыть под одеждой, почти некуда сунуть в машине, а проверки на дорогах сейчас – дело обычное. Так зачем рисковать? Кроме того, у ружья всего два заряда, чего в некоторых случаях бывает явно недостаточно. А там, в деле, выпадет ли возможность перезарядить стволы – большой вопрос! Опять прокол? А этот странный выстрел по тачке?

Артем повертел в руках красочные фотографии стильной машины, буквально развороченной спереди и сбоку картечью: сто тысяч баксов псу под хвост. Но какой смысл было это делать?

Снимки «Шевроле» были отложены в сторону, в руки просились другие – окровавленных тел. Оба скончавшихся на месте стрельбы паренька получили практически в упор по заряду дробы в верхнюю часть груди и шею, несколько кусочков свинца попали даже в подбородки. Но, конечно, при таких ранениях смерть не наступает мгновенно, сердце еще работает какое-то непродолжительное время – оттого столько багровой жижи натекло на асфальт.

Артем пролистал материалы осмотра трупов, так и есть: проникающие огнестрельные ранения грудной клетки, центры россыпи дробы локализируются между третьим и четвертым ребрами... А вот тут интереснее: с потерпевших изъяты золотые цепочки 958-й пробы панцирного и витого комбинированного плетения с нательными крестами общим весом в 204 и 262 грамма, часы «Картье» и т.п. Неплохо! Ребятам всего по 25-26 лет, а упакованы выше крыши. Вернее, были упакованы – а это существенная поправка...

Шевчук продолжал изучать материалы первых следственных действий. Вот очень интересный штрих: папковые гильзы от гладкоствольного охотничьего ружья, обнаруженные рядом с машиной и трупами; на детальных снимках видна маркировка на латунных доньшках – 16, 78 и знак завода-изготовителя. Значит, патроны шестнадцатого калибра аж 1978 года выпуска! Плюс к тому картонные пыжи-прокладки самодельные... Что же это получается?

Артем лихорадочно потер ладонями виски.

Меланхолическое настроение, вызванное духотой, враз улетучилось. Вещественные доказательства, собранные на месте происшествия, сами укладывались в весьма

определенную схему. Молодцы ребята из оперативно-следственной группы, почистили «полянку» основательно.

Все вроде походило на непрофессионально исполненное двойное убийство, совершенное, впрочем, с немалым хладнокровием. Положить с двух выстрелов троих человек (а охранник явно не был целью и попал под раздачу чисто случайно), потом спокойно перезарядить оружие, пальнуть по машине и уйти не спеша – такое сможет сделать не каждый. Получается, стрелял дилетант, пусть и с завидными нервами? Но невезучие пацаны были явно из криминальной среды, а подобную публику за здорово живешь, как правило, не валят. Следовательно, господин следователь по очень-очень важным делам, перед вами искусная имитация? Но почему тогда использовали устаревшие боеприпасы, которые в любой момент могли дать осечку?

Вопросов было море.

Но, как всегда в таких случаях, четче работала мысль, пробуждалась интуиция, появлялась спортивная злость, и Артем с удовольствием потер руки.

В конце концов, он вник еще не во все бумаги; на месте бойни, кроме прочего, осматривали также машину; опера устанавливали свидетелей; заключение экспертов пришлют со дня на день. Позже должны подогнать материалы видеонаблюдения за автостоянкой культурно-развлекательного центра.

Короче, работа еще только начинается.

5.

Алла отложила в сторону книгу и посмотрела на часы. Где он может шляться в первом часу ночи? Мобильный не отвечает уже давно – отключен. Но почему? Такого раньше не было: ничего не сказал, не предупредил, что где-то может задержаться. Неужели трудно набрать семь цифр, неужели дела так неотложны, что нельзя позвонить и

сообщить близкому человеку, чтобы тот не волновался? Да и какие неотложные дела могут решаться глубокой ночью?

Что-то не очень вдохновляет ситуация последних дней. А как все радужно начиналось три с половиной месяца назад! Тогда она как раз довольно-таки сурово поговорила с Матвеем по телефону – порядком надоел уже этот философствующий лежебока, – и поехала к школьной подруге выпить рюмочку-другую ликера, посплетничать о том о сем, подлечить расшатанные нервы. Возвращалась назад вечером, но на дворе – в разгаре май, в девять еще светло, народу по улицам шатается много. Опасности вроде никакой, вот и решила поймать частника. Обычно стоило ей лишь приподнять изящную ручку, водители реагировали незамедлительно, судорожно вдавливая педаль тормоза в пол. А тут, как назло, легковой отечественный автотранспорт пролетал мимо, иномарки, особенно дорогие, останавливать Алла в данный момент не желала. Поэтому, когда на дороге появилась роскошная белая машина (уже позже ей объяснили, что это «Ягуар»), она, естественно, руку опустила. Может, и несколько поспешно. Но иномарка плавно подкатила к бордюру, и весьма симпатичный молодой человек поинтересовался, не подвести ли ее. Говорил он непринужденно, бархатным голосом, пытался острить, легко втянул ее в обмен репликами. Только вот не понравился Алле едва приметный блеск в глазах приглашающего. Или это ей померещилось? Но отделанный под красное дерево салон выглядел потрясающе, кожаное сиденье манило мягкой подушкой, и она быстро поддалась искушению прокатиться на роскошной машине.

Правда, не успела Алла усесться поудобней и осмотреться вокруг, оценить, так сказать, вблизи интерьер салона, как уже почувствовала, что совершила ошибку. Руки у парня затряслись, глаза полезли из орбит и задрожал голос.

Этого еще только не хватало!

Нужно было срочно искать выход из положения. Самое главное - вести себя естественно, закинуть ногу на ногу, весело о чем-то щебетать. Уф-ф, кажется, у него отлегло... Ну, теперь восхититься машиной, польстить немного, поднять человека в собственных глазах – может, тогда он отвлечется от нехороших посторонних мыслей. Опять замолчал... Закурить, попросить зажигалку, снова хвалить за отменный вкус, вывести диалог на нужные рельсы... Стоп! Он же везет какими-то пустынными переулками! Ну, девка, попала! Сейчас остановится в укромном местечке и скажет: «Давай, кошка!»

Алла вся сжалась: так глупо попасть впросак.

И ведь сразу увидела, что мужик озабочен, но купилась на яркую обертку, размышляла о кренделях небесных: вот бы такого кавалера подцепить... Алла что-то говорила, говорила, почти не улавливая смысла собственных слов... Что?!.. Все-таки фраза, которой она так боялась, прозвучала... Хорошо, согласиться на всё с каменным лицом – это последний сильный ход, и на иных должен действовать как ушат холодной воды...

И тут до ее слуха, как сквозь вату, донеслась совершенно неожиданная фраза:

- Вы меня приглашаете на свидание?

В первую секунду она даже растерялась, осеклась на полуслове - настолько это ошеломило. Но быстро взяла себя в руки. Вот это номер! Неужели выкрутилась? Сейчас только хотел взять силой и тут же на свиданку зовет! Больной? Да не похоже... Впрочем, главное выбраться из этих ужасных кустов, а там будет время подумать, прикинуть, все взвесить. В конце концов, такие обеспеченные молодые люди на дороге не валяются...

Да, романтическая история начиналась красиво. Чего стоила одна поездка в Таиланд. Столь ярких впечатлений ей не доводилось испытывать за всю свою недолгую жизнь. Маленькое путешествие на слонах в джунгли, купание в искрящихся водопадах, морская прогулка на

роскошной белоснежной яхте. А какие изысканные блюда заказывал в ресторанах Гриша, какие вина подавали к столу прилизанные халдеи по одному лишь небрежному щелчку пальцев! Она тогда чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Все вокруг будто кружилось в завораживающем танце, земля уходила из-под ног, время остановилось. Именно так в самых смелых мечтах она представляла свою будущую жизнь. Ведь она молода, красива, сообразительна и, конечно, достойна этой чарующей сказки. Моментально прежнее унылое, скучное, однообразное московское существование с вечно недовольным самоедом Матвеем отвалилось от нее, как засохшая старая болячка. Никогда больше, никогда, - Алла это вдруг окончательно осознала среди ослепительных пейзажей - она не сможет вернуться в подленькое серенькое прозябание, всеми силами и средствами, зубами, ногтями, да чем угодно, будет выгрызать, выцарапывать себе право продлевать и продлевать нынешнее колдовское наваждение!

В Паттайе они с Гришей играли в казино, и, как почти всякому новичку, ей поначалу здорово везло. Сейчас ужасно вспоминать, но она выиграла в тот вечер четыре с мелочью тысячи американских долларов! Одна беда: в такие моменты нужно знать или, по крайней мере, остро чувствовать, когда остановиться, а она этого сделать не сумела. И все равно атмосфера была другая, Гриша был другой. Он легко рассмеялся, когда остаток выигрыша окончательно растаял, и доверительно шепнул ей в розовое ушко: «У меня этой зелени как грязи». Что, конечно, прозвучало для нее райской музыкой.

В совсем недалекой юности мама, измученная постоянной нехваткой денег госслужащая, многократно внушала Алле, скорбно скрестив руки на груди: «Выбирай, доченька, себе такого мужа, чтобы мог достойно содержать тебя и детей, чтобы не нужно было каждую копейку до получки считать». Алла и сама, испытав в те незабвенные

годы недостаток во многом, склонна была думать так же, но попала в искусно расставленные сети Матвея, засмотрелась на его зеленые глаза, заслушалась бойкими речами, произносить которые он был большой мастак, да и потеряла голову. Мама пыталась ее образумить: «Ты с ума сошла, он же голодранец, твой кавалер, всё только в прожектах!» Но она как дура твердила в ответ: «Я люблю его!» Правда, ради справедливости стоит отметить, Матвей в начальную пору их знакомства подавал надежды и производил впечатление человека, с которым вот-вот случится успех. В профессии и, разумеется, в деньгах, и тогда уж, тогда уж они все наверстают...

Но ничего не произошло, все усилия пошли прахом, радужные перспективы исчезли словно мираж. Характер парня начал катастрофически быстро меняться, в руках незаметно появилась рюмочка, они временно разъехались, а потом ей и повстречался на пути белый «Ягуар»...

6.

За немытым оконным стеклом из-за домов медленно показывалось солнце. Сначала блеснул первый луч, потом появилась тонкая огненная полоса.

Не так давно Матвей с удивлением обнаружил: если пристально всматриваться в край диска, то отчетливо видно, что солнце восходит едва приметными толчками. Но такого в принципе не могло быть! Объяснение, конечно, отыскалось быстро: все в утлом человеческом теле подчиняется ритмичному току крови. И тогда, возле казино в решительный момент, окружающее поплыло перед глазами потому, что бешено билось сердце. Вот что!

Бессонная ночь странным образом не сказалась на общем самочувствии. Матвей совсем не ощущал усталости, голова не отяжелела, работала четко. Даже, наоборот, все эти странно долгие часы он будто находился в состоянии сильного опьянения, не алкогольного, нет, – а какого-то

иною, от которого сладко жгло в груди, и мысли в голове складывались парадоксальные.

Он будто приходил в фешенебельный ресторан, в заповедных недрах заведения по одному ему известным приметам отыскивал кабинет, где за обильным столом оттягивалась веселая компания, состоящая почему-то из двух его последних обидчиков и их дам. Без слов наставлял стволы на хахалей и валил сердечных, как снопы, картечью. После, не обращая внимания на багровые лужи (то обстоятельство, что это мероприятие очень шумно, и, по идее, должно вызвать нешуточный переполох, само собой опускалось), Матвей раскладывал клацавшую зубами Алку прямо на столе и вставлял ей первый сладкий пистон. Тотчас же аналогичным образом поступал с другой дрожащей как осиновый лист бесовкой, давешней курякой из «Мерседеса»: «А он, красив, могуч и смел, ее меж рюмок отымел!».

Представляя эту живописную сцену, Матвей хищно раздувал ноздри и с силой шлепал кулаком по оказавшейся рядом столешнице. Едкий стих, между тем, продолжал пульсировать в мозгу своим чередом: «...Потом побил зеркал немножко, прожег сигарою диван, забрался в дрожки, крикнул: «Прощка! – и уж сквозь храп. – Домой, болван!»

Матвею вдруг отчетливо поблазнилось, что многое теперь в его власти, что он мощный и искусный охотник, а жалкие, стертые фигуры вокруг – просто мишени.

Но для подтверждения этого нужно было опять выходить на тропу войны.

Итак, что предпринять в следующий раз?

Солнце уже высоко поднялось над городом, светило с не сентябрьской силой, а Матвей все ходил из угла в угол, похрустывая суставами пальцев и бормоча себе под нос, - вполголоса проговаривал план будущего большого шухера.

Однако к делу нужно подойти серьезно. Очень плохо, что у казино «24 карата» он действовал в полубеспамятстве

(а иначе, как тогда объяснить провалы и огрехи в мысленном воспроизведении ночных событий?), оставил на месте кое-какие улики. Опять же, упустил из виду активных очевидцев... Ладно, списывается всё на неопытность, но впредь такого допускать нельзя!

Но кого избрать мишенью? Продажных смазливых тварей? Сиповок, кошёлков, шалашовок, готовых за лишний доллар или рубль, а то и просто за «вкусно пожрать и прокатиться на красивой тачке» широко раздвигать свои божественные ножки под всякой сволочью? Или взяться непосредственно за сволочей? За всех этих прикинутых в крутую одежду упакованных «хозяев жизни»?

Матвей вспомнил об одной крале и подошел к книжному шкафу. Там, за стеклом, у него хранился давнишний «Огонёк» с зеленоглазой красавицей на мятой глянцевого обложке. Девушка в салатной джинсе (тогда цветной коттон был в моде), повернувшись к читателю соблазнительной, туго обтянутой кормой, окатывала его из-за плеча злым взглядом. Матвей, шумно сопя, подробно рассмотрел без единого изъяна молодое и очень приятное лицо (насчет безупречной красоты, положим, еще можно поспорить!): несомненно, глаза были колючие, злющие, неудовлетворенные.

Все они считают себя королевнами. Мол, я такая, такая, - ох, какая я! – а вы мне поэтому кругом по гроб жизни обязаны, обязаны, обязаны! Куда там: простой смертный на пушечный выстрел не подходи... И ведь нашла свой бесславный конец (ха-ха, неплохая игра слов) в объемистом дорожном чемодане неподалеку от богатого пригорода Солоники в компании с одноименным лихим стрелком.

Матвей заскрежетал зубами. После очень неожиданного и оттого совершенно ошеломительного разрыва с подругой он оказался совсем один и без содрогания не мог думать о смазливых бабах и их прелестях. Сучка! Искала себе богатого женишка, а

надыбала кромешника, мастерски прикинувшегося солидным греческим дядькой.

И Алка туда же.

Кто выкрал у него сокровище?

Он пытался было звонить подружке домой, пока ее след еще окончательно не простыл, но мать строго-настроено наказала:

- Вы, Матвей, - сразу перешла на официальный тон, - если считаете себя настоящим мужчиной, то и думать забудьте об Аллочке. Она наконец нашла достойного человека!

- Когда же девка сподобилась? – успел оскорбиться он, и тотчас в трубку запищали противные короткие гудки.

Матвей тогда впал прямо в неистовство. Стал лихорадочно прикидывать, как вычислить голубков. В самом деле, как? Устраивать засаду у дома – несолидно. Да и сколько придется ждать? Подкупать телефониста, чтобы поставить Алкин аппарат на прослушку, – как это получится по деньгам? И клюнет ли на бабки, не побоится пойти на рискованный трюк мастер телефонных дел? Другие варианты как-то не пришли в нужный момент в разгоряченную голову...

А как солнечно начинались их встречи! Странно думать, но это было всего год с небольшим назад. Он вдыхал пьянящий апрельский воздух полной грудью. И шел в те дни на контакт легко – был шибко настроен на удачу. Да и удача-то была совсем рядом.

С Аллой свиделся в первый раз у случайных знакомых, заплел, закружил ее разговорами. Похвастался, что он – инженер-теплотехник, выпускник Бауманки, и скоро отправится в служебную командировку, в солнечный штат Невада. А, кроме того, перспективная тема, в которой он работает, сулит большие дивиденды в самом ближайшем будущем. А это не только прямая и быстрая профессиональная карьера, но и выгодные контракты, обеспеченная жизнь... Как он всего этого добился? Ну,

конечно, не только собственными силами. Сейчас не такое время, без блата никуда – всяк свояка к кормушке тянет. Есть и у него добрый гений, двоюродный брат, благодаря забавному зигзагу в родственных судьбах, появившийся на свет почти на двадцать лет раньше его. Умница, в свои сорок пять – управляющий департаментом в Минатоме ...

Однако ничего не получилось. Брат, искренний, но не горячий поклонник крепкого шотландского можжевелевого напитка, скоропостижно скончался от саркомы печени. Сгорел за три месяца. Тотчас же в конторе Матвея начальство охладело и к актуальной теме эффективного и безопасного отвода тепла в двухконтурных системах ядерных реакторов, и к насущной необходимости перенимать и обогащать заокеанский опыт по данной проблеме. Причем официально ему ни о чем таком сказано не было. Но, с каждым днем осознавая это все отчетливее, он за сравнительно короткий срок умудрился испортить отношения со многими не последними людьми – пришлось в конце концов положить заявление на стол.

Жизнь дала основательную трещину, и трещина эта прошла не только по восходящей карьере, но и по их с Аллой трепетному союзу, стала быстро разводить к разным берегам. Агония длилась недолго, потому как, прослышав о его неудачах, против него стала активно интриговать несостоявшаяся теща. Очень скоро Алла покинула его гостеприимное обиталище, однако окончательно связи не порвала. Они продолжали встречаться – довольно редко, почти украдкой, всегда как-то на бегу, будто глубоко законспирированные любовники. И вот в один прекрасный день...

Он сначала даже не понял, что произошло, так как от навалившихся скопом напастей принялся лечиться традиционным российским способом. Просто в один теплый и ясный опять-таки весенний день подруга... исчезла с горизонта, и все его лихорадочные попытки

связаться с ней не принесли результата: телефон молчал как проклятый.

После первых неистовых дней у Матвея все-таки выиграла гордость: ах, так! Посмотрим, кто кого перемолчит! Но прошла одна неделя, другая, третья. Началась и закончилась четвертая... Тогда-то он не выдержал и набрал заветные семь цифр, и в тот первый и последний раз ее мать заговорила с ним на «вы»...

Матвей вздохнул. Эх, что беспрестанно теревить и без того незаживающую рану?!

Так кого же теперь избрать мишенью?

7.

Дверь открыл, как Гриша и ожидал, хозяин квартиры, потертый худощавый парень с пятидневной щетиной на сером испитом и будто неумытом лице.

- Привет, братан! Что, болеем?

- Ой-ей-ей! Какие люди, и без конвоя!

- Типун тебе на язык. Прими лучше хавку. Да пузыри не разбей, бродяга! – небрежным жестом Гриша бухнул объемистую пластиковую сумку, доверху набитую продуктами, на обшарпанную тумбочку; внутри жалобно звякнуло стекло.

- Э, э, полегче при кантовке!

Парень суетливо подхватил подношение, заблестевшим глазом зыркнул в нутро, узрел черные бутылочные пробки, оживился, попятился на кухню, ласково приговаривая:

- Милости просим, спаситель, гость дорогой! Сейчас все сбацаем в лучшем виде.

Гриша брезгливо оглядел унылую обстановку прихожей, скривившись, втянул носом кислый, застоявшийся воздух.

- У тебя чего, Лёха, колеса можно не снимать?

- Что? – Лёха, как видно, уже перескочил мыслями на горячительное и по этой причине посторонние темы воспринимал туговато.

- В штиблетах, говорю, можно по хате хилить?

- А? Да-да, конечно, какие проблемы!

Гриша, наконец, вошел в кухню, показал пальцем на загаженный стол.

- Срач убери, поэт, а то у нас с тобой никакой встречи не получится.

Лёха шмыгнул носом, криво ухмыльнулся, а руки в трясуне уже разливали по стопкам водку.

- Не ведись, Гришаня, все будет тип-топ. Но сперва нужно жахнуть по маленькой.

Парни опрокинули сосуды. Хозяин квартиры запил дозу разведенным вареньем из литровой банки, гость поморщился, но ни к чему на столе притронуться не решился.

- Ты все грузчиком горбатишься? На краснознаменной мыловаренной фабрике?

- Не-а. Давно уже это было. Сейчас тружусь на плодоовощной базе.

- Ништяк. А стишки-то кропаешь по-прежнему?

- Да как сказать? В последнее время что-то нет желания. Житуха не располагает.

- Ну, сказани что-нибудь этакое, занятное.

Лёха, как пианист на эстраде, слегка откинул голову, его глаза вдруг потемнели, черты отекавшего лица стали жестче.

- Отчего мы пьем? Заглушить в себе боль,

Боль физическую и боль душевную.

А еще оттого, что дали нам роль,

Роль посредственную, а не первую...

Гриша аж поперхнулся в кашле.

- Кха-кха! Ха! Ну, ты даешь, зёма. Кто ж тебе, вахлаку, первую роль отчинит? На нее вон сколько кругом охотников!

Автор слегка смутился.

- Что мы все обо мне, да обо мне? Ты-то как? Каким ветром здесь? Слышал, наши ребята говорили, ты крутым бандюком стал?

Гриша ласково улыбнулся.

- Это тоже былъем поросло.

- А сейчас где?

- Сейчас перемещаю материальные ценности на просторах нашей родины.

- Коммерсантишь, что ль?

- Вроде того. Ты болтай-болтай, а поляну, знай, прибирай, бродяга.

Хозяин проворно сгреб грязную посуду со стола, положил ее в мойку, пустил горячую воду.

- А чего тебя ко мне принесло?

- Вот те номер! Ты че, не рад со школьным корешком покалякать, бутылочку-другую раздавить под маринованные огурчики?

- Рад-то рад...

- А я дай, думаю, к Лешке Воблину - поэту на огонек заскочу. Небось мается, бедолага, без допинга и без этого... Как его, черт? Вдохно... вдохновения.

- Да уж, маюсь. А ты, никак, в полном мажоре?

- Если бы, - Гриша налил по второй. - Если бы, Лёша, все было так просто. Я сам сейчас сижу в такой заднице, что хоть караул кричи.

- А что так?

- Да ничего особенного, - Гриша осклабился, бросил хитрый взгляд на собеседника. - Восемьдесят тонн навалишь на один месяцочек?

- Не понял?

- Восемьдесят тысяч бакинских, говорю, займешь на месяц?

- Это восемьдесят тысяч долларов, что ли?! Смеешься надо мной или как?

Гриша вдруг помрачнел, хлопнул ладонью по столу.

- Вот-вот! Вяжем об этом, в натуре. Давай ханку жрать, зря я что ли два литра «Русского стандарта» приволок?

Некоторое время Лёша сосредоточенно мыл посуду. Гость первым нарушил молчание.

- Ты, кстати, в курсах, что Архипа на зоне завалили?

- Сашку Архипова из параллельного класса?

- Его.

- Ты смотри-ка! А впрочем, этого и нужно было ждать. Он, когда здесь появлялся между своими неоднократными отсидками, очень часто не в тему попадал, вел себя по-шакальи.

- Как там нужно было, не знаю, в тему, не в тему, а пацана замочили. Теперь он в яме гниет.

- Что ж, все там будем.

По Гришиному лицу пробежала нервная ухмылка.

- Но попозже, чуток попозже!

- Я тоже согласен маленько повременить. Однако житуха вокруг пошла совсем уж дикая. Вон у вас, коммерсантов, что ни день – то новый жмурик. Валят народ, как лосей на делянке.

- Слушай, я тебя умоляю, не сыпь мне соль на спину, она еще болит.

- Тут сыпь, не сыпь, один расклад. Ты уж, наверняка, знал, куда ломился, какие там бабки в ходу, какие завязки, и чем это все пахнет. Но вы ведь все хотите на крутых тачках разъезжать, лучшую хавку на столе иметь, смазливых длинноногих телок харить...

Гришу медленно забирал алкоголь. Он смотрел, как проворно раскладывает по тарелкам разнообразную закуску его бывший одноклассник и чувствовал: пружина,

что стискивала нутро все эти дни, начала потихоньку разжиматься.

- А ты что ли грамотно живешь? Валяешься на продавленном диване, неделями не просыхаешь и из баб, небось, только Дуньку Кулакову и пробуешь.

- Очень возможно. Зато она у меня всегда под рукой. Под мускулистой правой.

- То-то и оно. Ты свалил со своего журфака, чтобы стать грузчиком и хануриком?.. А! Я ж совсем забыл: ведь ты у нас поэт!

Лёша со спокойным лицом разлил по рюмкам водку, молча поднял свою и выпил.

- А мне, представь себе, так больше нравится. Да, я похерил журфак, потому что это suck, как говорят америкозы, - то есть обсоски, полный отстой. Да, я лежу на диване с Дунькой Кулаковой и поплеываю в потолок, а иногда кропаю говенные стишки, - все правильно. Но я свободен! Почеши репу, вдумайся, вслушайся только в музыку этого нездешнего слова – СВОБОДЕН.

- Во бля! Свободен от чего?

- От всего. От денег, непоняток, разборок, мышинной возни и волчьих сшибок. От вашего идиотского социума, где по большому счету никто никому на хрен не нужен. Да, я заранее и безропотно сдаю позиции, уступаю тебе и таким как ты почти всё. Но...

- Но?..

- Но пули, до поры торчащие в черных стволах, не для меня. А для других, крутых. Я спокойно сплю. Я если и сохну, то только от цирроза печени и, заметь, по собственному желанию. То есть опять же налицо полная свобода выбора. Сечешь?

Гриша покачал головой.

- Ну, толкнул речугу, браток! Только от бабок и ты, поэт, не свободен...

- Давай, пей, - Лёша гнал раздачу одну за другой. - И прослушай еще одно программное четверостишие:

забудусь,
бьет.

Возьму бутылку, выпью,

Пусть жизнь за окном ключом

радуюсь:

А я – с верхотуры на нее

Меня эта жизнь не е..т!

Было видно, как с каждой минутой язык все меньше повинуется хозяину, слабеет его голос, теряют ловкость руки. Физиономия поэта покрылась неровными красными пятнами, лицевые мышцы почти полностью расслабились. Лёша все чаще клевал носом, временами испуганно взмаргивая сонными глазками.

Такая резкая перемена в поведении произошла буквально в течение какой-то трети часа, и Гриша с интересом теперь наблюдал, как стремительно пламенный крикун превращается в обычного ханыгу, синяка. Еще через пять минут сон окончательно сморил Воблина, он уронил голову на плечо и с тихим присвистом захрапел.

Гриша не торопясь налил себе стопку, подвинул ближе тарелку со щедро нарезанными ломтями семги, еще раз осмотрел бывшего собеседника с ног до головы, перевел насмешливый взгляд на тонкую мутную соплю, вытянувшуюся у того из ноздри, выпил.

- А говоришь, браток, «свобода». Нет, я уж лучше оторвусь на этом гульбище на полную катушку, красивых баб за молодые стоячие сиськи подержаю. Пускай даже после придется за всё ответку держать. Но как ты, плесенью, загибаться в падлу, в натуре!

Поэт, в своем мутном далёке расслышав звук, похожий на голос, мотнул головой, приоткрыл один блеклый глаз, промычал:

- Че? Че гг-ышь?

- Ничего-ничего, почивай с миром, браток. Первый номер остается за тобой. Только, не обессудь, - с конца.

Гриша посидел еще немного, уставившись в тарелку, допил бутылку, и, выходя на лестничную площадку, подумал: «А все-таки славненько, что расслабиться после всех непоняток и напрягов я рванул к Лёшке Вобле. Побухать с таким пофигистом в кайф: чувствуешь себя не последним мудаком на этой грешной земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

Решение пришло неожиданно. Вторую акцию он не будет предварительно обдумывать. Все должно произойти спонтанно – в полной непредсказуемости появляется даже некий метафизический знак. Только представить себе: где-то в огромном вечернем городе перемещаются люди, у которых все схвачено и нет никаких проблем; подпункт – эти люди и он совершенно незнакомы друг с другом, более того, доведись им случайно пересечься, холодные глаза посмотрели бы на него как на пустое место; пункт второй – в неопределенный момент он выходит из дома без какого-то четкого плана, повинуюсь, говоря фигурально, пожеланию левой ноги, и только слепой случай выносит его на живые мишени.

Такая ситуация представилась Матвею несколько более волнующей, чем тривиальное ожидание братков у казино. Голый фатум, судьба, неизбежность. И вершителем этой судьбы будет он, скромный паренек с обрезом в руках.

Однако некоторые приготовления все же необходимо было сделать во избежание возможных неувязок.

В прошлый раз он сморозил глупость, оставив на месте стрельбы гильзы. Улика не ахти какая, но Матвей изредка посматривал детективные фильмы и помнил, как эксперты колдовали над самыми незначительными предметами, в результате чего сыщики выходили на след очередного

беспечного фронтмена. Этой возможности их нужно было обязательно лишить.

Вооружившись молотком и кернером, Матвей несколько раз несильно ударил по бойкам, чтобы изменить их ударную часть. Теперь отпечатки на доньшках капсюлей будут другими. Если же вдобавок к этому поменять старые отечественные патроны на новые импортные, которых имелось в запасе несколько штук, замучаетесь искать концы, граждане начальники!

Разобравшись с этой незначительной проблемой, Матвей прилег на диван.

С тех пор, как от него ушла ветреная девчонка, он будто одеревенел, впал в некий продолжительный транс. Все окружающие предметы, события, люди как-то истерлись, поблекли, перестали волновать, воспринимались так, словно они находились за мутным пуленепробиваемым стеклом. Он отказался от встреч с друзьями, днями вообще не подходил к поначалу трезвожившему, а потом наконец-то умолкшему телефону. Соответственно, жизнь в течение трех с лишним последних месяцев оказалась катастрофически скудной. На этом удручающем фоне только одна встреча казалась более-менее интригующей.

Дней десять назад не первой свежести библиотекарша по имени Диана пыталась втянуть его в разговор на отвлеченные и не совсем отвлеченные темы.

Вконец измученный одиночеством, своей неприкаянностью, Матвей решил заглянуть тогда в районную библиотеку и как-нибудь попытаться убить время за чтением иллюстрированных журналов.

В душном помещении за барьером сидела скучающая симпатичная брюнетка с грустными коровьими глазами и внушительным бюстом, едва скрытым кокетливой полупрозрачной блузкой.

Вскользь узнав о цели его прихода, она немедленно начала темпераментный монолог и уже на третьей минуте

сообщила, что полгода назад развелась с супругом, что мужики пошли все сплошь какие-то безынициативные, и, вообще, неплохо было бы сходить куда-нибудь на мероприятие, скажем, в кино или, ну, в крайнем случае, в кафе, да не с кем. При этих словах в упор смотрела Матвеем в глаза и кривила губы в ухмылке. Он охотно согласился с первым тезисом, промямлил что-то неопределенное насчет второго, подхватил случайно попавшиеся под руку журналы и ретировался.

В тот день озабоченная девица не произвела на него ровно никакого впечатления.

Теперь же, перед вылазкой, лежа на диване и вспоминая ее аппетитные формы, смазливое личико с алым бантиком пухленьких губ, он вдруг почувствовал дикий жар во всем теле. Теперь он был готов поступиться многим, лишь бы только опять видеть этот вызывающий взгляд, эту многообещающую ухмылку, обонять тонкий аромат французских духов, волнующий запах женщины.

Сопротивлялся он недолго. Прикинув, как этот поход может отразиться на вечерних планах, Матвей резонно рассудил, что заранее рассчитывать на какой-то сверхуспешный диалог совершенно не приходится. Мало ли, что девица тогда улыбалась и активно строила глазки! У таких общительных семь пятниц на неделе. К тому же, весьма вероятно, она уже утолила свою озабоченность с каким-нибудь подвернувшимся читателем. Значит, нечего ломать голову: как сложится, так и сложится. Если контакт наладится, неизвестно, сколько времени займет общение, если же нет, тоже неплохо – впереди еще ждет криминальный экспромт.

В конце концов, от этой шаткости, непредсказуемости цена будущей полуночной случайности неизмеримо возрастает.

Так додумывал Матвей, уже трясаясь в общественном транспорте, - до библиотеки нужно было ехать на трамвае несколько остановок, потом топтать пешком.

Странно, но за всеми этими размышлениями он совсем упустил из виду, что Дианы просто может не оказаться на рабочем месте. По разным причинам – человек заболел либо поменялся сменами. Только подходя к учреждению, он вспомнил об этом варианте, но до заветного барьера оставалось всего несколько шагов.

В просторном помещении с неистребимым запахом макулатуры и пыли снова царила скука, читателей не было. Диана перекладывала карточки, склонив голову над столом. На ней была трикотажная кофточка, также выгодно подчеркивавшая рельефные формы, достаточно короткая юбка, чтобы можно было видеть крепкие стройные ноги в белых колготках.

Как только Матвей увидел все это разом, тотчас почувствовал себя совершенно разбитым, не способным на какие-либо активные действия; заготовленные фразы моментально куда-то улетучились. Он прошел к барьеру и встал столбом, не в силах вымолвить ни слова.

Девушка помогла выйти из щекотливого положения.

Миновала секунда, две, три, и в ее глазах вспыхнул тот же здоровый интерес, а на губах заиграла та же памятная ухмылка. Она слегка повела бровью.

- Молодой человек явился за очередной стопочкой журналов? И, желательно, с прелестями каких-нибудь звездочек?

К своей чести, Матвей оценил ситуацию должным образом, скороговоркой выпалил первое, что пришло на ум:

- Вы, Диана, ослепительней всех звёзд, вместе взятых.
- Да? – и опять ухмылочка, теперь откровенно манящая. – Откуда вы знаете, как меня зовут?
- Подслушал, когда вас окликали подружки.
- Вот, значит, какой вы коварный!
- Да уж, такой. А зовут меня, между прочим, Матвеем.
- Очень приятно.

- Взаимно. И еще у меня образовалась пара свободных вечеров, и я хотел предложить на выбор: театр, кино или, может быть, ресторан?

У Дианы радостно вспыхнули глазки.

- Ты всегда ведешь себя так нахально?

- Нет, совсем нет. Наоборот, я по натуре робкий. Но очень рад, что мы с тобой сразу перешли на «ты».

- Я тоже рада. Но к большому сожалению, с вечерами ничего не получится.

- Почему?

- Хороший вопрос, - Диана поджала губки. - Потому что и сегодня, и завтра я работаю до девяти.

- И нет возможности подмениться?

- Нет.

- Тяжелый случай! - Матвей мучительно соображал, что мог означать такой решительный отказ. - Тогда я приеду к закрытию вашего почтенного заведения.

- Да? И что мы будем делать?

- Ну, прогуляемся немного... Я провожу тебя до дома... Или знаешь что! У вас ведь есть здесь комната отдыха, где можно чуток посидеть, поболтать.

Диана растерянно смотрела на него.

- Ну, есть.

- Так я возьму с собой хорошего винца, закуски, и посидим, отметим наше знакомство. А?

Девица неопределенно пожала плечами.

- Не знаю, не знаю. Мне еще надо библиотеку закрывать, отзваниваться на пульт охраны.

Матвеем почти овладело отчаяние.

- Да брось ты, Диана! Что такого, если мы задержимся на полчаса, выпьем по рюмке-другой хорошего массандровского портвейна да закусим его белой рыбкой? А после уже, когда у тебя появится свободное время, ходим в какое-нибудь злачное местечко...

- Сумасшедший!

Уловив в ее голосе скрытое поощрение, Матвей больше не стал испытывать судьбу, поспешил откланяться.

- Значит, всё, договорились. До вечера! – и, неловко повернувшись, выскочил боком из помещения.

На улицу он вышел сам не свой, отер со лба выступившую испарину. Ключнула? Вот бабы! Никогда не разберешь, как себя с ними вести: то кокетничала и стреляла глазками, а то вдруг сразу засмушалась, будто девочка нецелованная.

В Матвее исподволь закипало раздражение. И что его понесло сюда? С девками валандаться – только от дела отвлекаться... Но он себя быстро одернул: мужик он или не мужик? Нужно пошевеливаться! Аллочка-краса сбежала от него, крутит любовь с каким-то мажорным бонвиваном (или, скорее, павианом!), а он что, так и будет страдать, в платочек сопли сосмаркивать? Нет уж, дудки, не на того напали!

Время до девяти тянулось медленно. Матвей не захотел ехать домой – там на видном месте лежал снаряженный обрез, а он теперь мысленно старался обходить мероприятие, которое совсем недавно намечал на поздний вечер. Он послонялся немного по промтоварным магазинам, потом зашел в продуктовый и купил марочный крымский портвейн, батон хлеба, пару нарезок осетрины, полпалки копченой колбасы (нормальный ход: приносишь с собой полпалки, а тебе за это дают бросить минимум одну-две). Хватит? Денег в кармане было не так уж много, но, подумав, Матвей добавил к джентльменскому набору небольшой торт, пакет виноградного сока, сигареты. Наполнив пластиковую сумку, усмехнулся: только цветов не достает. Но с этим, пожалуй, пока повременим...

Без четверти девять, напряженный и строгий, он появился в стенах библиотеки.

В абонементе у стеллажей толклось несколько читателей, и Матвей пристроил тяжелый пакет на стуле. Картонку с тортом поставил на стол в уголке.

Разновозрастные книгоеды едва удостоили его вниманием, зато Диана с интересом обежала глазами приношение, остановила блестящий взгляд на Матвее, заговорщицки подмигнула и подала незаметный знак выйти в коридор.

Там, по-свойски взяв его под локоть, распорядилась:

- Походи пока, повыбирай для виду книги. Через пять минут я начну выгонять народ, а ровно в девять бабка из гардероба уйдет... - и ободряюще сжала его запястье.

Матвей ощутил легкое головокружение. Слова, жесты, взгляд были столь многообещающими, а он так давно не находился близко с женщиной... Ему показалось даже, что у Дианы изменилась походка. Матвей смотрел, как, грациозно покачивая бедрами, она двигается по комнате, и отмечал про себя, что девчонка чертовски, чертовски стройна и сексуальна. Правда, возраст выдавали отчетливые морщинки возле глаз, заметил он и плохие зубки (у Аллы с ее двадцатью годами таких недостатков, понятно, в помине не было). Но это не омрачало общего впечатления. Отнюдь!

Он бродил между книжных стеллажей с мутной головой, не в силах ни на чем сосредоточить своего внимания, прислушивался к дробному стуку каблучков, голосам. Те и другие удалялись, перемещаясь к выходу. Потом, спустя минуты, показавшиеся ему продолжительными, каблучки вернулись, и веселый голос Дианы спросил:

- Матвей, ты где?

Дальше все происходило в сумасшедшем темпе. Он подошел к улыбавшейся девушке, не говоря ни слова, крепко обнял за талию и впился яростным поцелуем в ее губы. Диана не отстранилась, только вздрогнула в первое мгновение, а затем, наоборот, вся подалась вперед, плавно сомкнула ладони на его затылке. В совершенном беспамятстве Матвей зашарил руками по ее телу, сразу исследовал интимные места, начал стаскивать с нее одежду.

Ей едва удалось ослабить крепкие объятия.

- Подожди! Ты слишком быстрый! Девушку надо сперва вином напоить, словами уболтать. Да и потом... Если честно, мне нужно сбегать кое-куда, прежде чем мы начнем с тобой миловаться.

Столь обескураживающая прямота подействовала на Матвея как холодный душ. Он сжал зубы, но атаки своей не прекратил – молча притиснул Диану к большому овальному столу и повалил ее на спину. Она прекратила сопротивление лишь когда узкие с кружевным кантом трусики оказались на лодыжках высоко вскинутых ног.

В последний момент Матвей почувствовал под рукой что-то угловатое, мельком глянул, заметил концовку женской фамилии на пестрой обложке иронического детективного романа, смахнул досадную помеху на пол...

Спустя пять минут оба сидели потные, запыхавшиеся на низкой дерматиновой банкетке. Диана деловито поправляла на себе одежду, Матвей пытался прикурить сигарету.

- Здесь не дыми, а то девки завтра учуют.

Но он не слушал ее, с отстраненным видом чиркал спичкой по истертому коробку.

- Ты даже не надел презерватив!

- А ты чего-то опасаясь?

- А то нет!

- Это хорошо. Я тоже панически боюсь подцепить какую-нибудь заразу.

- Ладно, проехали. Пойдем в комнату отдыха, умоемся, хоть немного перекусим. У меня за целый день маковой росинки во рту не было.

Матвей нехотя поплелся вслед за новоиспеченной любовницей. Теперь, когда первая горячка схлынула, когда бастион был решительным натиском взят, он испытывал легкое разочарование. Не столько оттого, что на поверку по стати, по упругости тела Диана оказалась бледноватым подобием Аллы, но и потому, что какое-то время еще

придется сидеть и слушать никчемную болтовню в общем-то незнакомого человека. А ведь он собирался сегодня что-то сделать!

Комната отдыха оказалась просторным помещением с мягкими кожаными креслами и прочей необходимой мебелью, даже с кухонным уголком, - видно, использовалась также в качестве столовой.

Матвей тщательно вымыл руки над раковиной в углу и сел за стол, за которым после недолгой отлучки как ни в чем не бывало уже хлопотала оживленная девушка. Она бросила на него быстрый взгляд, протянула штопор.

- Открой вино. Чего это ты скис?

Матвей вялыми движениями пытался откупорить бутылку.

- Естественная физиологическая реакция, временный упадок сил... Ты знаешь, мы сейчас немного посидим, и после мне нужно будет идти.

- Куда? Ты же говорил, у тебя свободный вечер! Хотел еще меня до дома проводить.

- Свободный, да не совсем.

- Ну, конечно, свое получил, теперь можно и сбежать!

- Не в том дело. Просто поздним вечером мне еще предстоит одна нелегкая работенка, и я должен к ней основательно подготовиться.

- Ага! С другой бабой!

- Нет. С чего ты взяла? Разве мне с тобой сейчас было так уж трудно?

Пробка наконец была извлечена наружу, и Матвей разлил портвейн по бокалам.

- Давай лучше выпьем за знакомство. Это прекрасное солнечное вино. Марочное, выдержанное, - он запнулся. - И ты прекрасна.

Диана кисло улыбнулась.

- Да уж.

- Правда-правда. Фигурка точеная, грудь высокая и упругая, кожа натянутая, личико приятное. Все кондиции.

- Правда?

Матвей мелкими глотками опустошил бокал.

- Я же сказал. Просто сегодня у нас с тобой получилось несколько спонтанно. А вот в следующий раз...

- Когда?

- Вопрос хороший. Я позвоню. А теперь мне, с твоего позволения, пора отправляться...

На свежем воздухе все только что произошедшее показалось Матвеем весьма забавным. Он с тихим смехом вспоминал, как заваленная навзничь Диана нелепо сучила стройными ножками, пытаясь предотвратить преждевременное обнажение. Но помимо легкой радости, пьянящего ощущения собственной состоятельности, неясная тревога уже точила его изнутри.

Только подходя к своему дому, Матвей вдруг четко осознал: именно с того момента, когда он слил дурной жар в библиотечаршу, именно тогда и ни секундой позже, его мысли вновь возвратились в исходную точку - к вечерней вылазке. И больше того: как будто получалось, что все эти движения, галантные маневры, судороги были только ширмой, прикрытием, слабой попыткой обмануть самого себя, отвлечь от главного дела.

Почти дрожа от нетерпения, Матвей вошел в квартиру, не снимая обуви, быстрым шагом проследовал в комнату и взял в руки прохладный обрез. Что-то прямо-таки мистическое проглядывало в этих скупых коротких линиях, в плавных обводах, в простых, но завершенных формах. Темные зрачки стволов смотрели на него открыто и честно. Вот они, глаза судьбы. И, естественно, отправляясь в ночь, нужно быть максимально собранным, чтобы по пути распознать таинственные знаки, указующие на избранников.

Матвей заботливо уложил оружие в сумку. Подумал было взять два дополнительных патрона. Но это нарушило бы чистоту замысла, и он без сожаления оставил боеприпасы в коробке.

При выходе из подъезда он хотел сразу свернуть направо, в тихую тенистую улочку, но кто-то успел уже перегородить двор огромным грузовиком с прицепом, и Матвей направился прямо к оживленному шоссе.

На автобус он опоздал совсем чуть-чуть, увидел лишь удаляющуюся широкую корму с красными бусинками воспаленных глаз. Пришлось задержаться на остановке несколько минут.

Несмотря на довольно-таки поздний час, на лавке сидела средних лет тетка с объемистой сумкой в обнимку, рядом курили два мужика. Матвей прислушался к их тихому разговору.

- Ты что собираешься делать-то?

- Даже не знаю. Выставили по полной программе. И ладно, если б черти что-то воспринимали. А то ведь творят полный беспредел...

- А может, тебе ментов зарядить?

- Ну да, как же! И спалиться со всеми своими делами?

- Вон катят, легки на помине...

Невдалеке на шоссе метнулись сполохи синего света, и мимо, резко набирая скорость и неистово вопя сиреной, промчалась патрульная машина.

- Моя милиция меня бережет!

- С беспредельщиками нужно базарить только на одном языке, их собственном. Клин клином вышибают.

- Это понятно. Где только тот клин взять?

Мужчины остановили частника, побросав окурки, втиснулись на заднее сиденье и укатили прочь. Матвей сел в подъехавший следом троллейбус.

Куда он направлялся? Он и сам не мог ответить на этот вопрос. Пока стихийно складывающиеся обстоятельства влекли его в некую сторону. Троллейбусный маршрут, он это помнил, пролегал рядом с несколькими значными местами, около которых могли околачиваться занимавшие его личности. Но на какой остановке выйти?

Приникнув к холодному стеклу и приложив руку козырьком, Матвей вглядывался в полумрак обезлюдивших улиц. Вот миновали яркую, как павлиний хвост, вывеску ночного клуба; далее замелькали витрины фешенебельного ресторана; у входа в фитнес-центр, декорированного светящимися пальмами, о чем-то спорили, жестикулируя, два подозрительных субъекта.

-... «Черная метка», - неожиданно объявил по трансляции хорошо поставленный мужской голос.

Матвей не поверил своим ушам, на мгновение замер. Что еще за «Черная метка»? Кафе, клуб, ресторан? Очень странное название...

Но тот же баритон бесстрастно продолжил:

- Следующая остановка - завод гранитно-мраморных изделий «Некрополь».

Вот это да! Матвей опрометью выскочил из распахнувшихся дверей, краем глаза заметив, что никто больше не выходит.

«Черной меткой» оказался пейнтбольный клуб, рекламный щит которого красовался тут же. На нем бравый парень в камуфлированной форме, хищно прищурив глаз, из игрушечного ружья целился в прохожих. Матвею почудилось на секунду, что стрелок ему подмигивает – но это по щиту скользили тени от ветвей деревьев.

Сбоку от четырехэтажного здания с единственным светившимся на фасаде окном тянулась высокая металлическая ограда, временами исчезая в разросшихся кустах. Чуть поодаль Матвей обнаружил в ней слегка отогнутый прут и пролез во двор. Здесь он и решил устроить наблюдательный пункт.

Он чуял нутром, даже почти наверняка знал, что нынешняя тишина обманчива, и ждать придется недолго: слишком много случайностей (или совпадений?) привели его на это место. Так и оказалось. Буквально через пару минут к особняку подъехала лакированная иномарка с

темными стеклами. Матвей без труда узнал в плавных обводах «БМВ» 7-й серии последнего модельного года.

Несмотря на то, что машина остановилась практически под окнами, на тротуаре, выходить из нее никто не спешил. Почти неслышно урчал двигатель, в салоне тихо играла музыка.

Матвей понимал, что его невозможно разглядеть за шпалерами кустов и, тем не менее, с великой предосторожностью извлек из сумки оружие.

Теперь он был спокойнее, с удовлетворением констатировал это про себя, рассматривая любопытную мишень.

Авто явно очень дорогое, окна тонированы дочерна. Кто может находиться внутри? Конечно, бандюки. Это их отличительный знак, их наглые повадки. Иномарка, по-прежнему слепая, не подававшая почти никаких признаков жизни, теперь казалась ему зловещей.

Нужно срочно подкорректировать этот грозный вид.

Палец сам сдвинул шишечку предохранителя, ноги понесли к рукотворной прорехе в заборе.

Матвей выбрался из кустов и не спеша направился к автомашине. Когда он был уже в нескольких шагах от нее, внезапно вспыхнули фары, ослепив его. Но правый ствол тут же успел выплюнуть свинцовую дозу.

Осыпалось переднее стекло, на заднем сиденье слева мелькнуло что-то белесое. Матвей молниеносно подскочил с той стороны и выстрелил во второй раз.

2.

Серая картонная папка постепенно наполнялась разнообразными бумагами.

К протоколам осмотра места происшествия добавились результаты трасологической, медицинской и других экспертиз, данные опроса некоторых свидетелей. Наконец, были установлены личности убитых, о чем сообщала

справка, присланная накануне из управления по борьбе с организованной преступностью.

Артем со все возрастающим интересом вникал в подробности нового уголовного дела.

Баллистическая экспертиза показала, что картечь была засыпана в уже готовые фабричные патроны вместо другой, мелкой дроби. Причем вес ее немного не соответствовал стандарту. К тому же верхние картонные пыжи, закрывающие патроны и частично сохранившиеся после выстрелов, были вырезаны из пестрой суперобложки книги (пока не установлено какой), и с тыльной, матовой, стороны на них черной тушью каллиграфическим почерком выведены прописные буквы «К».

Что это могло означать? Что тот, кому принадлежали боеприпасы, во-первых, понимает толк в охотничьем снаряжении, но не является даже охотником-любителем, потому что ошибся с навесом зарядов; во-вторых, предположительно, он аккуратен и имеет специальное образование, связанное с черчением или рисованием, - техническое и т.п.

Однако все это относилось только к владельцу патронов, которые были выпущены четверть века назад, и переснаряжены значительно позже, а не к убийце.

Основной же сюрприз заключался в другом. На папковых гильзах были обнаружены четкие отпечатки пальцев(!), не проходившие по дактилоскопическим учетам. Значит, возле казино работал все-таки дилетант?

Еще: после совершения преступления исполнитель уходил дворами не самым выгодным путем, довольно долго шел до параллельной улицы, где его след не сразу потеряла розыскная собака. Но по дороге оружия не сбросил. Это тоже было довольно странно и не походило на работу профессионала.

Артем в задумчивости потер лоб.

После самых первых прикидок как будто укоренялось впечатление, что двойное убийство не похоже на заказное

и совершено по иным мотивам. Но радости это не прибавляло, потому что дальше начинались сплошные загадки.

В материалах, присланных из ЦРУБОП, скупо описывались личности двоих братков, polegших у казино во внезапной стычке. Ими оказались некие Фефил и Смех. Оба входили в состав не так давно сколоченной бригады беспредельщиков, по оперативной информации, вот уже несколько месяцев бомбивших палатки, небольшие торговые точки в восточных районах города. В последнее время братки покушались даже на фирмы средней величины, уже имевшие «крыши».

Что они делали возле казино «24 карата», считавшегося точкой перовской ОПГ, оставалось непонятным.

И валить таких матерых волков взялся новичок с двустволкой в руках? В это не очень верилось.

Вдобавок ко всему, на шикарном спортивном «Шевроле» Фефил гонял совсем недавно, после того как приобрел его по генеральной доверенности у одного из руководителей сравнительно крупного коммерческого банка «Атолл». Во время осмотра в раскуроченной машине нашли два ствола, «ТТ» и «Узи», полностью снаряженные боекомплектом. Это еще зачем? В перчаточном ящике под кучей барахла опера наткнулись на пакетик с героином в полграмма весом.

Немногочисленные опрошенные свидетели давали противоречивые показания. Кто говорил, что киллер приехал на машине, кто, наоборот, утверждал, что парень появился внезапно и откуда-то сбоку. Расходились и описания внешности: очевидцы наблюдали событие с расстояния, к тому же при зыбком свете мигавших неоновых огней. Поэтому фоторобот пока не был составлен и даже попытки сделать что-либо в этом направлении не предпринимались.

К сожалению, не внесли ясность в эти вопросы и данные видеонаблюдения с двух мониторов. Поле зрения первого, размещенного непосредственно над парадным входом, перекрывала высокая крыша припаркованного неподалеку от места стычки минивэна. Из-за нее на экране были видны лишь неясная суета и яркие вспышки выстрелов. Вторая камера, направленная на автостоянку, позволяла рассмотреть немного больше. Но изображение требовало сложной дополнительной компьютерной обработки из-за нечеткости видеосъемки в темное время суток.

Вчитываясь в лаконичные строки, Артем просматривал страницу за страницей.

Охранник никаких показаний по-прежнему дать не мог, в тяжелом состоянии лежал в реанимации: при ранении неудачно упал и получил перелом свода черепа.

Пожалуй, можно было попытаться выжать что-то вот из какого сообщения: несколько человек в один голос утверждали, что напротив казино в течение последних недель работала дорожная проститутка-одиночка. Выходила она на панель и в вечер двойного убийства. Это был шанс, хотя и небесспорный. Девушка наверняка наблюдала всю диспозицию, если, конечно, в тот самый момент не трудилась в тенистом переулке над шириной очередного клиента. Только вот где теперь ее искать? Наверняка, после такого переполоха сменит точку. Но это следовало обязательно проверить (и, кстати, еще раз прокрутить видеопленку наружного наблюдения).

Артем сделал пометку в записной книжке, чтобы не забыть дать немедленное поручение операм из местного ОВД.

Судмедэксперты в своем заключении подробно описывали характер и количество повреждений на трупах, глубину раневых каналов. Ими был сделан конкретный вывод о том, что в обоих случаях смерть наступила от

удушья и острой кровопотери. В крови потерпевших обнаружено значительное количество алкоголя...

Шевчук захлопнул папку. После дотошного изучения поступивших материалов захотелось вдруг немного размяться, пройтись по коридору, переброситься с кем-нибудь живым словом, хоть ненадолго отвлечься. Он убрал дело в сейф, достал из кармана пачку сигарет и закрыл за собой дверь кабинета.

Коридор был пуст, только в конце его возился с замком давний приятель Артема из отдела по надзору за деятельностью правоохранительных органов, буквально на днях всем составом переведенного на этот этаж из-за перманентного ремонта. Парень, всегда живой и непосредственный, балагур и шутник, завидев Шевчука, тут же приветственно махнул рукой, не удержался, чтобы не отпустить очередную подколку:

- И мысли тяжки на челе его задумчивом читались...

Артем с усмешечкой прикурил сигарету, пошел здороваться.

- Ну, вы-то, в своем шпионском отделе, всегда отличались сверхнаблюдательностью.

- А то! А тебе, говорят, наемни подкинули дорогой подарочек с весьма сомнительными перспективами?

- Откуда ты знаешь?

- Земля слухом полнится!

- Да, было дело.

- Ну и как в целом складывается ситуёвина?

- Так себе.

Приятель понимающе подмигнул.

- Могу подкинуть в копилку мелочишки. Ты по ящику сегодня новости смотрел?

- Нет. А что?

- В Текстилях, если не ошибаюсь, кокнули какого-то крутого чинушу вместе с водителем.

- Ну и что?

- Да вроде бы ничего особенного. Просто разобрались с гражданами из охотничьего ружья... - и добавил нарочито безразличным тоном. - Я думал, тебе будет любопытно...

Артем не смог скрыть заинтересованности, вскинул руку с часами: минутная стрелка уже стремилась слиться с цифрой «12».

- Да? Так, говоришь, в Текстильщиках? – быстрым шагом он направился обратно к кабинету.

- Вот видишь, Тёма, тебя зацепило. А еще подначиваешь коллег насчет наблюдательности!..

По телевизору уже шла заставка новостей, после которой первым сюжетом поставили информацию об убийстве заместителя префекта юго-восточного административного округа. Чиновник был застрелен в принадлежавшей ему машине недалеко от пейнтбольного клуба в двенадцатом часу ночи; погиб также водитель; киллер использовал гладкоствольное ружье с дробовыми патронами; оружие на месте преступления не обнаружено; розыскная собака, пройдя по следу преступника полквартала, след этот потеряла.

Артем набрал телефон отделения милиции, на территории которого произошло убийство, и, стараясь придать голосу максимум солидности, произнес:

- Это из соседней окружной прокуратуры беспокоят. Следователь по особо важным делам Шевчук. - С кем можно переговорить насчет вчерашнего убийства заместителя префекта? Кто в курсе?

Дежурный офицер на другом конце провода бодро, без запинки отрапортовал:

- От нас на место выезжал начальник уголовного розыска. Но он и сейчас отсутствует. Уголовное дело, естественно, находится в городской прокуратуре, - и осторожно добавил. - Может, вам обратиться за разъяснениями туда?

- Меня пока только интересуют минимальные технические подробности: калибр оружия, снаряжение патронов – дробь или пули; общая схема нападения. Больше ничего. Возможно, этот эпизод пойдёт не первым номером. Так вы передайте ему, чтобы отослал факс.

Договорившись с соседями, Артем сел составлять служебную записку для начальства, в которой изложил аргументированный план расследования, выделил первоочередные мероприятия.

Он уже собирался ставить в своем опусе точку, когда под рукой внезапно затрезвонил телефонный аппарат. Шевчук даже успел подумать, что начальство все-таки не дает про себя забывать, но в трубке звучал совершенно другой голос, подчеркнуто вежливый.

- Я разговариваю со следователем по особо важным делам Артемом Шевчуком?

- Да-да. С кем имею честь?

- Вы знаете, Артем Владимирович, очень серьезные люди хотели бы встретиться с вами по поводу недавнего события у казино «24 карата»...

- Кто вы? Какие серьезные люди?

- Извините, мне только поручено передать. Это очень нужно для всех, уверяю вас.

- Но для кого для всех? Для меня это, например, не нужно!

- Вы заблуждаетесь.

- Да что вы?

Вежливый голос погрузнел.

- Значит, вы не хотите идти нам навстречу?

- Ни вам навстречу, ни к ним на встречу – совершенно не горю желанием!

- Очень жаль, что мы пока не поняли друг друга, - трубка на другом конце линии мягко опустилась на рычаг.

Артем несколько секунд ошеломленно слушал короткие гудки, а потом засобиравшись к начальству.

3.

В кабаке с громким названием «Львиное сердце» в этот час всегда было многолюдно. В небольшом зале со сводчатыми потолками и интерьером, выдержанным в стиле старинного шотландского замка, негромко играла музыка, слышались оживленные голоса и стук о фарфор посуды вилок и ножей.

Гриша сидел за угловым столиком и, покуривая сигарету вперемежку с глотками кофе, думал про свои заморочки.

Зачем Белый вытащил его сюда? Что, нельзя было перетереть проблему в каком-нибудь менее пафосном заведении, в тихом уголке? Или он продолжает следовать своей всегдашней привычке забивать стрелки в людных местах, как бы страхуясь от возможных неожиданностей? Гриша недобро усмехнулся: если кому будет нужно, завалят Белого белым днем в центре города в часы пик и посреди толпы. Вот так. А Белый с его сверхосторожностью вляпается когда-нибудь в непонятку. Как пить дать.

К столу в своей обыкновенной развязной манере в сопровождении двух бритоголовых быков подошел Коля Бельский, которого все знали под погонялом¹ Белый. Едва кивнув своим спутникам головой, с шумом отодвинул массивный деревянный стул и уселся напротив. Охрана скромно устроилась в сторонке.

- Здорово, Гришаня. Какие дела?
- Привет, Белый. Ты без провожатых уже никуда?
- Да, привык к пацанам. А ты чего сидишь как бедный родственник, пустой кофеек хлебаешь?
- Так мы вроде свиделись вопрос перетереть.
- Оно, конечно, верно. Но и пожрать не помешает. Знаешь, почему я покликнул тебя сюда?

---

¹ Погоняло (угол.) – кличка.

- Ну?

- Здесь редкое место, где запекают баранью ногу так, что язык проглотишь.

- Белый, не узнаю тебя! Ты, в натуре, становишься любителем бараньих ляжек?

- А что? Жить, Гришаня, нужно стремиться со вкусом. Ты тоже, гляжу, не промах. Раскатываешь на светленьком «Ягуаре»... Или я не прав?

Грише почудился в вопросе некий холодный оттенок. Но он ответил с легкой улыбкой:

- Прав, Белый, еще как прав.

Однако Белый тоже мгновенно сменил тон.

- Молодец, хвалю. Хорошая машина, дорогая машина. Девочки, наверное, сразу спускают, когда ты их на коже пялишь?

Он сделал знак рукой, и халдей чуть ли не бегом приблизился к столику.

- Семэн, мне как обычно. А моему другу... Ты что будешь хавать, Гришаня?

- Мне по барабану.

- Ну, дай тогда повтор и для нашего гостя. Барашек, конечно, сегодняшнего убоя?

- Не извольте сомневаться, Николай Павлович, - халдей даже сложил ладони лодочкой на груди. - Молочного ягненочка привезли нынче от Сулеймана. Все будет в самом лучшем виде!

- Хорошо. Какое винцо присоветуешь на этот раз?

- Ну разве что бургундское, урожая 78-го года. Чрезвычайно насыщенное и имеет тончайший вкус!

- Давай тащи и в темпе!

- Не извольте беспокоиться, я как вас увидел, сразу дал команду на кухню – запекать.

- Молоток. Я всегда знал, что ты способный парень.

«Парень» умчался выполнять указания, а Гриша, поморщившись, обратился к собеседнику.

- Чего бодягу гнешь, Белый? Мясо, вино... У меня башка кругом от проблем идет, а ты поляну здесь по уму выстраиваешь...

Белый расхохотался.

- Да что ты такой крученный приехал, Гришаня? Кому сейчас легко? Надо уметь расслабляться!

- Ладно, вяжи гнилой базар, давай покричим о деле.

Белый резко оборвал смех, и лицо его сразу стало жестким, глаза смотрели холодно.

- Давай. Бабки наши подогнал, как божился?

- Нет. Ты же в курсе, я попал конкретно!

- Э, Гриша, вот это и есть гнилой базар. Такие номера давно не прокатывают.

- Ну, чего, в натуре, нельзя чуток подождать? Я разгребусь и подгоню тогда с крутым довеском!

- Э-э, довесок и так с тебя немалый... Да дело-то не в этом гребанном вондормаре², Гриша. Бабки должны крутиться непрерывно, вот что. И уговор, по всем раскладам, дороже денег, а ты слова не держишь!

- Так кто ж знал, что случится такая хрень?

- Сам виноват. Мал навар показался? Решил срубить лишка и похерить очистку? Вот и срубил...

Гриша удивленно уставился на собеседника: деталей последней сделки он никому не докладывал.

- Ну, чего, браток, уставился? Короче... Много у тебя заморочек, но и мошна пока не пуста. Тачку толкни, халупу за городом, которую когда-то лихо строил, да не достроил... Короче, не мне тебя учить!

Голос у Гриши неожиданно сел, он едва смог выдать из себя три слова.

- Я подумаю, Белый.

- Вот-вот, подумай, пораскинь мозгами. Но учти: со временем совсем швах. Еще неделя, и счетчик будет включен, а тогда уж... Сам понимаешь.

---

² Вондормар (угол.) – восемьдесят.

Гриша резко поднялся из-за стола.

- Ништяк. Спасибо за компанию и приятного тебе аппетита, братан.

«Смотри куском не подавись, гнида», - в сердцах добавил уже про себя.

Быстрым шагом он прошел мимо скучающих охранников и выскочил на улицу. Горло стискивало душу. Откуда у этого волка такая четкая раскладка?

Гриша сел в машину, включил зажигание, попытался собраться с мыслями. А ведь ему говорил кто-то (кто?), советовал не лезть в эту с виду простую комбинацию. Польская водка по почти бросовой цене – это, конечно, клёво. Но как быть с кровожадными конкурентами, североосетинскими спиртовыми барыгами, у которых везде все давно схвачено? Гриша хлопнул себя по лбу. Ах, черт! Очень может быть, водочная заварушка и задумывалась для того, чтобы подставить какого-нибудь лоха вроде него, и отбить у других охоту соваться своим нечистым рылом в эту золотую кормушку! Тогда понятно, почему Белый в полной теме...

Но кто ненавязчиво отговаривал его, Гришу, от заманчивой комбинации?

Гриша зло вдавил педаль газа в пол, и «Ягуар» с визгом сорвался с места.

Настроение было хуже некуда. Если в ближайшие дни не отдать бабки Белому с компанией, бывшие корешки-не-разлей-вода могут действительно поставить на счетчик. А это – совсем уж крайний, аховый вариант.

Но где взять восемьдесят с гаком, если, по самым смелым прикидкам, в загатнике шевелится только трешка с мелочью? Перехватить у кого - вряд ли выгорит: земля слухом полнится – при таких заморочках никто не ссудит. Продавать тачку или недостроенный дом? При нехватке времени уйдут за полцены...

Гриша в сердцах выругался длинно и замысловато. Разденут, разуют и спасибо не скажут. Но не на таковского напали!

Он поймал себя на неожиданной мысли, что не очень-то спешит домой. Там, надутая, как жаба, сидит перед телевизором расчудесница Алка.

С того самого дня, когда Гриша явился поддатый от поэта-пофигиста, они едва перекинулись двумя десятками слов. Тогда, на обратном пути, он принял дополнительную дозу на грудь и, естественно, нарисовался на пороге весьма и весьма тепленьким. Первое, что увидел, – это ледяные глаза девицы.

- Опять наклюкался, - не без ехидства подцепила она. – Ну-ну, продолжай в том же духе.

- Стоп-стоп, красавица, я не понял, что это за тон?

- Тон самый что ни на есть нормальный.

Гриша пьяно ослабил:

- От тебя, прям как от могилы, холодом прет.

Алла и бровью не повела.

- Достойное сравнение.

Он хмыкнул, протянул руку и попытался ухватить подругу за талию.

- А что ты думаешь! Жизнь – такая штука. Сегодня на коне, а завтра, может, - в ауте.

Алла корректно отвела его руку.

- Вот это, пожалуйста, без меня.

- Что? Аут без тебя?

- И аут, и все остальное.

- Ну это само собой! Плавали, знаем: вам вершки, нам корешки. В смысле, кореша с пиками наперевес в темной подворотне... Только учти, куколка, - Гриша внезапно и больно сжал ее плечо, зло уставился прямо в глаза, - в этой гнилой помойке халява не канает, за все надо платить!

Подруга дернулась всем телом.

- Руки!!!

Тут-то Гриша и рассвирепел окончательно.

- Ах, руки?! – сперва приложил подруге тяжелой ладонью справа – б-бац! Потом добавил увесистей слева...

Вспоминая об этой маленькой домашней заварушке, Гриша слегка оттаял нутром. Нужно было еще и кулачками пройтись, и ногами малехо потоптать. А впрочем, герла и так не сразу пришла в себя после экзекуции, показно сжала губы, перестала разговаривать. Только ему все это до лампочки. Хрен с ней!.. Постой-ка! А может, ее вообще уже нет дома? Может, она все-таки свалила к своей мамаше, как несколько раз грозилась? Или к тому охламону, который окучивал ее раньше фактически на халяву?

Концовка пути далась Грише не без труда. Он как камень ворочал в голове один и тот же вопрос: ушла девка или не ушла? Если слиняла, можно будет по горячей линии вызвать молоденьких мокрощелок. Гриша скоренько поставил машину на платную стоянку недалеко от дома вместо того, чтобы гнать в гараж, поднялся на лифте на свой этаж. Руки слегка тряслись, когда он открывал ключом входную дверь.

В квартире царил необычная тишина, но на тумбочке в прихожей, так же как и раньше, громоздились разнокалиберные баллончики с дезодорантами, пузырьки, баночки. Возле закрытого шкафа-купе стояли изящные туфельки от Черрути, которые он, помнится, приобрел за двести пятьдесят баксов.

Гриша стремительно скинул обувь, шагнул по направлению к гостиной, прокричав:

- Ты где?

Из дверей спальни в полупрозрачном кружевном пеньюаре, накинутом на голое тело, вышла Алла. Волосы на голове девушки были аккуратно зачесаны назад, губки сияли свежей помадой.

- Что ты шумишь?

В ее плавных движениях, тихом голосе, в прибранном внешнем виде Грише почудилось примирение, и,

разгоряченный, не успев даже удивиться столь разительной перемене, он, долго не раздумывая, подхватил ее на руки и потащил к кровати.

4.

Это был самый настоящий шок. Ее впервые в жизни ударили по лицу. Все произошло настолько неожиданно, что несколько секунд от изумления Алла не могла вымолвить ни слова. Лежала на полу, пунцовая от стыда, с горящими щеками, и молча смотрела снизу вверх на своего обидчика.

А он как ни в чем не бывало с пьяным сопением стаскивал с литых плеч джинсовую рубаху.

- За что? За что ты меня ударил?

- Было б за что, вообще бы убил! – Гриша полюбовался в большом зеркале собственным крепким обнаженным торсом, повернул к ней лицо с будто приклеенной нелепой ухмылкой. – Шутка.

У Аллы из глаз градом покатались горячие слезы, бесшумно и обильно.

- Я тебе этого никогда не прощу!

- И не надо.

И этот негодяй преспокойно повернулся к ней спиной, отправился в ванную умываться.

Неслыханно! Пришлось снести обиду, и первые минуты были самыми тяжелыми.

Алла закрылась в дальней комнате, села на диван и обхватила голову руками. Мысли путались. Что делать? Ведь надо как-то реагировать, и реагировать незамедлительно. Если он позволяет себе такие выходы сейчас, то что будет потом? Вообще будет избивать ее до полусмерти? Она поежилась. Но и скоропалительных решений принимать тоже не следует. Ну, допустим, она быстро соберется и, пока парень плещется в ванне, в чем есть выскочит за дверь. Что дальше? Возвращаться к маме?

Та ее запилит, что она, дурёха, упустила такого выгодного жениха. Не будешь же ей в мельчайших подробностях докладывать, что у этого бравого парня пистолет всегда наготове, что занимается он не пойми какими делами, и в последнее время дела эти явно не клеятся... А что скажут подружки-завирушки? Будут соболезовать ей в глаза и злорадно хихикать за спиной? И потом, ведь придётся бросить здесь очень много красивых и дорогущих вещей, к которым она уже привыкла, - положила руку на сердце, Гриша не из тех, кто отличается благородством, - и вряд ли от него дождешься хоть чего-нибудь из этого изобилия. Да и какой мужик в схожей ситуации упустит момент, чтобы не покуражиться? Еще огромный минус: про походы в значные места придется забыть на неопределенное время, а по городу опять придется таскаться в переполненном общественном транспорте. Б-р-р! Это при всем том, что за истекшие месяцы она легко и непринужденно привыкла, по меньшей мере, к передвижениям на такси. Не говоря уж о белоснежном красавце «Ягуаре».

Алла прислушалась: в ванной комнате по-прежнему с шумом лилась вода.

Можно, конечно, нырнуть в подполье. Уйти от навязчивой маминой опеки, подластиться обратно к Матвею – о, она нисколько не сомневалась, что этот трюк ей без труда и быстро удастся! Поиграть у мечтателя на нервах, - тем более, что какие-то чувства к нему все же сохранились, - прикинуться обманутой и обескураженной, давить на жалость. И, конечно, пустить в ход магические чары – кто, скажите, против этого устоит? Но в том-то и дело, что овчинка выделки не стоит: в Матвеевой малогабаритной однушке давно и безнадежно пахнет гнилью, болотом. Там заплесневешь, покроешься коростой в одночасье, а ведь жизнь вокруг так пестра и прекрасна!

От череды тревожных мыслей у Аллы слегка разболелась голова, и после некоторых колебаний

окончательное решение животрепещущего вопроса она отложила на завтра: утро вечера мудренее.

Как была в халатике, она устроилась на диване, продолжая чутко прислушиваться к звукам, разносящимся по квартире. Вот Гриша выключил воду в ванной, прошел на кухню, несколько минут недовольно гремел посудой (ага, теперь будь добр сам себе разогревай покушать!), потом удалился в спальню, - и все стихло.

Выждав с четверть часа – именно столько нужно было извергу, чтобы забыться в мертвом пьяном сне, – Алла осторожно прокралась в прихожую и сняла с базы радиотелефона трубку. Время было почти детское, около двенадцати, и мама наверняка не спала, занималась своим привычным вечерним делом – раскладыванием пасьянса «Могила Наполеона».

Затаив дыхание, Алла набрала заветные цифры и замерла. Теперь, когда ей предстояло пережить недавнюю ситуацию заново, рассказывая о ней, хотя бы и в общих чертах, матери, - у девушки на глазах опять выступили слезы.

Абонент долго не отвечал. Потом в трубке послышался знакомый сварливый голос:

- Вас слушают.

Она придушенно зашептала:

- Мама, это я!

- Аллочка, ты? Почему так тихо говоришь? Что-нибудь случилось?

- Нет-нет, ничего.

Но мать уловила в голосе дочери жалобные нотки.

- Что еще стряслось? Говори, я же чувствую!

- У нас с Гришей был сегодня скандал.

- Ох, доченька, без этого совместная жизнь редко у кого обходится.

- Но он ударил меня ладонью по лицу! – неожиданно для себя Алла всхлипнула.

- Как? Вот так новость! А я, честно признаться, была о парне лучшего мнения... Надеюсь, ты не давала к этому никакого повода?

- Мама! Что значит «не давала повода»? О чем ты говоришь!

- Аллочка, сейчас жизнь тяжелая. И со стороны бывает трудно судить чьи-то поступки.

- Мама, но он ударил меня по лицу!

- Что ты, дочь, заладила: ударил, ударил! Причину ты можешь объяснить? Он тебя ни к кому не приревновал?

- При чем тут это? Он пришел домой поздно ночью и изрядно навеселе...

- И ты его, конечно, сразу подцепила?

- Да, это случается уже не в первый раз, и я, честно сказать, не сдержалась.

- Вот видишь. А подумала ты, что у такого делового мужика наверняка куча проблем? И для того, чтобы иметь все, что он имеет, нужно крутиться каждый день как белка в колесе и вкалывать как папа Карло?

- Об этом я, конечно, думала. Но он занимается какими-то непонятными делами!

- Какими непонятными? Криминалом?

- Нет, боже упаси. Коммерцией. Но...

- Вот видишь! Ты не понимаешь или не хочешь понять, как парень зарабатывает очень большие деньги, но с удовольствием ими пользуешься...

- Мама!

- А что мама? Доченька, поверь, в нашей теперешней жизни очень трудно найти надежного человека. А коли уж наша, терпи. Терпи! Я не знаю, что между вами там произошло, и не очень-то, наверное, мне нужно это знать. Но я вижу, что Гриша – хваткий, современный человек. И тебе с ним всегда должно быть хорошо.

- Ты так считаешь?

- Я в этом уверена. И прошу тебя: не переживай сильно. Просто подумай, и сама поймешь, что я во многом, если не во всем, права...

После разговора Алла опять прилегла на диван. В принципе, она и ожидала от матери именно такой реакции, и, скорее всего, звонила-то ей лишь для того, чтобы подтвердить собственные мысли.

У мамы был огромный жизненный опыт. Так случилось, что ей пришлось идти по жизни одной. Сначала долго выбирала близкого человека, потом, когда его нашла и связала с ним судьбу, быстро овдовела. Нелепая смерть мужа от банального нагноения чирья в носу сильно изменила ее характер. Она замкнулась в себе, радовалась только, когда смотрела на подрастающую дочь. Алла с детства помнила пристальный взгляд и скупую улыбку матери.

С молодых ногтей мать внушала ей не открываться людям, быть гордой, самостоятельной, ни в коем случае не заискивать ни перед кем, не идти ни у кого на поводу, а особенно – у мужиков.

- У этих только и есть, что штаны, - вот бабы перед ними и стелются.

Впрочем, с тех пор уклад жизни начал стремительно меняться. Появились весьма привлекательные особи в дорогих брюках с набитыми деньгами карманами, и тогда воспитательная стратегия совершила решительный разворот на сто восемьдесят градусов.

Однако суть заключалась не в этих тонкостях. Мама действительно всегда была щепетильна в данном вопросе, и ей стоило доверять. Конечно, нужно как можно дольше держаться за Гришу (пару дней походить, для виду надув губки), скрепя сердце закрывать глаза на мелкие неприятные моменты. А там уж, с развитием ситуации, действовать в соответствии со складывающимися обстоятельствами.

5.

К Диане потянуло скоро. Не успел Матвей с утра раскрыть глаза, как ему уже мерещились соблазнительные формы новой знакомой, ее чарующий голосок и порывистые движения. Остальное не задерживалось в голове: спонтанная засада у клуба «Черная метка», выстрелы, разорвавшие ночную тишину, - казались теперь далекими и несуществующими. Матвеем даже на секунду показалось, что все происходит не с ним, а с каким-то другим человеком.

Он порывисто вскочил с тахты и посмотрел на часы. Минутная стрелка приближалась к половине одиннадцатого. Еще можно успеть застать красавицу дома, и если быть очень настойчивым...

После нескольких долгих гудков, которые Матвей едва переждал, Диана подошла, наконец, к телефону. Он сразу, почти без предисловий, приступил к главной теме.

- Чем сейчас занимаешься?
- Готовлюсь идти на работу.
- А когда тебе нужно появиться в библиотеке?
- К открытию, к двенадцати.
- О еще целых полтора часа! Слушай, я сейчас к тебе моментально подскочу на такси.
- Ты что, с ума сошел?
- Почти. Ты библиотечарский работник и должна знать, как это чудно звучит у вагантов:

Ах, я словно сад
цветущий!

Жар желания:
От любви теряю ум
И сознание!

В телефонной трубке послышался залиvistый смех.

- Так от любви или от желания?

Но он продолжал гнуть свою линию:

- От того и от другого. Я четко обрисовал ситуацию?

- Вполне.

- Так я еду?

- Что, так тебя уж, бедненького, припекло? До вечера не можешь потерпеть?

- Фу ты ну ты, палки гнуты! Я ж говорю: вечер не наступит никогда. Я умру. Лопну от повышенного давления, - Матвей начал слегка закипать. – Слушай, что мы с тобой так долго препираемся? Я бы уж давно доехал...

Диана немного помолчала.

- Хорошо. Приезжай. Потом на такси подбросишь меня до работы.

- Заметано!

В мгновение ока он умылся, почистил зубы, пару раз шоркнул по щекам электробритвой, попрыскался одеколоном и опрометью выскочил из подъезда.

Водила-частник оказался не прочь почесать языком. Едва окинув взглядом Матвея, спросил, усмехнувшись в густые, как у моржа, прокуренные усы:

- К бабе едем?

Матвей ухмыльнулся в ответ.

- К ней. А как догадался?

- Эх, парень! – водила горестно вздохнул. – Когда-то и у меня так горели глаза, и скулы сводило от предвкушения безудержного перепихона. Бывало, по нескольку часов с тела не слезил. Гнал и гнал без передыха!

- Ого, круто. А сейчас чего же?

- А сейчас – сидячая профессия. Опять же баба постарела, салом обросла... Вот и смотрит мой боец в последнее время по большей части в тапочки.

Матвей ничего не ответил. Что-то его отвлекло от задушевного разговора. Когда через пару секунд он понял, что именно, и крутанул регулятор громкости радиоприемника, было поздно – блок новостей закончился, передавали прогноз погоды.

- А что, шеф, не слышал сегодня новостей?

Водила, слегка обескураженный резкой переменной темы, с удивлением ответил вопросом на вопрос:

- А что тебе?

- Да так, интересуюсь событиями на шарике. Может, афганский бородач опять вставил пару пистонов в задницу американцам. Или евреи в сто первый раз замочили кого-нибудь из смуглых соседей.

- Что там евреи, у нас тоже мочат будь здоров! Каждый божий день. С утра вон передавали, опять какого-то бедолагу ночью продырявили.

- Бандюка?

- А бог его знает! Сейчас все стали как бандюки – мимо своего кармана не проносят. Слышал только, что грохнули, а кого – не в курсе. По-моему, какого-то чинушу. Впрочем, я могу и ошибаться...

Но Матвей уже вновь съехал с темы: в конце улицы маячила многоэтажка, в которой, по ее собственному сбивчивому описанию, жила Диана.

У киоска он расплатился с водителем, отсчитал ему чуть больше, чем договаривались. Тот, сощурившись, взглянул на Матвея и выставил вверх большой палец.

- Давай, парень, затрахай ее до посинения, до печеночных колик! Удачи тебе.

- Тебе тоже всех благ. Заведи себе молоденькую курву, - авось, еще побарахтаешься.

- Куда там!..

Диана встретила в махровом халате, под которым не угадывалось никакой одежды, и сразу повисла у него на шее. От нее исходил дурманящий аромат цветочных духов и розового мыла.

- У нас совсем немного времени, так что раскачиваться некогда, - и впилась в его рот жадными губами.

Не отвлекаясь от порывистой девицы, Матвей отставил в сторону сумку с припасенной бутылкой вина, легко вскинул на руки партнершу и бережно уложил ее на диван...

Все, однако, опять произошло очень быстро. Он даже не успел проникнуться остротой момента. Девица тоже едва разохотилась.

- Скорострельный ты мой!

- Готов к заходу на второй круг.

- Нет, времени мало, - сказала сказала, а голосок прозвучал томно.

- Да брось ты! Что, нельзя решить эту проблему? Я имею ввиду, с работой?

- В принципе, можно.

- Вот именно. Отзвони сейчас подружке и подпиши ее на смену вместо себя.

- Нужно чем-то заинтересовывать.

- Заинтересуем.

- Ты дашь денег?

- А ты думаешь, не дам?

- У тебя что, много лишних?

- Хороший вопрос. Лишних денег не бывает – это ж ежу понятно... Но кое-что в карманах пока шевелится.

Матвей мельком оглядел комнату и увидел в углу включенный без звука телевизор.

На экране группа людей озабоченно толкалась возле черного лакированного автомобиля представительского класса. На заднем плане зеленели какие-то кусты и виднелись любопытные лица зевак. Картинка быстро сменилась – теперь корреспондент, беззвучно открывая рот, торопился о чем-то рассказать телезрителям.

Матвей, может быть, несколько поспешно схватил лежавший на журнальном столике дистанционный пульт и увеличил громкость почти до максимума.

«-...Правоохранительные органы рассматривают несколько версий этого убийства и предпринимают все усилия для поимки преступников. Уже сейчас возбужденное уголовное дело поставлено на особый контроль. Станислав Никифоров, Евгений Хастлер – специально для Российского телеканала».

- Тьфу ты, черт! – Матвей с досады плюнул.
Диана пристроила голову ему на плечо.
- Что ты там собирался увидеть?
- Да так, ничего особенного. Просто меня хлебом не корми – дай поглазеть на криминальные новости.
- А что там может быть привлекательного?
- Как что? Представь себе, в одном прекрасном городе живет-не тужит один чувак, и все у него вроде в шоколаде. А потом – трах-бах! Смотришь в телевизор: лежит наш герой кверху пятками на асфальте, обильно вымазанный в чем-то красном, - отдыхает.

Диана нежно гладила его руку.

- Какой ты живой, темпераментный, интересный... - потом встрепенулась. – А знаешь, мой-то прежний, наоборот, был как заторможенный. Пока его отогреешь, раскачаешь, подтолкнешь к подвигам...

Матвей тряхнул головой, словно освобождаясь от наваждения, легонько толкнул девушку плечом.

- Благодарю за комплимент. Скорей звони подруге, а после займемся лечебной гимнастикой. Может, удастся совершить очередной рекорд. Твои старики когда возвращаются с работы?..

6.

Забот заметно прибавилось. Приказом начальства ему, новоиспеченному следователю по особо важным делам Артему Шевчуку, официально передали в производство дело о двойном убийстве на автостоянке культурно-развлекательного центра «24 карата». Да не просто передали это, в общем-то, ничем не выдающееся дело с весьма, кстати, туманными перспективами. А вдобавок поставили во главе следственной группы, откомандировав в его распоряжение одного сотрудника с очень солидным стажем. Вторым помощником оказался совсем еще

молодой следователь, только-только получивший на синие погоны лейтенантские звездочки.

- Сдается мне, не все так просто в этой кровавой истории, - задумчиво изрек, сидя в своем кабинете за внушительных размеров дубовым столом, начальник следственной части. – А потому попрошу попристальной встаться в обстоятельства дела. И еще... Шевчуку сконцентрировать внимание на данной проблеме, все остальные темы могут пока подождать. Всё. Свободны...

В полутемном коридоре Артем заметил мимолетную ехидную улыбку старшего сослуживца.

Сослуживец этот, Борис Анатольевич Чарторыжский – а было ему уже недалеко до сорока – не так давно перевелся с понижением в окружную прокуратуру из городской. Отличался некоторой замкнутостью и плюс к тому уникальной способностью вставлять в разговор едкое слово. О причине служебных неудач – его сняли с должности старшего следователя – не распространялся, но она и так наблюдалась на лице, что называется, невооруженным взглядом: отечность, синюшный цвет щек, тусклый блеск водянистых глаз. Судя по всему, к бутылке прикладывался Черт, как его быстро окрестили между собой в отделе, основательно. Но на работу являлся всегда причесанным, выбритым и благоухающим одеколоном «Шипр». И, главное, без особых отметин вчерашнего праздника. Что, впрочем, объяснялось несложно: несколько раз Артем замечал в его цепких узловатых пальцах яркие импортные пакетики с жареными орехами.

К службе Черт особенного рвения не проявлял, и потому неизменно прикреплялся к кому-нибудь в помощь. Поговаривали, что у него где-то «там» оставалась мохнатая лапа, чем всеми и объяснялось заметно снисходительное отношение начальства к своему отнюдь не ретивому работнику. Впрочем, опыта Черту было не занимать – Артем помнил пару случаев, когда тот мимоходом, но к месту, высказывал очень и очень дельные замечания.

Вообще же говоря, в данный момент Шевчуку было не до всех этих мелких заморочек: с официальной передачей картонной папки в его руки неизмеримо возростала личная ответственность.

Поэтому, вернувшись после ценных замечаний начальства в отдел, он в первую очередь отправил молодого помощника к оперативникам, уже несколько дней адресно отработывающим жилой сектор в непосредственной близости от казино.

- Понюхай, Володя, там что да как. По нашему эпизоду со стрельбой на автостоянке коллеги завели оперативно-поисковое дело и кое-что уже накопили. И хотя информацией они, конечно, поделились щедро, все-таки у них может возникнуть законное желание что-то утаить. Посчитают что-нибудь для нас неинтересным и не скажут. Вот как. А нам с тобой интересно все! Ну, или почти все, что происходило в ту ночь на тамошней территории... Усек?

Потом, усадив на стул рядом с собой Чарторыжского, принялся просматривать видеозапись допроса панельной чаровницы.

Уличная красотка, сделав небольшую паузу, все же вышла промышлять на прежнее рабочее место возле гигантской рекламной пачки «Винстона», где ее в тот же вечер благополучно взяли под белые ручки расторопные опера.

- Видать, медом намазан асфальт на этой точке, - не смог скрыть гримасу отвращения Борис Анатольевич.

- Медом, не медом, а купюры на трассе она стрижет отнюдь не мелкие, - спокойно парировал Артем и, не удержавшись, с иронией прибавил. – Десять-двенадцать раз, представьте себе, загорнит у клиентов за ночь – и вот уже семь вечнозеленых червонцев шевелятся в потайном кармашке! А если перемножить эту относительно скромную сумму пускай даже на двадцать пять рабочих дней?

- Фу-у, - Чарторыжский скривился так, будто сжевал целый лимон без сахара или опрокинул стакан скверной сивухи, не закусив. – Вы, молодые, совсем уж опаскудились в своем якобы примодненном цинизме. – Ведь речь идет о женщине, так сказать, перле природы!

- Не знаю, не знаю, как насчет перла. Судя по агрессивной рекламе прокладок на нашем ТВ, скорее всего, вы слишком большой оптимист. А впрочем, уважаемый Борис Анатольевич, давайте не отвлекаться на поэзию и философствование... О, да она и впрямь премиленькая!

На экране телевизора симпатичная особа с живыми глазами и поразительно правильными чертами совсем еще юного лица, небрежно затягиваясь сигареткой, отвечала на вопросы дознавателя.

«-... Работаю на этой точке уже около двух месяцев.

- И никаких эксцессов ни с кем не возникало?»

Милашка растерянно воззрилась на собеседника, заметно нервничая, убрала упавшую на лоб осветленную, закрученную мелким бесом прядь.

«- Чего?

- Непоняток, спрашиваю, ни с кем не было?

- А-а... Так я ж тружусь под прикрытием ваших».

Было заметно, что теперь оперативник слегка опешил.

«- Кого это – «наших»?

- Ну, ребят из местного отделения...

- Если из местного отделения – тогда так и говори. А то сразу – «наших»!

- Извините, если обидела.

- Ничего страшного, извинений не надо. Перейдем к делу. Так ты была в ту ночь на своем посту, когда на стоянке застрелили двоих человек и тяжело ранили охранника?

- Да, как всегда с одиннадцати часов.

- И что можешь рассказать интересного?

- А чего рассказывать-то?

- Что видела, что слышала. Все, без утайки.

- А какой мне смысл?

- Ну, девочка! Для тебя смысл есть, и огромный. Ведь мы, как ты понимаешь, легко можем сделать твою жизнь очень проблемной. То есть трудной, - поспешил поправиться он. - Или не веришь?

- Почему, еще как верю, – изящные наманикюренные пальчики потянулись за следующей сигаретой.

- Так вот, заключим маленькое соглашение: ты нам красочно описываешь тот незабываемый вечер, а мы не вносим тебя в список свидетелей по уголовному делу, а только штрафуем за нарушение правил регистрации в стольном граде Москве и отпускаем на все четыре стороны. Идет?

- Идет.

- Заметь, все строго в рамках закона. Итак, я внимательно тебя слушаю.

- А с чего начинать-то? Я даже и не знаю...»

Оперативник тяжело вздохнул.

«- Начни с начала. Ты пришла на рабочую точку и..?»

- Я пришла на рабочую точку... Клиентов сначала было немного... - монотонно забубнила красавица. - Да и то попадались всё какие-то привередливые - оглядят, оглядят с головы до ног, цену узнают и уезжают.

- Ага. Значит, у тебя у самой было время осмотреться.

- Да мне-то зачем таращиться по сторонам?

- Конечно, незачем. Но рядом сияет огнями красивая жизнь, народ на крутых тачках раскатывает... Ну?

- Да, в начале вечера, между первыми клиентами, я заметила на автобусной остановке в боковом проулке высокую мужскую фигуру.

- Так. Ты видела, в какой момент и как этот мужик там появился?

- Нет, не обратила внимания.

- Хорошо. Когда ты его заметила?

- Сначала-то я вообще на него – ноль внимания, смотрела как на пустое место. Ну, стоит себе человек и

стоит, что из того? И только потом, когда вернулась с очередного сеанса и снова наткнулась глазами на него, подумала – с чего бы это он там торчит?

- А точно, что это был опять он?»

Девушка кокетливо закатила глазки.

«- Ну уж, мужиков-то по фигурам как-нибудь смогу различить, сколько их перевидала!»

Собеседник не удержался, съязвил:

«- И переимела.

- Если уж на то пошло - они меня переимели!

- Ладно, не бери в голову, бери... Это маленькое лирическое отступление. Так когда он нарисовался?»

Чаровница надула чувственные губки.

«- А черт его знает! Я что-то заподозрила почти перед самой стрельбой, а он, значит, приперся на свое место на полчаса раньше. Это самое маленькое...

- Машин никаких поблизости не видела?

- Ездили там какие-то, но чтобы именно к нему подъезжали или нет – точно не могу сказать.

- Плохо, но не беда. Дальше?

- После... ну, того, как я подумала о мужике, минут через десять, эти придурки на стоянку влетели как полоумные.

- Кто? Потерпевшие, что ли?

- Ну да.

- Они приехали на спортивной машине?

- Да, темного цвета.

- Что там между ними и охраной произошло? Был какой-то скандал?

- Нет. По-моему, нет. Просто парнишка в форме к ним подошел, сказал, видно, пару слов насчет порядка. А они в ответ понесли на него по-всякому.

- А потом?

- Потом этот, с автобусной остановки, молча подскочил и пальнул.

- Как молча? Ничего не говоря?

- Ничего.
- Откуда же он достал оружие?
- У него в руках была какая-то сумка.
- Тут ты его, конечно, разглядела подробнее?
- Да. Он оказался молодым темноволосым парнем, лет двадцати пяти.

- С чего ты взяла? Видела его лицо?
- Лица его не очень разглядела – довольно далеко, да и темно было. Но в походке, во всех движениях мужик уж больно резкий.

- Так, может, ему не двадцать пять, а все тридцать. В тридцать что, нельзя быть подвижным?

- Слушайте, мы с вами только что об этом говорили. Если мне вспоминается, что двадцать пять, значит, так оно и есть на самом деле, и без всяких там вариантов.

- Отлично. Фоторобот или, в крайнем случае, рисованный портрет сможешь составить?

- Не знаю. Нужно попробовать.

- Но это чуть позже. Сколько было выстрелов?

- Ой, три или, кажется, даже четыре... Да, четыре, причем парами с небольшим интервалом.

- Ясно, перезаряжал охотничью двустволку. Как он ушел с места стрельбы?

- Меня это очень удивило, но пешком. По крайней мере, до дальнего угла казино он дошел быстрым шагом. Даже не побежал.

- А окружающие?

- А что окружающие... Стояли как вкопанные на своих местах. Кому ж охота под пули соваться?..»

В концовке видеозаписи деталей содержалось совсем мало: еще до приезда милиции и «скорой» девицу удачно забрал очередной клиент, а, отработав, она сочла за лучшее в эту ночь на точку больше не возвращаться.

Едва Артем достал кассету из видеоплеера, Чарторыжский заерзал на своем стуле.

- Заметили, как товарищ малопрофессионально вел опрос? Без конца перебивал ценного свидетеля. Почему-то не стал оформлять беседу как допрос по уголовному делу... И вообще... Если б он не вовремя не поддел распутную девчонку насчет мужиков, выведаль бы у нее больше побочной информации. Вам не кажется?

Артем с сомнением покачал головой.

- Не знаю, думаю, вряд ли красавица способна сообщить какие-то важные дополнительные детали. Все-таки основное внимание она обращала на потенциальных клиентов, а не на подозрительных личностей на стороне. Поэтому к делу ее вряд ли стоит пристегивать... Да и потом, если она не местная, где прикажете искать панельную труженицу, когда она для суда понадобится?

- Ладно, давайте взглянем на фоторобот.

Артем открыл папку в том месте, где художником на листе была изображена угрюмая физиономия молодого человека.

- Вот. Как видите, есть только изопортрет и то с вероятностью сходства не более 30-40 процентов. То есть очень приблизительный.

Чарторыйжский пристально всмотрелся в нарисованное простым карандашом лицо.

- Да, физиономии подавляющего большинства лиходеев как будто клонированы. По такому общему портрету преступника можно искать до второго пришествия.

- К сожалению, вы недалеко от истины.

- Но есть ведь еще очевидцы расстрела. Возможно, с их помощью удастся создать более детальный портрет.

- Попробуем. Я дам поручение оперсоставу ускорить работу со свидетелями... Вам же, Борис Анатольевич, я предложу заняться организованной преступностью: выяснить у рубоповцев подробнее, какие трения и из-за чего могли возникнуть между перовскими и бандой беспредельщиков, в которую, как уже выяснилось, входили

покойные Фефил и Смех. Какое место занимали они в своей команде? Кто, в конце концов, из братвы или коммерсантов мог дать заказ на их устранение, кто способен был принять и выполнить этот заказ, если предположить, что он все-таки существовал... - Шевчук взглянул в глаза собеседника и увидел в них такую муку, такую вдруг возникшую отстраненность, что поспешил закончить фразу. - А впрочем, пока вам лучше заострить внимание на последнем пункте нашего обширного и перспективного списка...

Отправив явно недовольного Черта в ЦРУБОП, Артем взялся просматривать данные по недавнему убийству заместителя префекта, присланные со значительной задержкой от начальника уголовного розыска тамошнего ОВД.

В этом случае убийца использовал импортные патроны с так называемой рыскающей пулей, представляющей из себя две очень крупные картечины, соединенные стальной проволочкой. Ранения, нанесенные подобными боеприпасами поистине чудовищны и выглядят, как рваные углубления с чайную чашку величиной.

Впрочем, супрефекту пуля угодила в голову, так что чиновник погиб мгновенно, лишившись верхней части черепа. А вот водитель долго истекал кровью и скончался от удушья и острой кровопотери: рана опять находилась в верхней части грудной клетки.

Но что можно было извлечь из этого?

Артем мучительно соображал.

Да, оба убийства совершены почти по одинаковой схеме и без видимых причин, хотя, наверняка, скрытых и в том, и в другом случае еще отыщется множество. Но... У казино киллер действовал нагло, при свидетелях, опять же долго ожидал своих жертв, почти не скрываясь. При всем том использовал устаревшие боеприпасы, которые в любой момент могли отказать, дать осечку. И зачем-то перезаряжал ружье и палил в автомобиль, когда

правильнее было бы скорее уносить ноги. Возле пейнтбольного клуба «Черная метка» картина преступления несколько иная. Свидетелей нет, всего два выстрела импортными патронами – а ведь возможность завалить насмерть двоих человек, даже используя столь мощные боеприпасы, отнюдь не стопроцентна... Что это? Признаки непрофессионализма? Либо изощренной расчетливости?

Так или иначе, нужно было приступить к идентификации оружия. Но если в первом случае сделать это было нетрудно, и уже делалось по оставшимся на асфальте автостоянки гильзам, то во втором предстояло еще выступить с инициативой – а инициатива, как известно, наказуема – и предложить городской прокуратуре, в производстве которой находилось уголовное дело по насильственной смерти супрефекта, провести сложный спектральный анализ картечин. На некоторых из их должны были находиться стальные микрочастицы, содранные при выстреле с внутренней поверхности ствола... Затем требовалось проделать аналогичную операцию с дробью, извлеченной из трупов бандитов. Если, конечно, дробь извлекалась экспертами и сохранялась в качестве вещдока в строгом соответствии с инструкцией.

Артем лихорадочно перелистал содержимое папки: да, как он и опасался, крайние по осыпи картечины, весьма важные для идентификации, не были отложены в специальный пакет и не промаркированы особо. Но это упущение еще можно было восстановить...

До конца рабочего дня он занимался бумажной волокитой – писанием служебной записки, составлением различных запросов. В первом он предлагал экспертам изъять из корпуса автомашины «шевроле-корвет» картечины, находящиеся на периферийных полях осыпи и соответствующим образом их упаковать; во втором – обязывал местных участковых инспекторов обойти жилой

сектор и выяснить, у кого хранится зарегистрированное гладкоствольное оружие старых образцов и давних лет выпуска боеприпасы, и кто из охотников предпочитал ходить в лес за крупной добычей.

Последнее мероприятие, конечно, представлялось долговременным и очень хлопотным занятием, к тому с минимальными шансами на успех, но отрабатывать его все равно было необходимо.

Около шести вечера из ОВД вернулся молодой помощник. Он был слегка возбужден и с заметным волнением начал рассказывать:

- Представляете, Артем Владимирович, в ту незабвенную ночь в доме неподалеку от казино случилась поножовщина. Так, вроде ничего особенного, без летального исхода, хотя и с кухонным тесаком. Просто два в корягу пьяных охламона повздорили за столом. Но при обыске в квартире был обнаружен незарегистрированный ствол шестнадцатого калибра! Притом укороченный ножовкой.

- Да что ты говоришь! Обрез? А патроны? Патроны нашли? Или хотя бы коробки от них?

- Боеприпасов к нему нет. Тары, к сожалению, тоже. Но обрез со свежей смазкой, будто накануне вычищенный.

- Замечательно! А что, опера не учуяли в стволах кисловатого запаха сгоревшего пороха?

- Запаха практически нет – слишком тщательно мазали маслом внутри. Для верности все-таки нужна экспертиза.

- А хозяин? Он что из себя представляет? С судимостью? Из бывших?

- Да вот в том-то и дело, что парень по многим приметам и данным похож на нашего фигуранта: того же возраста, с разницей в два-три года, высокого роста, худощавый, темные волосы. До этого с законом не конфликтовал. И живет, между прочим, почти на пути отхода с места преступления... Я подумал, может, здесь и кроется очевидная нелепость совершенно не

мотивированных выстрелов по дорогой спортивной машине? Просто шальной малый решил покуражиться вволю...

- И для этого почти час торчал на остановке?.. А для пушего куража завалил еще троих человек?

- При большом желании и ситуацию в целом тоже можно как-то объяснить.

- Объяснить можно. Подверстать можно. Всё можно при горячем желании...

- Зачем вы так?

- Шутка, не обращай внимания. В котором часу паренька повязали за кухонную разборку?

- В три ночи.

- Ага. Значит, он вполне успевал отшлифовать промасленной тряпочкой ружьишко и потом надраться до поросячьего визга. А что говорят по этому поводу доблестные опера?

- Говорят, что это не ваше дело. Мол, мелочевка: нанесение легких телесных повреждений и хранение оружия. А что обрез как бы подходит к уголовному делу, да и паренек тоже – это еще бабушка надвое сказала, проверять и перепроверять нужно...

- Да, все верно. И их можно понять. Жирную галочку в отчетности они себе без труда поставят. Но что тогда делать с разборкой у казино?

Помощник смотрел растерянно.

- Как поступать, Артем Владимирович?

- Разберемся, Володя. Главное – не суетиться и не форсировать события, а действовать четко, последовательно. Рабочее время наше, однако, подошло к концу, пора собираться домой... Что это Чарторыжский куда-то запропастился?

Ровно в шесть, когда Шевчук уже убрал материалы в сейф, проверил, все ли электроприборы отключены, в комнате зазвонил телефон. Борис Анатольевич ледяным голосом сообщал, что встретился и поговорил с

необходимыми людьми. Результаты почти нулевые: попытаться укоротить зарвавшихся беспредельщиков, демонстративно устранив их людей на парковке конкурирующей группировки, выгодно слишком многим. Подробности он сообщит завтра, так как сегодня из-за личных дел уже не успевает заехать на работу. Документы придут также завтра с человеком ...

Попрощавшись с Володей возле здания прокуратуры, Шевчук по обыкновению пошел до метро пешком, хотя в последнее время хлопот дома было невпроворот.

Мать Артема уже вторую неделю лежала в больнице с неопределенным диагнозом «нестабильная стенокардия», и, конечно, все дела по хозяйству теперь автоматически ложились на него. Нынешним вечером, к счастью, не нужно было везти передачу в стационар, и, соответственно, на повестке дня значились: стирка накопившегося белья, варка супа, ну и, само собой, приготовление ужина.

- Ты, гляжу, справляешься со всем играючи, как заправская хозяйка. Повезет той бабе, которой достанется такой самостоятельный мужик, - не без скрытой зависти льстилась к Шевчуку Ниночка, тридцатипятилетняя замужняя особа, с недавних пор набившаяся к нему в любовницы и теперь, пользуясь удобным моментом, частенько наезжавшая в гости.

- Справляться с этой ерундой немудрено – все-таки я отслужил срочную в армии. А там сержанты научат чему хочешь... Что же касается моей будущей благоверной, - она, наверное, еще в детский сад ходит. Или в начальные классы школы, - усмехаясь, ей в тон ответил Артем и заметил мимолетный сухой блеск ревности в густо подведенных тушью усталых глазах.

- Что ж ты до сорока лет в холостяках ходить будешь?

- Почему до сорока? Лет до тридцати пяти, как минимум, а там видно будет...

Каждый раз, оказываясь в водовороте уличной толчеи, Шевчук думал, насколько беззаботней должна протекать

жизнь среднестатистического обывателя, не отягощенная всеми этими допросами, очными ставками, экспертизами, осмотрами трупов и т.д. Конечно, рядовой гражданин тоже видит по ящику яростную стрельбу, взрывы, жмуриков, потоки крови, часто отнюдь не бутафорской. Но то по ящику... А каково воочию заглянуть однажды серым будним деньком в стекленеющие полуприкрытые вежды очередного новоприставившегося раба божьего? Каково собственным носом втянуть настоящий на смерти воздух вроде бы обычного и ничем не примечательного полутемного подъезда? То-то. Здесь нужны недюжинная выдержка и стальная крепость нервов.

Артем размеренным шагом шел по бульвару, стараясь хотя бы на короткое время отвлечься от служебных заморочек, но мысли все равно перескакивали с благоухающей ранней осени на казино, черные стволы, роковые для двоих отморозков выстрелы...

Он не успел додумать какую-то мысль, когда его мягко взяли сбоку под локоть, и вежливый голос возле самого уха произнес:

- Артем Владимирович, если не ошибаюсь?

Шевчук вздрогнул от неожиданности, не без испуга посмотрел на крепко сбитого молодого человека в солнцезащитных очках, неожиданно возникшего справа.

- В чем дело?

- Виноват, коли напугал. Я не так давно звонил вам насчет непоняток у казино «24 карата». Говорил, что этим интересуются серьезные люди.

- Ну так что? Я вам уже ответил, - Артем немного помедлил. – Кстати, по телефону говорили не вы – голос не тот.

- Э-э, да какая разница? – на скулах незнакомца задвигались желваки. – Давайте присядем на скамеечку на три минуты, обсудим возникшую проблему.

- Вы уверены, что нам есть что обсуждать?

- Совершенно уверен. На крайняк, все равно лучше послушать, о чем речь, а там уж решать...

Артем хмуро кивнул головой.

- Ладно.

Они отошли к деревянной скамейке, на краю которой, опираясь обеими руками на клюку, неподвижно сидела сгорбленная старуха с иссохшим лицом мумии.

«Не хватает только черного балахона и отточенной косы», - мелькнула у Шевчука странная мысль.

- Ну так что еще не прояснено? - преувеличенно бодрым голосом поинтересовался он, едва они уселись.

Однако на лице незнакомца не дрогнул ни один мускул, оно по-прежнему оставалось непроницаемым. В упор уставившись на Шевчука, парень медленно произнес:

- Вам поручено заниматься этой заварушкой, а кое-кому нужно знать все подробности. Причем, люди готовы за информацию хорошо платить.

Хотя Артем и ожидал чего-то подобного, в первый момент от такого нахальства как будто даже почувствовал замешательство. Потом, наконец, отыскал подходящие слова:

- Вы мне предлагаете взятку за разглашение материалов следствия? То есть за очень серьезный должностной проступок, если не сказать больше – за преступление?

Молодой человек недобро усмехнулся, цыкнул слюной между передних зубов.

- Тебе, насколько я понимаю, предлагают хорошую сделку. Неплохие бабки за фигню, которая и так скоро станет известна.

- Ясно. А если я не соглашусь?

- А если пойдешь в отказник... Ну, во-первых, потеряешь деньги. А потом... У тебя ведь есть мама с больным сердцем в больнице и какая-то замужняя баба, которая регулярно прыгает на твой крючок. Да и ходишь домой ты одной дорогой... Верно ведь?

Артем сузил глаза.

- Ну, это слишком грубо. И не о чем тут больше говорить... – он поднялся со скамейки и, не оборачиваясь, быстро зашагал по аллее.

- Как сказать, как сказать! - раздалось вслед. - Через несколько деньков с вами свяжутся...

7.

Конечно, нужно было осторожничать с самого начала. Сперва выяснить хотя бы, откуда свалилась эта водочная халява. И как могло случиться, что три фуры с пойлом зависли на таможне из-за несоответствия каких-то там поганых бумажек? Почему хозяева товара не озаботились об этом раньше, почему, наконец, не вырвали, пусть и с потерями, свое кровное добро из цепких лап чиновников? Что-то здесь не сходилось...

Еще: что он, Гриша, сам сделал, когда тренькнул первый звоночек насчет левых платежей – мол, требуется проверка для установления подлинности? Не пошевелился, не отреагировал, понадеялся на авось? Послушал того самого давно купленного таможенника, клятвенно заверявшего, что все будет тип-топ? Расслабился в предвкушении скорого навару, болтался с Алкой по кабакам да другим значным местам, сорил деньгами, а надо было бежать со всех ног в контору и самолично совать, совать баксы в жадно оттопыренные грязно-серого цвета карманы из казенного сукна.

Теперь, если и удастся закрыть тему, то, понятно, с гораздо большими затратами – уже проводится проверка документов, и вот-вот будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела.

Гриша развернул мятый клочок бумаги, на котором были написаны имя и телефон следователя из УБЭПа. Следак сам вышел на него и теперь вот культурно

приглашает на беседу к двенадцати ноль-ноль. Это что еще за пуля¹?

УБЭП – серьезная шарашка, и многих там подвели под ой какие большие проблемы. Постоянно, правда, крутился навязчивый слушок, что кое-когда и кое с кем там можно до чего-то договориться... Но, в натуре, если напрячь умишко, приложить мал-мала стараний да подкинуть лавэ, наверное, кого хошь можно уболтарить.

Он не стал въезжать во двор, а оставил машину на огороженной парковке какого-то учреждения неподалеку. Его исподволь охватывал противный мелкий мандраж, чугунными стали ноги, и горло схватил сушняк, как после хорошего глотка спиртяги. И бесполезно было это ломать: с давних пор Гриша на дух не переносил любые ментовские места - с тех пор, как еще несмышленишем завис в первый раз на ночь за решеткой «обезьянника» и хорошо огреб там резиновой дубинкой по почкам от угрюмого сержанта.

Стараясь не выдавать волнения, он вежливо переговорил с милиционером на входе, подождал, пока позвонят наверх и выпишут пропуск, и уже тогда поднялся на нужный этаж. Там, с полминуты побродив бесцельно по коридору, торкнулся, наконец, в дверь с номером, который был коряво нацарапан на бумажке.

Комнатка оказалась так себе, неказистая, с тремя обшарпанными канцелярскими столами, парой шкафов и простенькими сейфами для хранения секретов. У стены на сдвинутых тумбочках громоздилась выдавшая виды оргтехника.

Прямо напротив двери за столом сидел какой-то мужик, лет тридцати с гаком, в сером пиджаке, и Гриша с ходу обратился к нему, хотя в комнате находился еще один сотрудник.

- День добрый. Илья Степанович, если не ошибаюсь?

---

¹ Пуля (угол.) – обман, вранье.

- Да. Приветствую. А вы, надо думать, Новиков Григорий Викторович?

- Так точно.

- Что ж, присаживайтесь, - и широким жестом показал на стул.

Гриша уселся и положил руки на колени. Странно, но они уже почти не дрожали.

- Вы, конечно, в курсе, зачем вас сюда вызвали?

Сглотнув слюну, Гриша кивнул. Следак погладил пятерней затылок, пошевелил карандаши в карандашнице, поднял на него слегка рассеянный взгляд.

- Ваша фирма «Феникс-О»... Которая, кстати, как долго существует?..

- Да месяца два уж.

Илья Степанович притворно-сокрушенно вздохнул.

- Да-да... Так вот, от вас в бухгалтерию таможни поступили платежные поручения, подтверждающие очистку на ликеро-водочном заводе некондиционного спиртного.

- Точно. Бумаги отправляли.

- И эти платежки, мягко говоря, не удовлетворили таможенников...

- Я конечно об этом знаю, но...

Илья Степанович предостерегающе поднял руку.

- Подождите, Григорий Викторович, не торопитесь. Я пытаюсь сейчас подробно обозначить текущую ситуацию.

- Я вас внимательно слушаю.

- Итак, эти бумаги были предварительно изучены и уже после этого, согласно закону, отправлены к нам, в УБЭП, - как вы понимаете, по последственности. Одновременно, до выяснения, на торговых точках и складах был блокирован товар.

Гриша с готовностью кивнул, уже примерно догадываясь, что будет дальше.

Между тем Илья Степанович, не меняя выражения лица и глядя на него все тем же слегка рассеянным взглядом, продолжал:

- Мы, естественно, со своей стороны, тоже добросовестно покорпели над документами. И пришли к выводу о необходимости возбуждения уголовного дела и назначения в его рамках судебно-технической экспертизы... Я доходчиво излагаю ситуацию?

- Да, конечно.

- А мне кажется, вы не вполне представляете себе весь драматизм ситуации.

Гриша почувствовал, что настал момент активного обмена мнениями.

- Наоборот. Понятно, что совсем скоро для меня могут наступить неприятные времена.

- Вот именно! И я о том же, Григорий Викторович! Правда, признаюсь честно, для нас всех остается неясным, почему вы держали такую продолжительную паузу: время - деньги. Но тут уж, как говорится, каждый сам себе хозяин...

- Значит, я так прикидываю, мы с вами можем чисто конкретно повлиять на гнилой расклад?

- Вы знаете, можем. А насколько конкретно – зависит только от вашей решительности.

- Заметано. Очень ценю откровенных людей. А то всегда мнутя и топчутся вокруг да около... Сколько?

Илья Степанович бросил быстрый взгляд на сотрудника, в продолжение всего разговора молча сидевшего за боковым столом, и развел руками.

- Это будет зависеть от того, как вы планируете выкрутить из ситуации. Если речь пойдет только о затягивании экспертизы – одна забота. Если придется добиваться отказа в возбуждении уголовного дела – уже совершенно другая. Кстати, во втором случае товар из-под санкций удастся вытащить гораздо быстрее и проще. Вот так.

- Но цифры-то какие? Назовете?
- Отчего же нет? Пять или десять.
- Косых зелени?
- Ну, вы обижаете... Конечно.
- Гбуро¹! Сколько у меня времени на ответ?
- К сожалению, его уже почти не осталось. Думаю, не больше трех-пяти дней.
- Заметано. Как с вами связаться?
- Я сам вам отзвоню на мобильный...

На улицу Гриша вышел чуть-чуть ошалевший. Во волки позорные! Никого и ничего не стремятся. Тягают на лапу прямо в своих кабинетах. А он-то сам на себя удивлялся, что мандраж как рукой сняло, едва следак начал чесать репу и карандашики на столе двигать...

Но десять штук баксов за то, чтобы всё было чики-пики! Откуда выгрести столько монет?

Еще совсем недавно его, может, абсолютно не напряг бы этот пустяковый вопрос. Но сейчас, когда он поиздержался с этой смазливой понтовой курвой в казино и кабаках, когда он пыль в глаза пускал и немеренно сорил бабками за бугром, да к тому же с таким неподъемным должком Белому и его кодле?!

Нужно было немедленно действовать. Ломиться к Монголу, трясти таможенника – но не сидеть сложа руки!

Гриша набрал номер давнего приятеля, эпизодического партнера по коммерческим комбинациям, советчика, с которым они в свое время выдули не один литр водяры, обработали дюжин пять красоток – черных, белых, всяких, перетерли немало важных тем. Он чувствовал, что начинает заводиться, - так всегда с ним случалось в запредельные, аховые моменты.

В трубке довольно долго ничего не было слышно, даже гудков, и Гриша испугался, что номер по каким-то причинам изменился. Потом все-таки захрипело,

---

¹ Гбуро (угол.) – хорошо.

щелкнуло, и Монгол своим неповторимым лениво-безразличным голосом произнес «алё».

- Привет, братан, как поживаешь, чего поделываешь?

- А, Гришаня, ты? Что-то тебя совсем не слышать. Канул в свою бабу, как в тайгу, – с концами. А я тут всё вспоминал, как мы с тобой между делами весело проводили времечко... Помнишь ту безбашенную рыжую бестию, которая нюхтарила¹ после каждого заезда?

- А потом хотела, как была без ничего, ломануться из окна на свежий воздух?

- Во-во!

- Помню, чего ж не помнить.

- Рад слышать. Значит, ты еще не совсем конченный для честной компашки чувак.

- Да я-то совсем не тот, что ты толкуешь. Надо бы покалякать с глазу на глаз. А, Монгол?

- Нет проблем.

- Сейчас можешь?

- Что, так подперло?

- Как будто.

- Ну, лады, чего-нибудь придумаем. Ты где?

- На колесах. Рулю по Хавской улице.

- Ништяк. Дуй тогда на Крестьянскую заставу, там прямо на углу есть забегаловка - то ли «Аленький листочек», то ли «Маковый цветочек»...

- Че, в натуре, маковый? Может, «Маковая соломка»?

- Да, «Травушка-муравушка».

- «Белый ветерок».

- Но не суть, приколы в сторону. Подкатывай, я тоже там скоро буду. Причаливай за угловой стол.

- Ты нарисуешься один?

- Как скажешь.

- Лучше так.

- Базар закрыли.

---

¹ Нюхтарить (*нарк.*) – нюхать кокаин.

- Тогда бывай.

Гриша отключил телефон и расслабленно вздохнул: хоть здесь пока фартит.

Он уже точно помнил, что в одну из гулянок с Алкой и приятелями в загородном кабаке на мутном фоне пьянки возникли первые слова о конфискате. Монгола тогда он не нашел, да и не очень-то жаждал позвать корейца на вечерок, хотел один поживиться халявой. Правда, тема прозвучала не особо конкретно – что-то вякали о североосетинской водочной мафии... Да к тому же Гриша набрался в ту пору американской кукурузной самогонки до посинения, даже до подружки руки не дошли, – вот почему всё затуманилось и всплывает только-только. А нужно было дураку вовремя шевелить мозгами, и не имел бы сейчас никакого геморроя!

У Крестьянской заставы недалеко от перекрестка действительно маячил большой стеклянный павильон с крученой надписью «Аленький цветочек» и аляповатым кроваво-красным бутонем опийного мака на крыше.

Гриша взглянул на часы, припарковал «Ягуар» и, втянув голову в плечи, заскочил в кафе.

Монгол уже сидел за угловым столиком и встречал его сдержанной ухмылкой.

- Ты каким макарон раньше меня сюда заскочил, это ж, вроде, не твои края?

- Дела, всё дела, Гришаня, - ответил неторопливо Монгол, пожимая протянутую руку. – Веришь, иногда минуты нет свободной присесть.

- Значит, темно-серенький пятисотый «гелендваген», что там скромно притулился у бордюрика, твой?

- Ага.

- Ну-у, Монгол, мои горячие поздравления! Сколько отдал за такого красавца?

- Он чистый, Гриша, и нулёвый, да плюс под завязку упакован – поэтому потянул на очень крутые бабки. Стоит малёхо побольше, чем твой англичанин.

- Хвалю-хвалю. Так получается, что у тебя делишки в гору поперли?

- Да грех жаловаться. Но ты ведь не за тем звал? Толкуй, какие расклады?

- Расклады хреновые.

- Что так?

- Вляпался я конкретно с конфискатом. Хиляю сейчас от убэповского барбоса¹ – там шьют дело.

- погоди, погоди, давай по порядку. Если конфискат, то ты должен крутиться с таможенной... Так? Причем здесь тогда УБЭП?

- В том-то и дело, что телега докатилась уже до УБЭПа.

- В каком смысле уже?

- Да видишь... Тут не так давно нарисовалась халява с паленой польской водкой. Подогнал ее мне знакомый чинуша с таможни: три фуры конфисковали у каких-то лохов. И всего-то нужно было проплатить сорок процентов, протащить ханку через заводской конвейер, очистить то бишь, а дальше валять ее прямо на прилавок. Бабки на разнице получались неплохие, да жаба меня задушила. Кинулся к Кацу: слепи, мол, линковые² платежки за перегонку... Ты знаешь, он крутую липу гонит... Но в этот раз что-то зацепилось у счетоводов в бухгалтерии. Мне бы самому разобраться, а я на чинушу ссученного понадеялся...

- Ну да. Тебе бы пошевелиться, а ты с девкой по кабакам шлялся-болтался.

- И это тоже, как без этого? Кто ж знал, что Кац так лихо лажанется? Да и купленный сучий потрох в грязно-сером казенном клифте клялся-божился, что все вокруг в доску свои, и фишка ляжет тип-топ.

---

¹ Барбос (угол.) – следователь.

² Линковый (угол.) – фальшивый.

- А ты уверен, что суть в бумажках? Или в твоём карманном чинодрале? А может, здесь постарались наши незваные гости с юга?

- В смысле, осетины?

- В смысле, они самые. До меня давно катились волны, что они мастаки строить такие подставы. Причем при самой жаркой подмоге тех же таможенников.

- Во волки позорные! Но кто будет палить аж три фуры водки на этот шухер?

- Эх, Гриша! Кто тебе сказал, что фуры спалены? Это ты на них как небитый фрайер сгорел. Да еще на своем жлобстве... И потом, для черножопых какой-то полтинник косых навар в баксах – плёвая цифра! Они лимонами ворочают...

- Как же теперь крутиться?

- Ты сперва тут что-то начал кричать про убэповского барбоса, который...

- Следак бабки требует.

- За что?

- Говорил, может проволынить ломку кацовских бумажек или вообще похерить дело.

- Вот что. И на сколько это тянет?

- За волынку – пять, за чистый уход – десятку.

- Нехило.

- Да уж, аппетиты – будь здоров!

- Ну так дай, раз залетел. За десятку тебе и товар откатят назад, и еще помашут ручкой.

- Легко сказать. А откуда выдрать червонец?

- Ну-ну, Гришаня. Тебе ли приbedняться и изображать из себя босоту? Или мурка тебя всего обгрызла? Не поверю – хоть завали.

- Телка тут ни при чем, просто полоса такая. Во-первых, я отстегнул предоплаты 40 процентов... А потом, я-то чуял скорый навар, ну и завалился в казино оттянуться... И, прикинь, как обмишурился - всего за вечерок закатал там в ноль целых тридцать пять штук!

- Ого. Ты у нас всегда был парнем с размахом.

- Так случилось, Монгол: сначала ломом пёрла маза, потом – как топором срубило. Потому и хотел к тебе обратиться за малой толикой. А я уж, не сомневайся, как только отобьюсь от псов голодных...

- Но у меня сейчас нет свободных бабок.

- Что, совсем никаких?!

- Совсем. Верись, все по делам рассовал. Если только мелочевка на семечки осталась, штуки полторы-две...

Гриша мрачно уронил голову.

- Верю.

Монгол как будто ждал этого движения, вскочил, заулыбался, протянул руку.

- Извини, браток, за отказник – ну, никак концы не клеятся! И бежать надо, всё дела срочные, - и бочком, бочком заспешил к выходу.

Гриша смотрел невидящими глазами ему вслед: не очень-то он ожидал с этой стороны облома. А ведь еще ни словом не обмолвился насчет Белого и неподъемной восьмидесятки!

И зачем только он тут разорялся, выложил Монголу, как на витрину, все свои заморочки? А чинуша-то каков? Неужели и правда нюх потерял, ничего не шугается и спецом подставил его под топор? Нужно срочно выяснять!..

Стрелка спидометра редко опускалась ниже сотни, когда Гриша мчал по оживленным улицам к таможенному терминалу. Его опять бил озноб, на этот раз озноб ярости, лицо налилось темной кровью. Мозги сверлила одна-единственная мысль: «Порву гниду продажную! Порву как Тузик грелку!»

Позвонил он только от самой проходной. Едва сдерживаясь и растягивая губы в нелепой улыбке, почти ласково пропел:

- Петр Егорыч, выдь на минутку, дорогой, к тебе срочное дельце. Это Гриша Новиков... Я только-только подъехал к проходной.

На другом конце провода почему-то испугались, мембрана пискнула жалобным и каким-то даже не мужским голоском:

- Г-гриша, Г-гриша, я сейчас з-занят, не могу...

- Петр Егорыч!

- С-сейчас... эта... у меня кошмар, запарка... Может, немножко попозже, а?

- Петя! Ты меня знаешь: если я зову – надо идти! Дело неотложное, понял?

- Да... да... Я уже эта... подойду...

- Давай в темпе, не телись. Я жду в своей машине. Ты в курсе, в белом «Ягуаре».

Три минуты он пытался унять звон в голове, с силой тер лоб, сжимал и разжимал кулаки. Наконец, когда прикурил сигарету, на парадной лестнице показалась тщедушная фигура таможенника. Петр Егорыч почти бегом, суетливо подскочил к машине и распахнул правую дверцу.

- Ну, здоров! – Гриша указал на сиденье, но руки для пожатия не протянул. – Как делишки? Клеятся?

Лицо чиновника вытянулось и побледнело.

- Слава богу, слава богу!

- А у меня – так не очень.

- Что ж, Григорий...

- Хочешь сказать, доля такая?

- Ну...

- А кто кричал, что все кругом свои в доску, что все повязаны? И что расклад ляжет как надо?

- Видишь ли...

- Ах, видишь ли! – Гриша вдруг взбесился, глаза полезли из орбит. Он резко повернулся всем туловищем и вцепился собеседнику в горло. – Ты из чьих рук жрешь, падла? Отвечай мне!

- Григорий... Григорий Викторич...- голова таможенника тряслась, как у тряпичной куклы, на губах появилась пузыристая слюна, - бог с тобой, не губи, не губи...

- Кто подставил меня под топор? Кто заказал палево? Черные? Осетины? Кто? Говори!

Петр Егорыч косил потемневшим глазом, натужно хрипел:

- Нет... Нет...

- Тогда кто? – Гриша ослабил хватку.

- Сверху... От начальства указание пришло... чтобы следили лучше за проводкой бумаг...

- Да? Сверху, толкуешь, указание пришло? Что ж ты мне вовремя не свистнул, а?

- Я... мне и невдомек было. Такие приказы – обычное дело. На то оно и начальство, чтобы шерстить...

- Ах, ты посчитал все за лажу? Как последний лошок? Клево! Знаешь, на сколько бабок я по твоей милости влетел?

- Григорий Викторич, не губи!

- Плачь, не плачь, а десятка с тебя ломится, Петя. Это по минималке. Вот так. И без базаров!

- Десятка? Десять тысяч долларов?!

- А ты думал! Причем пятерку придется подогнуть сразу, через два-три дня.

Чиновник осел на своем месте. Гриша с полминуты помолчал, посмотрел, как тлеет кончик почти сгоревшей сигареты.

- А вздумашь кому-нибудь стукнуть или, того хуже, дернуться за поддержкой, считай, что сосновый конверт для тебя уже сколочен. Уразумел?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

Опять под раздачу попали не совсем те!

Матвей, хмурясь, листал газеты и с копившимся внутри глухим раздражением вчитывался в бесконечные столбцы разнокалиберных публикаций - очерков, статей, аналитических обзоров, наперебой предлагавших всевозможные версии.

Например, газета «Коммивояжеръ» посвятила половину полосы столь громкому криминальному событию.

В ней именитый автор аналитической статьи с большим знанием дела и с очевидными фактами в руках доказывал, что убийство супрефекта совершено по заказу группировок, контролирующих бизнес в сфере досуга. Мол, господин Мытарев довольно давно и небезуспешно продвигал в жизнь стратегию, имевшую конкретную цель: установить жесткий контроль над доходами от азартных игр и предельно ограничить возможность для кого бы то ни было отмывать грязные деньги в казино и прочих подобных местах. По сведениям из источников, весьма близких к правоохранительным органам, чиновнику уже удалось немало сделать в этом направлении, и, конечно, подобная кипучая деятельность не могла не вызвать сильнейшей отрицательной реакции в определенных кругах. Кроме того, если вспомнить...

Матвей с отвращением скомкал газету и швырнул на пол в бумажный ворох. Писаки. Чешут языки, скрипят перьями, высасывают из пальца очередную сенсацию. А цена-то ей – грош!

На сей раз вы ошиблись, господа щелкоперы. Вашего негибаемого борца с нетрудовыми доходами, почему-то решившего приехать темной ночью на шикарной машине в не совсем обычное место и с явно не афишируемыми намерениями, свалил не крутой бандитский наемник, а почти неподготовленный скромняга, у которого просто не все в порядке с личной судьбой. Да-да, именно так. Хотя явных доказательств этому практически нет.

Матвей призадумался.

Это что же тогда получается? Значит, сам того не ведая, он невольно сыграл на руку каким-то там махинаторам? Значит, из-за его скоропалительных решений ворье и ловкачи всех мастей поимеют фактическую выгоду, и немалую?

Что и говорить, подшутила над ним судьба-индейка. Сперва блазилась, поддразнивала, заманивала всякими там штучками, а потом – бац! Подставила под картечный удар мечущегося в поисках полуночных приключений чинушу и его ни в чем не повинного холуя-водителя. Или все-таки это он, Матвей, оказался пока неподготовленным к распознаванию зашифрованных примет?

И хотя казенной душонки, наверняка источенной мздоимством и злоупотреблениями, было не очень-то жаль, Матвей сжал зубы: мы еще посмотрим, кто окажется изощренней!

Конечно, нужно присматриваться и прислушиваться к окружающему, доверять интуиции, чутко улавливать, распознавать тайные знаки и подсказки. Но в дополнение ко всему выстроить безупречную линию поведения, которая выводила бы на избранный контингент безошибочно.

Как это сделать?

Матвей перевел блуждающий взгляд с вороха мятой газетной бумаги на безмолвный телефонный аппарат, и мысли сразу же перескочили на Диану.

До чего простой оказалась девка! После несколько чопорной и часто избегавшей интимных откровений Аллы, эта, наоборот, как будто искала пикантные темы.

Уже во время второй встречи, когда он превзошел самого себя по количеству заходов, заметно веселевшая раз от раза молодайка, щурясь как кошка на солнцепеке, повела щекотливый разговор:

- Я готова с тобой на всякие трюки, но одним способом мне не нравится. Слишком больно. И мужу меня редко удавалось на это уговорить...

Матвей уже, впрочем, не впервой удивившись про себя подобной бесхитростности, только ухмыльнулся в ответ:

- Умеючи можно по-всякому. Для любви нет преград. Потом сама будешь просить.

Диана округлила красивые глаза.

- Это как так?

- А вот погоди чуток, всему свое время!..

Не всегда, правда, предельная прямолинейность оказывалась столь приятно-возбуждающей. Буквально на следующий день, в продолжение стремительной прогулки на работу (они с утра уже отпрыгали в койке полагающуюся норму и едва успевали к открытию библиотеки), Диана, тесно прижавшись к нему горячим боком и интимно понизив голос, проворковала:

- А ты в машине пробовал? Я муженька своего никак не могла уболтать... Наверняка, подлец, других баб имел, поэтому-то со мной никогда не соглашался...

Не моргнув глазом, Матвей соврал:

- Конечно!

- Да? Ну и как тебе? А у тебя, кстати, есть машина?

Ему вдруг стало тошно: «И что тебя так переклинило на бывшем мужике? Или тут вся суть в последнем вопросе?»

Однако он быстро справился с эмоциями, изобразил на лице крайнюю степень озабоченности.

- Ты не спрашивала, а я как-то не успел сказать. Ведь три месяца назад в Подмосковье, совсем рядом с постом ДПС, я умудрился вляпаться в пренеприятную историю. На своей почти новой «семерке» по пьяни вылетел в кювет и пару раз там перевернулся...

- Да ты что!

Матвея легко несло по волнам вранья.

- Да. Случилось это на минской трассе, недалеко от Голицына... Тачку разбил в хлам, сломал ребро, да впридачу заработал сотрясение мозга. И ладно, если б только это!

- А что еще?

- Менты тут же подкатили, хотя на улице – глухая полночь. Водительских прав, естественно, как не бывало. Отобрали, – он беспомощно развел руками. – Вот теперь маюсь без машины и без прав.

Диана еще крепче прижалась к нему.

- Бедненький мой!..

И зачем он тогда соврал? Желал показаться лучше, значительней, чем он есть на самом деле? Жаждал выглядеть покрупче в собственных глазах хотя бы на минуту? Не хотел сразу разочаровывать новую подружку? Ведь им всем подавай тачки, чтобы возить на них свои ненаглядные фигуристые задницы.

Теперь, хочешь не хочешь, нужно было ломать голову над поддержанием дутого реноме. При условии, конечно, что отношения с Дианой продолжатся еще какое-то время.

А что он мог предложить из ряда вон выходящего простой девице с несколько повышенными запросами? При своих-то денежных ресурсах, стремительно скудеющих по причине затянувшегося ничегонеделания? Сводить в кино или театр? Довольно дешево, да и пахнет очевидной тривиальщиной... Вот бы завалиться в какой-нибудь подкрученный кабак! Но во что, в смысле бабок, этот поход встанет? В двести-триста баксов, если быть скромным и не особенно шиковать? А если на один вечерок развернуться?

Стоит овчинка выделки?

Зато после можно будет ходить гоголем, поплевывать по сторонам и сквозь зубы изрекать разные сентенции – эта простушка все схавает. И, естественно, при том пользоваться и пользоваться девку в койке, на столе и на полу. Так, смяк и наперекосяк. Как говаривали (почти дословно) классики

куртуазного жанра: «В мечтах Диану он представил и так, и сяк ее поставил, решил: сегодня ввечеру сию Диану отдеру...»

Только надолго ли хватит куража? Тоже вопрос вопросов! Но зачем, спрашивается, заглядывать в дальние дали, раз ручки все равно тянутся к черным стволам? А?

Матвей вскочил и в нетерпении заходил по комнате. Потом не выдержал, подошел к письменному столу и выдвинул верхний ящик. Там, на стопке каких-то никчемных пестрых журналов, тщательно смазанный, покоился обрез. Вот он, главный аргумент нашей действительности. И попробуйте-ка с этим поспорить, господа!

Однако перед походом в злачное местечко еще требовалось подвергнуть ревизии порядком истощившиеся финансовые закрома. Что имелось в наличии?

В бесхитростном тайнике в шкафу, среди книг, у Матвея хранились сбережения, постепенно подкопленные к намечавшейся командировке за границу. Деньги доставал по-разному: рассчитывал курсовые и контрольные работы для нерадивых студентов мехмата, изредка выпадала халява выступать с лекциями на платных отделениях вузов и т. п. Тратить старался немного, в компаниях пил, в основном, за счет знакомых и приятелей, на Алле и других развлечениях тоже слегка экономил. Была мечта как следует оторваться за бугром - походить по настоящим стрип-барам Лас-Вегаса, поглазеть на голых, извивающихся у полированного шеста телок; покрутить американскую рулетку; попробовать фирменные напитки, покурить настоящие сигареты, а не их польские подделки; приобрести качественные шмотки по разумным ценам... Потом, когда произошел облом, заглашник, конечно, пришлось потихоньку дербанить. Однако он тоже старался в этом особо не усердствовать, постоянно сдерживал себя.

Матвей пересчитал жиденькую пачку стодолларовых купюр. Осталось всего восемьсот баксов! Если прикинуть

на вечер четыре-пять сотен, то в осадке окажется триста. Сколько можно на такие деньги протянуть? Месяца два от силы, если при этом во всем себе отказывать? А что потом? Устраиваться на какую-то работу.

Эх, была не была! Пить так пить, долбать так Королёву, красть так миллион!

Решительным жестом Матвей отсчитал четыре банкноты, после мгновенной паузы добавил пятую, и, перегнув хрусткие бумажки пополам, быстро убрал их в карман - с этим было покончено. Остаток уже без промедления вернул на книжную полку.

Пришла очередь приятно удивить Диану. Матвей, почему-то осторожно ступая, подобрался к так и ни разу за полдня не зазвонившему телефону и набрал номер.

В трубке сначала зазвучал отдаленный многоголосый девичий смех, потом задорно и звонко кто-то заявил:

- Библиотека. Вас слушают!

Матвей не сразу распознал по голосу подружку.

- Привет. Веселитесь?

- Здравствуйте... Это ты, Матвей?

- Я. Узнала сразу, значит богатым мне не быть.

- Как сказать. Надо очень стараться. Очень. Тогда...

- Да, наверное.

- Погоди, - трубку прикрыли ладошкой, отчего приятный голосок отдалился, будто вылинял. - Хватит, девки, ляды точить! Пора приниматься за работу!

На другом конце провода еще несколько секунд что-то шуршало и щелкало, потом Диана уже другим, волнующим тоном с придыханием спросила:

- Скучаешь?

- Не то слово. Болею.

- Я тоже. Эх, пыльная моя работенка!

- Слишком не грусти, я кое-что придумал.

- Да? Ты у меня выдумщик. Что же на этот раз?

Не обращая внимания на легкую иронию, с какой вопрос был задан, Матвей нарочито небрежно начал:

- Как ты смотришь на поход в «Эльдорадо» сегодняшним вечером?

- Куда? - мгновенно оживилась подружка.

- В «Эльдорадо», - как эхо повторил он. – В крутой кабаке, где подают рыбу сибас, лобстеров и прочую изысканную хренотень.

- Ой! Я даже не знаю, как все это выглядит... Но там, наверное, ужасно дорого!

- Не бойсь, - Матвей наслаждался произведенным эффектом. – Финансовые проблемы я беру на себя.

- Но откуда у тебя деньги, ты же сейчас не работаешь?

Он расшаркался:

- Временно не работаю, милая, временно! Зато раньше неплохо горбатился... Ну так как?

- Я даже не знаю...

- Ты не хочешь красиво провести вечерок? Вкусно пожрать, сладко попить и, вдобавок, послушать примодненную живую музычку?

- Еще как хочу! А библиотека?

- Далась тебе эта библиотека! Сегодня ты работаешь до пяти, и, соответственно, проблемы отпадают. А завтра, если головешка будет бо-бо, опять за бабки подрядим сидеть какую-нибудь из твоих товаров.

Диана восторженно взвизгнула:

- Ой, согласна!

В ответ он притворно-облегченно выдохнул.

- Ну-у. Наконец-то, уломал.

- Как мы с тобой тогда договоримся?

- Встречаемся у библиотеки в пять, потом катим к тебе. У тебя есть что напаять по такому случаю?

- Конечно.

- Тогда до встречи... И еще: не трепись пока с подружками на эту тему. Чтобы не было лишних сплетен и зависти.

- Хорошо-хорошо. Целую нежно. До встречи.

Матвей опять прошелся по комнате туда-сюда, энергично потер руки. Итак, от вечернего похода в дорогой ресторан отказаться уже было нельзя.

Куда же направить свои стопы? Действительно, в «Эльдорадо» или в какой другой кабак?

Он присел на диван и еще раз пролистал красочный буклет с перечнем модных ресторанов. Именно из этой книжонки полчаса назад он почерпнул сведения, так поразившие неискушенную Диану.

На гляцевых страницах мелькали изысканные интерьеры: а-ля классик, а-ля ориенталь. А если возникает желание, вполне реально оттянуться и в древнеримских покоех. Цены тоже впечатляли: средняя стоимость горячих блюд колебалась от пятнадцати долларов до пятидесяти-семидесяти и выше, бутылка вина тянула от двадцати пяти до девятисот! Немного покорпев, Матвей даже отыскал харчевню, где один пузырь какой-то ненашенской ханки оценивался в десять косарей вечнозеленых долларей. Однако!

В конце концов он остановился на «Золотой маске» - уютном ресторанчике на семьдесят мест с европейской кухней, живой музыкой и приемлемыми ценами, как обещала та же реклама.

Забронировав по телефону столик, что оказалось весьма непростым делом – Матвей взмок, беседуя с крайне любезной девицей из службы ресепшн, – он принялся выбирать костюм.

Два изрядно поношенных были отложены в сторону сразу; в наличии оставался только новый темно-синий в узкую тонкую белую полоску, но немодного покроя.

Матвей, покряхтывая, покрутился перед зеркалом: фигура хороша, и классический костюмчик сидит тоже вроде ничего. Галстук подобрал в тон; да он и не повязал бы яркий попугаистый ни за что, даже если б и нашелся такой где-нибудь в дальнем углу шифоньера.

Часы показывали уже почти половину пятого, когда он кончил, наконец, возиться со всеми своими приготовлениями.

Ничего не оставалось, как брать ноги в руки и мчаться к месту назначенной встречи.

К библиотеке он подъехал на такси в тот момент, когда оттуда выходила Диана. Матвей сразу заметил какой-то особенный блеск в ее глазах. Теперь эти глаза смотрели на него восхищенно, даже немного подобоострастно.

Усевшись рядом на заднее сиденье, Диана тотчас же схватила его за запястье и судорожно сжала. Матвей почувствовал, какие ледяные у нее пальцы.

- Что это ты? Озябла?

- Нет. Просто я немного волнуюсь. Ведь меня еще никто не водил по дорогим ресторанам, - и после небольшой паузы придушенным шепотом выдохнула ему в ухо. – А у тебя хватит на это денег?

Матвей вальяжно раскинулся на сиденье, закинул руку на хрупкое женское плечико.

- На этот счет можешь не сомневаться...

К его удивлению, у скромной библиотечарши оказался довольно внушительный личный гардероб. Конечно, шмотки были недорогие, наверняка, с ближайшего вьетнамского рынка. Бегло просмотрев содержимое шкафа, Матвей без колебаний остановил свой выбор на довольно элегантном черном платье с тонкими бретельками и длинными разрезами по подолу, спереди и сзади. На груди сияла очень эффектная аппликация из стразов.

- Примерь-ка это.

- У меня к нему и сережки есть, - не без гордости сообщила Диана. – Отвернись, я разденусь.

- Да, ладно тебе, стесняешься, что ли?

- Отвернись, Матвей!

Недовольный, он отошел к окну, засунув руки в карманы, несколько секунд бессмысленно рассматривал двор внизу, гуляющих с детьми мамаш. Потом сделал

неуловимый поворот и с тихим смешком приблизился к ней, обнаженной, сзади.

Она вся отражалась в большом зеркале, подтянутая, аппетитная. В стеклянной глубине их взгляды встретились - его требовательный, и ее умоляющий, губы потянулись друг к другу. Но она мягко отвела его быстрые руки.

- Не надо. Я ведь еще и под душем не была – вся потная... К тому же родители скоро должны прийти...

У Матвея кровь отхлынула от лица. Он отпрянул назад, часто-часто закивал в согласии головой.

- Да, да, конечно. Примеряй, и двигаем ко мне. Там и поплещешься, оттуда и покатым в кабак.

Платье он оценил на «отлично», заставил Диану покрутиться около зеркала в туфлях со шпильками. К ней, впрочем, уже не подходил, комментировал издали:

- Жаль, перчаток длинных нет... А впрочем, это был бы уже перебор...

За пять минут они аккуратно уложили в большие пластиковые пакеты платье, украшенные стеклярусом туфли, сумочку; Диана натянула джинсы, блузку, - и вышли на улицу.

В такси Матвей все больше помалкивал, Диана, почувствовав, что сделала что-то не так, льнула к нему.

- Ты на меня ни за что не обижаешься?

- Нет-нет.

- Подожди, дай мне добраться до ванной, тогда уж я испую свою вину!

И, действительно, под плеск горячей воды она преподала ему пламенный пример искупления, проделала такие кунштюки, что Матвей чуть было не запамятовал о кабаке и о прочем: щипала, гладила, терлась, а под занавес облизала его всего, как самый сладкий леденец...

К ресторану они подъехали около восьми. Миновав швейцара и фойе, по вежливому указанию метрдотеля заняли свой столик.

Диана, не смущаясь, блестящими глазами разглядывала шикарную обстановку.

И было на что посмотреть: круглые мраморные колонны, искусно декорированный потолок, изящные светильники, вычурная мебель, живая зелень в больших кадках. На крошечной эстраде квартет музыкантов наигрывал какой-то веселый мотив. Матвею все это тоже было внове, но он старался не показывать вида, сидел с бесстрастным лицом и ждал официанта.

Со смущенной улыбкой Диана потянулась к нему.

- А ты бывал тут?

- Здесь – нет. А вообще, поверь, повидал таких мест предостаточно.

Подошел лощеный халдей, пожелал доброго вечера, с легким полупоклоном подал меню.

- Будете сразу заказывать?

- Мы, пожалуй, сначала обсудим.

- Как вам будет угодно.

Пролистав красочный буклет, Матвей немедленно предложил подружке на выбор:

- Салат из розовых креветок с шампиньонами и кукурузой либо с раками, черной икрой и говяжьим языком? Телятину под соусом «кальвадос», ягненка по-новозеландски с красным вином, филе королевского оленя под соусом «порто»? Или все-таки волован с рагу из лобстера, рыбу сибас на гриле, омара в коньяке?

Диана захлопала в ладоши:

- Ой, всего этого хочется! Но, наверное, в первую очередь эту необыкновенную рыбу и лобстера. А ты, дорогой, как полагаешь?

- Ты права, - довольно небрежным жестом Матвей подозвал официанта. - Нам, пожалуйста... - он неторопливо перечислил закуски и блюда, не забыл и минеральную воду. - А вино? Что вы нам посоветуете, любезный?

Халдей, записывавший заказ с непроницаемым видом и, конечно, сразу сообразивший, какой клиент перед ним, в отместку за небрежное отношение позволил себе ухмыльнуться:

- Это смотря по толщине кошелька.

Матвей смутился.

- Нам чтобы не слишком дорого...

- Тогда, безусловно, прежде всего предложу семилетнее шампанское «Дом Периньон» и белый портвейн «Грэхэм», также достаточно выдержанный, шестилетний. Вино как раз к выбранным вами кушаньям...

- и вдогонку еще раз криво улыбнулся.

Разделавшись с заказом, Матвей вздохнул свободнее, огляделся кругом. С эстрады неслась томительная мелодия. Соседние столики шумно занимала весьма раскованная компания добрых молодцев и ярко покрашенных разбитных девиц. Они громко обменивались мнениями, смеялись, и у Матвея ворохнулось внутри недоброе предчувствие. Однако он прогнал прочь совершенно неуместные мысли и бодро обратился к спутнице:

- Ну как тебе обстановочка?

- Просто шикарная! И народ солидный... - Диана скосила глаза в сторону. - А это бандиты, что ли?

- С чего ты взяла?

- А вон какие на них цепи да браслеты. И морды наглые. Да и размалеванные девки им под стать.

- Ну... Вряд ли это ребята из тех, кого ты назвала. Скорее, какие-то дешевые недоумки, пытающиеся косить под них на публике, чтобы добавить себе веса. А впрочем, что мы всё о постороннем? Давай лучше выпьем за нас!

Матвей с подчеркнутым вниманием проследил, как подошедший официант откупорил бутылку шампанского и разлил искрящийся напиток по бокалам, поднял свой.

- За нас!

- За нас!..

Потом они с нескрываемым удовольствием поглощали приносимые кушанья, запивали их крепленным вином.

Диана вытащила его, неловкого, на танцплощадку, где они, обнявшись, долго и медленно переступали ногами под пронзительную блюзовую мелодию. В голове у Матвея сладко и гулко стучало, он видел перед собой такие же опьяненные глаза подруги, искрившиеся безграничным восхищением, и все окружающее временами казалось несуществующим, слишком чудно слепленным, чтобы быть похожим на реальность.

Развеселая компания по соседству поначалу оттягивалась в приемлемых рамках: кавалеры не спеша накачивались крепкими спиртными напитками, в основном вискарем, и усиленно работали над тарелками челюстями; девицы потягивали коктейли и в меру перед ними кривлялись.

Однако чуть позже те и другие отбросили ложный стыд и легко преодолели ненужные запреты.

Спустя какое-то время, может быть, часа через полтора-два, в течение которых Матвей и Диана находились на верху блаженства, соседей стало уже невозможно не замечать. Девки визжали, пацаны стегали их матерком, тащили на танцульки.

Персонал на глазах бледнел и покрывался испариной, но, в предвкушении легкой наживы или по другим причинам, неведомым остальной публике, исполнял свои обязанности рьяно и беспрекословно. Секьюрити как сквозь землю провалились.

Матвей сам видел, как один кадр из отвязной компании, делая очередной щедрый заказ, бесцеремонно пихал халдея в зад для ускорения. Этот же нетрезвый мосел, с усмешкой оглядывая окружающих, несколько раз утыкался мутными зрачками в Диану.

На эстраде была какая-то очередная заминка, когда он, оторвавшись от созерцания ее кулона и сережек и

немедленно переведя взгляд на Матвея, громогласно к нему обратился:

- Э, чувак, где такую лахудру надыбал?

Музыка молчала, и фраза в накуренном зале прозвучала весьма отчетливо.

Матвею будто плеснули в лицо кипятком. Всей кожей он почувствовал такой нестерпимый жар, что из глаз чуть не брызнули слезы. Он нервно обернулся к Диане – та сидела сжавшись как побитая собака – и, страшась собственного внезапно охрипшего голоса, скорее предложил, чем потребовал:

- А может, отойдем в сторонку?

Казалось, только это и было нужно обидчику. Он подскочил как на пружинах и в восторге взревел:

- Ништяк. Поканали!

Как они дошли до дверей туалета, Матвей почти не помнил – его охватил леденящий ужас. Какие-то предметы перемещались рядом, кто-то что-то бормотал, но он ощущал всем нутром, что помощи нет и ждать ее неоткуда.

В облицованном черной плиткой умывальнике противник схватил его за грудки и дыхнул кукурузной сивухой в лицо:

- Я тебя, падлу, по стенке размажу...

- А я чего? Я... Я не имел в виду ничего такого...

В тесное помещение ввалился еще один громила, и через секунду в его руках блеснула сталь.

- Коцаем его?

- Ребята! Я молчал! Не я первый начал...

Две широкие пьяные морды осклабились:

- Твое счастье, фрайерок, что мы здесь засвечены. А то пустили бы тебе трепуху наружу!

Матвей увидел перед лицом растопыренную пятерню, почувствовал резкий толчок, и вслед за тем в затылке полыхнула острая боль. Однако на ногах он устоял. Как сквозь вату слышались ему слаженное журчание струй,

довольное кряхтение. Потом хрипловатый голос насмешливо распорядился:

- Пока мы тут отливаем, у тебя в запасе три минуты, чтобы собрать манатки и слинять со своей ошипанной курицей. Усек, фуцан?

В ответ он покорно уронил голову.

- Да.

Будто на чужих ногах он вернулся в зал. Там, как ни в чем не бывало, наявивала музыка, возле крошечной эстрады толпились пары, за сдвинутыми столами продолжали гулеванить разбитные добры молодцы и девицы.

На своем месте сидела съезжившаяся Диана. Она посмотрела на бледного Матвея запавшими глазами и поняла все без слов: нужно уходить, и чем скорее, тем лучше.

Рядом как из-под земли вырос ухмыляющийся халдей.

- Вы уже уходите? Без десерта? – а пальцы уже суетливо мусолили блокнот на нужной странице. – С вас причитается...

Матвей даже не расслышал суммы, не стал проверять счет, а молча сунул четыре сотенных бумажки в цепкие руки и, пошатываясь, пошел к выходу...

По дороге домой в машине ему едва не сделалось дурно: мерное покачивание, крен на поворотах, а в затылке жжение, и перед глазами все то же – остро отточенное лезвие и потная растопыренная пятерня. Диана пыталась его подбодрить, молча теребя за локоть, пожимая безвольно лежавшие на коленях руки, но Матвей никак не реагировал. Словно в тяжелом сне он доставил ее до подъезда, чмокнул в спекшиеся губы. Стараясь не встречаться глазами, сухо пожелал спокойной ночи, проследил за тем, чтобы ссутулившаяся фигура исчезла в дверях парадного, - и тогда, как после толчка, очнулся.

Его глаза заблестели лихорадочным огнем, мышцы свела короткая судорога. Рассчитывал время, он бегло

взглянул на часы и отрывисто бросил водителю, как приказал:

- Давай, шеф, мухой до хаты. За красные светофоры плачу отдельно и вдвойне!

В квартиру он ворвался, весь сотрясаясь от возбуждения как в ознобе. Обрез, по обыкновению снаряженный волчьей картечью, лежал на привычном месте – в верхнем ящике письменного стола.

Матвей моментально опростал казенники, загнал в них патроны с разрывными пулями - жаканами. Без колебаний бросил в карман еще несколько. Так-то оно лучше будет!

Самое главное – не опоздать. Не опоздать – самое главное!

Он опрометью бросился вниз и через пару минут уже понукал другого водителя, нудно повторяя необходимый адрес.

Впрочем, ехал он не к «Золотой маске» – о безопасности ведь тоже надо было позаботиться, - а он уже рассуждал холодно, здраво.

Эти субчики все равно никуда из колеи выскочить не смогут, потому что наверняка зарядились оттягиваться до упора – до закрытия почтенного заведения. То есть до полуночи. А после еще куда-нибудь рванут – в казино или ночной клуб...

Значит, у него имелось в запасе время, чтобы добраться на колесах до соседнего с кабаком переулка. А оттуда пешочком, уже на своих двоих дотопать до места окончательного расчета.

Вот и чудненько.

Говорят, что мистер Беспредел тут за пахана?

Оно, конечно, вернее всего, так. Но этот живоглот замечателен тем, что отпускает каждому банковать, как вздумается. Только вот не дает стопроцентной гарантии, что на потные ручонки обязательно выпадет фишка покруче.

Матвей похолодел. А вдруг эти изверги, на которых он припас крутые заряды, уметутся раньше времени или под занавес затеют месилово, и наши терпеливые и привычные ко всему граждане рискнут кликнуть ментов?

Но он побыстрее отогнал прочь эту никчемную мыслишку. Если отморозки крутились среди постоянной клиентуры или хотя бы просто не однажды засветились в заведении (о чем они и сами кричали), то не с руки им было затевать бучу ... Кроме того, все мышцы уже гудели, руки чесались, а палец тянулся к спусковому крючку – организм функционировал в автономном режиме - значит, мишени находились где-то совсем неподалеку...

Переулочек был совершенно безлюдным; у тротуаров стыли немногочисленные автомобили без седоков. Вход в ресторан празднично освещался, и за стеклянными дверями маячили какие-то тени. К сожалению, опущенные шторы мешали разглядеть, что творилось за зеркальными окнами в зале.

Разумеется, не имело никакого смысла соваться в сам кабак. Но все же нужно было находиться очень близко, чтобы успеть раздать горячие призы до момента, когда первая подвернувшаяся тачка повлечет пьяную компанию в поисках новых приключений.

Матвей отодвинулся в широкую тень подъездной ниши и решил ждать здесь. Он уже совершенно овладел собой.

Унизительная ситуация, в которой он недавно побывал, не казалась теперь чересчур трагичной. Ну, сплоховал он слегка, когда оскорбили подружку публично (а ведь корчил из себя крутого!), ну, потом в укромном месте приставили к его горлу нож, и было их к тому же двое – кто при таком раскладе не скиксует? Очень запомнилось только палящее чувство слепого, почти животного страха, который пришлось испытать, увидев бликующее жало у подбородка. И это после того, как он уже приучился считать себя выше подобной ерунды. Выходит, заблуждался, переоценивал свои силенки? Но

ничего: совсем скоро накатит минутка, и он в ответку наведет два черных глаза на храбрецов. Как эти волки взвоят тогда?

Из дверей заведения вывалилась тепленькая компания. Матвей пересчитал по головам – шесть человек. А тех было четыре на четыре – значит, восемь. Однако он пригляделся: мало ли какие комбинации возникают в процессе пьянки. Кавалеры явно не тянули на обидчиков, хотя прикинуты были примерно в такие же штотки. Двое из них сразу отделились от группы и вышли на обочину ловить такси...

Ближе к закрытию клиенты повалили толпой, парами и по четверо – и были это опять-таки не те, кого ждал Матвей.

Все же ему не пришлось торчать в засаде до двенадцати часов. Без четверти у стеклянных дверей в фойе началась подозрительная толкотня, загремела пьяная ругань. Кто-то кого-то конкретно посылал, кто-то в ответ униженно бубнил извинения. Вот оно!

Матвей обнажил стволы, перекинул сумку за спину и весь подался вперед.

На крыльцо кабака выплыла изрядно веселенькая девица, за ней другая. Сзади за талии их поддерживал паренек, которого зафиксировала память, – он был наименее агрессивным из всех. Ну, значит, пора приниматься за дело.

Не таясь, Матвей пошел, держа обрез у ноги, собранный, спокойный, а навстречу уже спускались с невысоких ступенек восемь человек. Брели вразброд, не парами, одна из красавиц постоянно спотыкалась, швейцар на заднем плане запирает двери заведения, и в его резких движениях сквозила очевидная нервозность.

Матвей все рассчитал заранее. Первым лучше было завалить, и завалить наглухо, одного из тех, кто недавно толковал с ним в сортире под нежное журчание писсуаров. Но только не того, кто тянул растопыренную пятерню.

Нагловатого кадра, посмевшего сучить перед его носом ручонками, он желал оставить на потом: интересно же, как поведет себя крутизна перед черными зрачками судьбы... С остальными решил поступать, исходя из ситуации.

Девушка опять споткнулась и, не стесняясь в выражениях, понесла на кого-то:

- ...Твою мать, Гера, где машина? Кто говорил, что сейчас покатым в «Бомбей»?

Немедленно откликнулась другая:

- А там есть, где затихариться? А то у Антоши скоро башню от охотки сорвет...

- Есть, есть! Вставит тебе твой Антошка, не переживай, по самые помидоры...

Никем не замеченный Матвей подошел совсем близко, вскинул руку с обрезом и выстрелил.

Парень, которого он выбрал, рухнул как подкошенный, будто его перешибло огромной плетью. Асфальт вокруг расколовшейся, как орех, головы мгновенно стал мокро-багровым. И тут же вслед за выстрелом, как продолжение, завопило несколько молодых глоток.

Орали жутко и все сразу, - в первую секунду Матвей даже растерялся, никак не ожидая столь бурной реакции. Потом быстро очухался и в несколько прыжков догнал высокую широкоплечую фигуру, срубил ее подсечкой.

Чуть в стороне слышались удалявшиеся шаги, бессвязные выкрики. Громила лежал навзничь, инстинктивно защищаясь от наставленного на него обреза, прикрывал разбитую физиономию рукой и тихонько поскуливал:

- Не стреляй! Не стреляй!

У Матвея сразу пропала вся злость.

- Вот ты, значит, как, гад! Быстро падай на четыре кости! – подождал, когда тот со слезливым выражением торопливо станет на колени, отступил на шаг и скрутил вбок козырек бейсболки. – Узнаешь, волчара?

- Ах ты ж!...

Но, готовый ко всяким неожиданностям, Матвей не позволил ему подняться на ноги: тяжелая свинцовая пуля смяла стремительный прыжок вперед.

2.

Плешивый плохонько одетый преподаватель что-то нудно талдычил, переминаясь с ноги на ногу у исчерпанной мелом доски, - Алла все пропускала мимо ушей.

Ее мысли были далеки от учебного процесса. Сегодня утром, как всегда покопавшись в бельевом шкафу, она не обнаружила на обычном месте пистолета! Не было его и в ближайших потайных местах, куда она тотчас кинулась с поисками. Что это означало? Что какая-то неведомая опасность подступила совсем близко?

Как-то, не очень давно, размышляя на подобные темы, она твердо решила для себя, что если со своего места исчезнет этот страшный черный тяжелый предмет, нужно будет крепко задуматься над происходящим и делать соответствующие, очень прагматичные выводы. И вот теперь этот момент наступил. К кому можно обратиться за дельным советом, за помощью?

Только не к маме, которая еще несколько дней назад настойчиво советовала ей терпеть. А расскажи ей про пистолет и его исчезновение, так вообще схватится за сердце, бросится в другую крайность. Увы, как теперь выясняется, у этих старичков сложилось полное непонимание суровой действительности!

Пошептать с соседками, сидящими рядышком на студенческой скамье? Но за немалое в общем-то время учебы в институте она так и не обзавелась задушевными подружками, с которыми можно было бы перекинуться теплым словом и которым с легким сердцем можно было бы поплакаться в жилетку в тягостную минуту. Всё у них дамы на курсе чего-то делили – парней ли, или чего-то по

мелочи, - что-то примеряли, всё кому-то завидовали. Вот и ее недавно в как будто бы непринужденном и милом общем разговоре о жизни какой завистью опалили!

- ...Тебе-то, Сыроедова, что! Ты вон в каких шмотках ходишь, какие побрякушки таскаешь и задницу свою возишь на беленьком «ягуаре»!

Да, в глазах многих однокурсниц она выглядела куда как удачливой. Подцепить такого зажиточного мужика! Да при всем том не старика, не ханурика, а молодого высокого стройного красавца-брюнета! Честное слово, здесь есть чему позавидовать!

Конечно, она сама виновата – все уши девкам прожужжала про своего Гришеньку, - он и внимательный, и ласковый, и щедрый. Однокурсницы не успели еще его лицезреть, если только кто издали и случайно, – но у зависти глаза велики. Так что выставляться теперь со своими проблемами в этой честной компании как-то совестно – народ не так поймет, подумает: «Опять эта противная Сыроедова выкаблучивается!»

Остается только Катька. Верная школьная подруга. Именно от нее ехала Алла, когда повстречался ей на пути роскошный «ягуар»...

Алла вдруг обнаружила, что вся аудитория почему-то с ехидством уставилась на нее. Потом до ее сознания донеслась, видимо, уже не первая юморная реплика плешивого препода:

- Сыроедова, не спи, замерзнешь!

Не обращая внимания на торжествующий гогот, донесшийся со всех сторон, она сухо парировала:

- Вряд ли. Ведь на улице еще только начало осени, любезный Василь Макарыч.

- Ну тогда, отоспишь все тяжким трудом накопленные знания по предмету.

И опять студиизы вокруг шумно развеселились.

Алла стиснула зубы: «Нет, здесь ни в коем случае нельзя вытаскивать наружу свои проблемы, особенно

личные, – товарищи по вузовской парте первыми наваятся, загрызут, захлебнутся от искренней радости».

Так вот, Катьке-то как раз она меньше всех надоедала со своим новым кавалером. Может быть, потому, что та еще с молодых ногтей и недалекой легкомысленной юности относилась к этим вещам по-особому. Как по-особому? Серьезней, что ли? Алла не могла теперь объяснить себе коротко, а времени и охоты разбирать не было. Одно она точно знала – Катерина могла присоветовать реальный выход из создавшейся ситуации, - и совет этот в значительной степени окажется искренним, без подвоха и посторонних помыслов.

В коридоре хрипло пророкотал звонок, сигнализируя об окончании последней пары. Вся молодежь бурно сорвалась с мест, не слушая напутственных слов Василия Макаровича.

Собралась и Алла, вышла в полутемный гулкой коридор и не спеша направилась к лифтам. С обеих сторон на нее смотрело несколько пар любопытных глаз.

- Что, Аллочка, какие-то проблемы?

Это засунулась с вопросом Машка Переоридорога, румяньенькая коротконогая пампушечка, первая на курсе сплетница и завистница.

Алла собрала в кулак все силы и с легкой улыбочкой зачастила в ответ:

- Нет, Машенька, спасибо за участие! Целую пару вот прокемарила в сладких грезах, вспоминала прошлую бурную ночь... А у тебя с Андрюшенькой как? Все играете в молчанку, все никак не договоритесь?

Машка перекосилась лицом, что-то злобно прошипела и отвалила куда-то вбок.

«Так-то, толстомясая сучка, не суй свой курносый нос куда не просят!»

После этой маленькой пикировки у Аллы чуть-чуть прибавилось настроения. Внизу, в холле, она отошла в укромный уголок и набрала заветный номер телефона.

- Катенька очень нужно пошептаться... срочно... да... Что? Работы сейчас много, не можешь надолго отойти?.. Ну, так я к тебе подъеду на тачке... скоро... Ладненко? Вот и славно, до встречи, моя дорогая...

На улицу Алла вышла внутренне собранная: чтобы напоследок устать всех подлых завистниц, совершенно необходимо было со спокойным видом остановить машину, лучше новую солидную иномарку, причем сделать это незаметно, быстро, и сесть в нее, как в специально подъехавшую. Вот тогда бы она красиво отвалила от этого гадюшника!

Покачиваясь от бедра, сногшибательной походкой топ-модели Алла подошла к бровке (как назло сегодня напялила брючный костюм!) и сейчас же заметила стремительно приближающуюся «тойоту-лендкрузер».

Темно-вишневый с иголки джип был великолепен, сверкал ослепительным хромом «кенгурятника», обводкой фар и радиаторной решетки. Черт возьми, только бы в нем не оказалось пассажиров!

Алла довольно неуверенно и невысоко, чтобы не было видно со стороны, подняла руку и в ту же секунду обворожительно улыбнулась – у иномарки, прямо как по мановению волшебной палочки, включился правый поворотник.

Когда «тойота» бесшумно остановилась рядом, ей стало немного не по себе, но, глядя в слепое зеркально тонированное стекло, она щелкнула замком и упрямо потянула дверцу на себя.

Внутри оказалось свежо, наверное, работал кондиционер, и слегка пахло ароматным дымом дорогих сигарет; на нее смотрело симпатичное, холеное и доброжелательное лицо. Без всякой паузы, не вымолвив ни слова, Алла ступила на подножку и не шибко смело забралась на сиденье. Только тогда, уставившись на крышку перчаточного ящика, смогла тихо произнести:

- Поехали.

Коротко стриженный парень, сидевший за рулем, ничего не ответил. Джип плавно тронулся с места, и еще мимолетным виденьем за плечом мелькнули у парадного входа в толпе обесцвеченные перекистью патлы Переоридороги...

Молчали минуты полторы: Алла переводила дух от собственной наглости, водитель вставлял в проигрыватель новый компакт-диск, и что-то у него там не получалось. Потом, наконец, она услышала плавную слащавую мелодию и рядом вежливый голос:

- А вы отчаянная девушка. Садитесь в машину, даже не поинтересовавшись...

Но Алла уже пришла себя. Удобно устроившись на сидении, она непринужденно повернула голову, чтобы внимательно рассмотреть своего спасителя, легко вступила в диалог:

- Нужно было от подружек сбежать.

- Что, достали?

- Еще как!

Парень улыбнулся.

- Что же вы не поделили?

«Симпатичная ухмылочка, - машинально отметила про себя Алла. – А он очень даже ничего! Молодой... Пожалуй, даже моложе Гриши, обаятельный... Интересно, эта навороченная тачка его? Надо попытаться выведать...»

Ответила вопросом на вопрос:

- Что мне с ними делить?

- Не знаю. Девчонки вечно между собой что-то делают. Или я не прав?

- Это точно.

«И назвал-то как – девчонки... Не девочки, не девки, не бабы, не женский пол, а девчонки!»

- Куда мы едем?

Алла чувствовала себя совершенно в своей тарелке, начала обычную игру:

- Ой, если вас не затруднит, на Профсоюзную улицу.

- Отчего же затруднит? Если уж вы сели... - потом, помолчав, решил осторожно спросить. - Я вас забрал от института... Учитесь там?

- Учусь.

- Конечно, на экономиста или юриста?

- Угадали, на экономиста.

- Хорошая профессия, высокооплачиваемая. И потом вам подойдет... С вашей внешностью... Украсите финансовый отдел какой-нибудь крупной корпорации.

«Романтик?»

- Вы думаете?

- Просто уверен.

- Вашими бы устами да мед пить!

Алла покопалась в сумочке и извлекла на свет пачку фасонистых сигарет. По мелочам в салоне она никак не могла определить, кто этот вежливый молодой человек – владелец машины или только шофер? Одет-то вроде прилично... А совсем неплохо было бы...

- Курить можно?

- Да, да, конечно!

Перед кончиком ее сигареты услужливо возникла рука с одноразовой китайской зажигалкой. От неожиданности Алла слегка отпрянула, но потом как ни в чем не бывало затянулась ароматным дымом. Доконал ее через минуту звонок по мобильному телефону. Парень сначала долго и молча кого-то выслушивал в трубке, потом лаконично ответил, кивнув стриженной головой:

- Все понял, шеф! Буду там тютелька в тютельку!

«Ха, ше-е-еф! Значит, сами мы в шестерках бегаем?»

Алла цыкнула зубом и, ни о чем уже не заботясь, стряхнула пепел себе под ноги...

На Профсоюзной, возле Катиной службы, куда они подъехали спустя какие-то считанные минуты, она больше для виду покопалась в сумочке и начала медленно выбираться из машины.

- Ну, что, мы еще встретимся, прекрасная незнакомка?

Алла уже стояла на асфальте возле открытой дверцы.

- Пожалуй, да.

- Тогда ваше имя?

- Аня.

- Очень приятно, Анна! А меня зовут Григорий.

«Пф-ф-ф!»

Она протараторила первый пришедший в голову телефонный номер и захлопнула дверцу. Алла слышала, что парень пытался еще что-то спросить из закрытого салона, но ей это было уже неинтересно.

За спиной мягко зашуршали шины отъезжавшей «тойоты».

«Адю, мон шер!.. Вот дурачок, даже денег не взял».

В светлом просторном холле с зеркалами и мягкой мебелью ее поджидала подруга.

- Ничего себе, на каких машинах вы ездите! Кто это? Не разглядела за тонированным стеклом...

- Да так. Кадр один мечтал клинья подбить. Только мечтать не вредно.

- Ты, как всегда, в окружении кавалеров.

- Да уж, как всегда.

- Извини, Аллочка, сейчас у меня времени не так много - служебные хлопоты. Поэтому могу уделить тебе не больше двадцати минут... Но, если хочешь, мы продолжим вечером...

- Да ничего страшного. Проблемка из таких, что всё вроде бы на поверхности... Да... Но появились новые нюансы, и я хотела выслушать твое мнение.

- Хорошо. Пойдем, сядем на тот диванчик, и ты со мной поделишься.

Они поместились на кожаном диване рядом с разлапистой декоративной пальмой. Невдалеке на полированном столе среди живой зелени журчал миниатюрный фонтанчик.

- А у вас тут очень мило!

- Ага, только зарплату не спешат повышать. Но ты, пожалуйста, не отвлекайся, ведь время идет.

- Да... Видишь ли... Ты, конечно, в курсе, что мой Гриша занимается всякими там коммерческими оборотами. «Решает вопросы», - как он сам выражается...

- И, замечу, успешно решает, раз возит тебя на роскошной иномарке и упаковал с ног до головы.

- В том-то все и дело, Катя! Похоже, в последнее время дела у него идут из рук вон плохо. Он мне, естественно, ничего не говорит. Но является домой теперь всегда злой, раздражается по каждому пустяку, хамит даже, чего раньше себе никогда не позволял, напился недавно до чертиков...

- Хорошенькая новость! А мне казалось, у вас в доме тишь, гладь да божья благодать. Ты ведь сама мне как-то рассказывала.

- Рассказывать рассказывала - так оно и было все эти месяцы. А сейчас...

- Послушай, но неужели ты, пусть и приблизительно, в самых общих чертах, не наблюдаешь текущую ситуацию? Не поверю! Это же первое правило совместного житья, это же элементарно...

- Да уж, элементарно! Гриша очень скрытный. Я, конечно, не полная дурочка, кое-что высмотрела, кое-что вынюхала. По-моему, он влез в крупные долги, в очень крупные. И ждать обратно денег те, кто ему дал, много времени не собираются. Вот что.

- Ой, Аллочка, тогда я тебе не завидую. Знаешь, какие у них там, в коммерческом мире, законы?!

Алла помрачнела.

- Представляю.

- Да нет, наверное, не очень представляешь. Я недавно передачу смотрела, не помню, правда, по какому телеканалу. Так там одного коммерсанта черножопые из-за долга терроризировали. И он вынужден был жену-

красавицу отдать им в аренду, чтобы взамен получить отсрочку...

- Да что ты! Кошмар!

- Вот именно. И, главное, деньги потом с него кавказцы все равно содрали.

- Ужас какой!

- Не то слово, не то слово.

- А я как раз хотела тебе сказать, что у моего-то пистолет был спрятан в шкафу...

- Да что ты?!

- Ага, с полной обоймой, я проверяла. Все время там лежал, а сегодня утром исчез.

- Значит, назревает какая-то пакость, Алла! Как бы чего не случилось непоправимого...

- Катенька, не пугай меня!

- Аллочка, мне кажется, тебе нужно серьезно все взвесить. А лучше... Не знаю... Лучшим вариантом, наверное, будет все же на время Григория оставить.

- Да уж я подумывала об этом. Но ведь он меня никуда от себя не отпустит.

- Как это не отпустит?

- Очень просто! Ты не знаешь его характера – он прямо бешеным становится, когда что-нибудь выходит не так, как он рассчитал. А тут такой облом.

- А ты скажи, что это временно, на короткий срок. Сошлись, в конце концов, на какую-нибудь несуществующую вескую причину. Ну, что мама очень заболела и за ней нужно ухаживать или что-то в этом роде...

- Ты его не знаешь, он ничему и ни за что не поверит! Да и маму вводить в курс дела, чтобы все натурально обыграть, мягко говоря, не хотелось бы по многим причинам.

- Значит, подруга, тебе нужно на какой-то срок просто исчезнуть из его поля зрения. Другого выхода не вижу...

- Хм! И как ты себе это представляешь?

- Ну, например, укрыться где-нибудь. Но не у мамы дома, а где-то еще. Можешь пожить немного у меня.

- Да, неплохой планчик. Спасибо тебе, конечно, за поддержку. Но твой телефон он знает и, соответственно, адрес вычислит быстро - тогда уж нам обеим не поздоровится... Кстати, с него станется и средь бела дня у института меня отловить!

- Да, ничего себе положеньице... Тогда, может, стоит обратиться к Матвею? А на учебу пока не ходить – семестр ведь еще только начался...

- Ха-ха. Этот вариант попикантней! Матвеевых координат у Гриши, естественно, нет, хотя о нем я тоже кое-что успела наболтать. Но ты думаешь, Матвей после всего захочет со мной общаться?

- Да брось ты, Алка! С твоими-то данными и быть неуверенной? Ты ж всегда крутила им, как хотела!

- Это-то, конечно, правда твоя. Но не каждый парень проглотит такую обиду.

- Матвей проглотит. Требуется только с умом к нему подкатиться. Впрочем, не мне тебя учить.

- Хорошо. Поводим краткие итоги. Ты считаешь, значит, что мне нужно уносить от Гришеньки ноги?

- Похоже на то.

- Признаться, я также рассуждала. И с Матвеем тоже...

- Вот видишь, какие мы с тобой подружки: мыслим абсолютно идентично... Ладно, мне уже пора идти, а ты не откладывай дела в долгий ящик, мало ли когда могут наступить... м-м... нежелательные последствия.

- Да, да, медлить здесь – значит, искать себе проблем на одно место. Я и ехала-то к тебе днем с таким расчетом, чтобы в случае чего к вечеру, к приходу Гриши, успеть собраться.

- Смотри по ситуации. Может, стоит денек-другой еще повременить: рассчитать окончательный вариант, подготовить запасной аэродром. В любом случае

обязательно отзвони и сообщи, как все обошлось... Все. Целую. Пока.

3.

Ну, ничего, ничего. Все устаканится, все будет пучком. Самое главное, основные расклады лежат на руках. Как говорится, снос определился – игрок развеселился. Наскребем ментам десять косарей, выручим товар. А тем временем под займем бабок, чтобы расквитаться с Белым... Водку в темпе отчистим и выкинем на прилавки – вот концы и сойдутся!

Гриша даже потерял руки от удовольствия: не так страшен черт, как эти поганые волки. Только вот где добыть восемьдесят тысяч?

Лариса Ивановна, которая числилась в его полумифическом «Фениксе-О» гендиректором и периодически подключалась к бухгалтерским проблемам, что-то там накумекала. Как будто можно взять банковский кредит под божеские проценты. Естественно, не все так просто, естественно, кому-то нужно будет сделать откат. Ну, тут уж выбирать не из чего – на безрыбье, как говорится, и сам раком встанешь. С самого начала надо было идти этой дорожкой, а он по старинке обратился к браткам, с которыми когда-то, правда, не один фунт соли схавал.

Гриша свернул с оживленной улицы во дворы. Где-то рядом, в пристройке какой-то полудействующей резиновой фабрики, должен был находиться офис одной из фирм, где в поте лица трудилась уважаемая Лариса Ивановна.

С этой разворотливой бабенкой его свела судьба несколько месяцев назад, и, честно сказать, повода для непоняток с ней никогда не возникало.

Вот она, гондонная фабрика, а вот и скромненький побеленный флигелек без вывески с забранными в толстые

решетки окнами, где творятся темные и, изредка, не совсем темные дела.

Гриша поставил свой «ягуар» возле самого крыльца, рядом с ярко-красным «ауди» Ларисы, и прошел к солидной металлической двери с видеоглазком.

Охранник, открывший после первого же звонка, паренек так себе, не фактуристый, оставил его в небольшом холле, а сам пошел узнавать, какие будут распоряжения.

Гриша ухмыльнулся про себя: «Во тетка пыль в глаза пускает! Чего там валандаться, если он звонил по мобильному пятнадцать минут назад?!» Но он постарался отделаться от раздражения: кто его знает, баба деловая – может, оно так и надо...

В просторном помещении за столом, сплошь заваленном бумагами, его встретила Лариса Ивановна, ухоженная, умело подкрашенная дама, вся в золотых серьгах, кольцах, браслетах. На экране включенного монитора Гриша заметил длинные столбцы цифр.

- Ну, здравствуй, Гришенька!

- Здравствуй, Лариса Ивановна, - разница в возрасте у них была около двадцати лет, и он иногда невольно сбивался на имя-отчество.

- Перейдем сразу к делу – времени у нас не особенно много. Я уже в общих чертах сообщила тебе о схеме, но по телефону болтать лишнее, сам знаешь, не стоит.

- Да.

- Кредит на полгода и под небольшие проценты. Оформляется на другую фирму, так как «Фениксу-О» никто денег не даст. Кстати, всегда хотела тебя спросить, что это за «О» такое на конце?

Гриша скривил рот.

- На конце? Это не «О» и не очко на конце, Лариса Ивановна. Это дырка от бублика.

- Ясно. Вот поэтому часть денег придется откатить фирмачам, на которых будет всё оформляться.

- По бабкам это сколько, Лариса?
- Ты же просил восемьдесят?
- Точно.
- Ну, так вот: кредит – восемьдесят, процентов с них – пятнадцать, и посредникам еще – восемь. По-моему, побожески...
- Постой-постой, значит, в общей сложности я должен буду отстегнуть двадцать три процента? То есть около двадцати штук баксов?
- А что тебя не устраивает? Это неплохие условия за полгода, уверяю тебя. Будет время подумать о том, как спасти товар.
- Да, наверное. По срокам когда все это ждать?
- Пока оформят бумаги, пока то-се, думаю, дней через десять, двенадцать.
- Гриша не смог сдержаться.
- Через сколько?
- Теперь рассердилась Лариса Ивановна.
- Ты что, не дослышишь? Через десять дней, максимум, через две недели. А раньше никак.
- Однако Гриша уже овладел собой.
- Все понятно. Все чики-пики, Ларисочка. Но у меня тогда к тебе будет еще один вопросик.
- Чего?
- Нужны пять штук срочно и ненадолго.
- Куда, если не секрет?
- Менты требуют за волокиту по экспертизе документов...
- Вот! Говорили тебе, не связывайся с откровенной липой, наживешь себе геморрой!
- Не суть, пропиваем больше! Судачить будем потом ... Я уже почти договорился с мусорами насчет того, чтобы похерить все дело. А там и товар из-под запрета выкатим.
- Эх, Гриша, бедовый ты парень!
- Нужна пятерка, кровь из носу, я скоро верну.
- А где я тебе ее возьму?

- Ну уж тебе ли приbedняться?

- Не знаю, не знаю... Пока свободных денег нет. Попытаюсь достать, конечно, но не обещаю быстро...

- Надо срочно, иначе – кирдык.

- Я подумую...

Темный, почерневший от недавнего дождя асфальт мчался под колеса, а Гриша все цедил навязшие в зубах слова: «Денег у них нет! Денег нет... Голыми прикидываются, а сами с ног до головы обвешаны в рыжье и на крутых тачках раскатывают...»

Уже ждал его на тенистом бульваре нетерпеливый следак. И ближайшей заморочкой было - постараться обстряпать все так, чтобы уйти пока за пятерку, имея в виду уговор по максимуму. То есть, говоря обычным языком, посулить алчному менту аванс в пять тысяч вечнозеленых банкнот и взамен добиться от него каких-то реальных гарантий по скорому свертыванию грязной возни вокруг халтурно слепленных платежных поручений. Вот так. А дальше видно будет. Но откуда вытащить пятерку косарей, если все вокруг мигом бросились рядиться в нищих?

После бешеной езды мостовая под ногами казалась какой-то зыбкой, непрочной. Или это опять пошаливали нервишки?

Гриша прошел мимо угрюмого черного мужика на высоком каменном постаменте и ступил за ограду бульвара. На скамейках главной аллеи, несмотря на недавний дождь, кучковалось приличное количество народу. Но следака, который забивал стрелку, среди них явно не наблюдалось. Что за подянка? Только через пяток секунд, пристальной пошарив глазами по сторонам, Гриша обнаружил кого-то похожего. Мужичок сидел себе в сторонке, почти полностью скрытый стволом толстого дерева и кустами. Значит, все-таки боится мусорок, не так уж весело себя ощущает?

Неторопливым шагом Гриша приблизился к скамейке. Илья Степанович смотрел на него внимательным взглядом.

- Приветствую, - открытая ладонь небрежно указала на соседнее место, предупредительно застеленное пластиковым пакетом.

- Взаимно, - Гриша присел на краешек.

- Хочу начать с более или менее обнадеживающей новости: вопрос о возбуждении уголовного дела пока снова отложен. Значит, у нас есть время для маневра...

- Это постарались вы или?..

- Скажем так – есть в этом изрядная доля и моих собственных усилий.

- Я, конечно, не могу быть в курсе всех ваших заморочек, но, в откровенку, сумма в десять тонн баксов меня чересчур напрягает.

- Вот именно, что вы не можете знать обо всех трудностях! А то бы не говорили о деньгах.

- При любом раскладе, десять кусков – приличные бабки. За них реально пятерых отправить на небеса!

- Скорее всего, и так. Но в нашем, а вернее, в вашем случае это вряд ли поможет делу... И потом, не забывайте, вы ведь получаете обратно весь свой товар.

- Об этом я помню, помню! Сколько по времени нужно, чтобы уболтать такую кирзуху¹? Когда в реале я смогу забрать со складов пошло?

- Ну, по прикидкам, недели две уйдет на разные согласования... Значит, дней через двадцать...

- Во бля! Вы тут поете сладкие песни, червонец с меня рвете махом, а товар конкретно откидываете почти через месяц. Что-то не шибко-то складно, уважаемый!

- Ладушки. Есть еще один, более скорый вариант: как только проходит решение об отказе – примерно через недельку – товар исчезает в неизвестном направлении...

- Это как так?!

---

¹ Кирзуха (мол. жрр.) – нелепая, ненормальная ситуация.

- Очень просто. Даю отмашку, и водку можно будет без проблем вывезти под чистую.

- А меня за это не того, не поволокут по вторяку?

- Никто и пальцем не пошевелинет, уверяю. Ведь нужное решение уже будет принято.

- Все равно как-то стремновато. Мало ли кто у вас там чем заправляет, а?

- Короче, я что-то не пойму, Григорий Викторыч... Вы уходите в отказ?

- Нет!

- Тогда что?

- Скиньте цену.

- Никак невозможно! Я же объяснял, что вы просто не в курсе всех заморочек: слишком много ртов.

- Давайте тогда разобьем бабки.

- Это как?

- Даю вам сразу пять и пять потом.

- Не-е, не пойдет.

- Почему? Скажем, первую пятерочку я подгоняю завтра-послезавтра, а когда через неделю вы мне предъявляете официальный отказник по делу, досылаю вторую. Ну, что, по рукам, что ли?

Следак задумался на секунду.

- Сначала семь, потом три.

- Побойтесь черта! Я все равно у вас в кармане со всеми потрохами. Не подгоню вторую половину, блокируете товар, вы на это мастаки... Ну, что, Илья Степаныч, идет?

- Идет.

- То-то же!..

Тихо радуясь про себя, Гриша успел отойти от скамейки всего на несколько десятков шагов, когда почувствовал в кармане виброзвонок мобильного. Вместо цифр на табло высветилось: «номер закрыт», и он нажал кнопку начала разговора. В трубке звучал голос Белого:

- Привет, братан! Какой расклад?

- Решаю вопросы.
- Ну и?..
- Пока нет.
- Дело твое, счетчик пошел. Десять процентов в день.
- Но это грабиловка, Белый!!!
- Ты знаешь, Гриша, мой тебе совет: верни бабки. И чем скорей, тем лучше...

4.

А ведь неплохо слепилось на сей раз. И что самое важное, - а это больше всего грело, – он вел себя достаточно хладнокровно там, в полуночном переулке. Потому для Матвея теперь не составляло труда вспоминать разборку в мельчайших подробностях, смакуя особенно яркие детали.

Как скулил, стоя на четвереньках, тот волк тряпочный! Как он дернулся в своем последнем прыжке!

Он успел только привскочить – пуля угодила прямо в рот, раздробив зубы и, пройдя препятствие насквозь, порвала раскрывшимися свинцовыми лепестками тыльную часть шеи. Однако парнишка оказался поразительно живучим: те несколько секунд, что Матвей находился рядом, тело еще содрогалось в мелких конвульсиях, как будто по нему тек мощный электрический разряд, и каблуки модных ботинок тихо шоркали о мостовую.

Агонию он досматривать не стал: слишком опасно было оставаться на месте. Быстрым шагом дошел до ближайшего угла и свернул в переулок, аккуратно уложив на ходу в сбившуюся на бок сумку обрез и бейсболку. Поймать машину было делом плевым...

На следующий день это событие мелькало в новостях и во всех криминальных хрониках. По обыкновению журналистская братия оживилась, по-всякому пережевывая свеженькое событие: «Еще одно дерзкое убийство в самом центре столицы!», «Криминальный мир несет боевые

потери!», «Что это? Передел сфер влияния? Новая гангстерская война?»

Почти захлебываясь в экстазе, наперебой и яркими красками живописали зубастые акулы микрофона и пералобное место расправы, и с вежливыми улыбочками отпускали едкие реплики в адрес хмурых стражей порядка...

Матвей смотрел на пестрые, быстро сменяющие одна другую картинки, мало-помалу отдаляясь от них, уходя в себя, и не было уже той перехлестывающей через край радости, какую он испытал у экрана в самый первый раз. Теперь, с каким-то даже оттенком разочарования, думалось, что ему сравнительно легко удалось войти в обстоятельства, предложенные жизнью и самим собой. Шесть трупов уже на счету! Или семь, если охранник помер? И это далеко не предел, коль голова все больше идет кругом, в груди жжет, а пальцы сами сжимаются, в нетерпении ощупывая вороненую сталь стволов.

Он встрепенулся. А ведь за все эти дни Диана ни разу не позвонила ему. Значит, эпизод в ресторане все-таки заключал в себе негативные последствия помимо тех, что он сам задумал и осуществил поздно вечером?

Матвей подошел к телефонному аппарату и сел напротив него. Телефон молчал. Что он хотел, что ждал от этой убогой пластиковой коробки с набором нелепых кнопок?

Или все же перебороть себя, ненужную свою дурацкую спесь, и позвонить самому? Но что он скажет, как начнет разговор? Как ни в чем не бывало? «Здравствуй, милая, это я? Почему не слышу вашего бодрого голоса и благодарностей по поводу на три четверти приятно проведенного дорогостоящего вечера?..» И, рассуждая по справедливости, разве это он виноват, что тухлая концовочка испоганила всё? Что эти самонадеянные пьяные скоты, хамьё, дубины стоекосовые, успокоившиеся-таки под выстрелами на холодном

асфальте, сами всегда паскудно жили и из последних сил паскудили жизнь другим?

Взгляд Матвея бесцельно бродил между телефоном и начищенным до блеска обрезом, лежавшем навзничь неподалеку на стопке пестрых журналов.

Он так и раздумывал бы дальше, и неизвестно чем закончилось бы это сидение, но яростный и, как казалось, пронзительный звонок раздался в обволакивающей тишине квартиры, вывел его из оцепенения. Не веря своим ушам, Матвей даже вздрогнул и только после продолжительной паузы потянул руку к трубке.

- Вас слушают.

- Привет!

В последующие несколько секунд комната поплыла перед глазами, в голове что-то обрушилось, и где-то далеко возникло вроде бы полузабытое, но все-таки дорогое еще лицо. Он смог только еле слышно выдохнуть:

- Ты??

- Я. Как поживаешь?

- Неплохо, неплохо. А ты? Мама сообщила, что ты нашла себе достойную партию...

- Ой, я тебя умоляю! Сам-то, небось, недолго убивался?

- Какая тебе разница? – Матвею хотелось придать голосу максимум безразличия, но вместо этого, неожиданно для него самого, встречный вопрос прозвучал с горечью.

Алла мгновенно уловила ее.

- А я все вспоминаю, как мы с тобой познакомились...

- Зачем?

- Не знаю... Помнишь, как ты смешно вклинился на танцуйках между мной и Иннокентием? На той суматошной вечеринке?

- Конечно... Я всегда был для тебя смешным!

- Господи! Я ведь совсем не о том. Не о том что-то мы начали говорить.

- А о чем нам с тобой говорить?
- Ну, все-таки осталось что-то хорошее, правда?
- Может быть.
- Конечно, я не очень порядочно поступила тогда...
- С чего это тебя потянуло на самокритику? Это на тебя совсем не похоже.

- Нет, просто со временем начинаешь по-другому смотреть на некоторые свои поступки, понимать начинаешь...

- Ой, Алла, я тебя прошу!

«Назвал по имени! И голос почти стонущий...»

- Я ничего, ничего. Просто на поверку оказывается, что жизнь порой не такая уж ясная штука...

- Философствуешь?

- Зря ты ехидничаешь... А у тебя никогда не было ошибок? Тебе никогда не хотелось что-то после поправить?

- Нет!!!

- А мне бы хотелось...

- Чего же?

- Я чувствую, Матвей, ты не настроен сейчас на разговор, ошетинился весь, язвись без конца... У тебя какие-то сложности?

- У меня?? Совершенно никаких! А у тебя?

- И у меня тоже.

- Ну, вот и чудненько. На этом можем нашу приятную беседу завершить?

- Как знаешь...

- Пока.

Матвей торопливо опустил трубку на рычаг и тупо уставился в угол. Что значит: «хотелось бы что-то поправить» и «язвись без конца»? В любом случае, милая, язвлю я все-таки с концом.

Намеренно не давая себе опомниться, он набрал номер библиотеки и с гулко бьющимся сердцем замер в ожидании.

К счастью, трубку сняла Диана.

- Здравствуй! Чего не звонишь?

- Здравствуй. Работы много. Готовимся к конференции библиотечных работников.

- Ну, это серьезная причина. А как насчет вечера?

- А что насчет вечера?

- Встретиться.

- Не знаю, наверное, можно...

- Не знаю? Наверное?

- А что тебя удивляет?

Матвея как будто обдали ушатом холодной воды.

- Вообще-то ничего. Сегодня я могу подъехать к окончанию службы?

- Подъезжай, - а голос опять никакой, стертый.

Не прощаясь, он нажал на кнопку отбоя. Вот это да. Вот это штучки. Одна, три месяца как пропащая, вдруг выплывает из тумана и проникновенным голосом говорит загадочные фразы, оставляя после каждой троеточия, другая... Кусок льда, наверное, показался бы нагретым утюгом в сравнении с другой!

До вечера он еле дотянул; убивая время, пришлось выпить несколько бутылок пива, таращась при этом в неприятно яркий, мельтешащий экран телевизора.

Ближе к девяти, когда Матвей уже стоял у библиотеки, принялся накрапывать нудный осенний дождь. Диана вышла, склонив голову, и молча взяла его под руку – ту, что сжимала раскрытый зонт.

- В какую сторону идем?

Она вскинула на него ничего не выражавшие глаза.

- К трамваю.

- Что с тобой случилось?

- А что?

- Ты как будто неживая какая-то!

Она усмехнулась.

- Очень даже живая.

- Тебя так шокировал тот вечер?

- Нет, совсем нет. Вечер был чудесный. Если бы не тот конфликт под занавес, так вообще...

- А что тогда?

- Знаешь, Матвей, я, как некоторые, не умею юлить, врать, примерять разные личины. Поэтому хочу сказать тебе все сразу и начистоту. Можно?

- Отчего же нет?

- Ты хороший, симпатичный парень. Но... Понимаешь, как мне лучше выразиться?

- Наверное, как есть.

Его спутница еще ниже склонила голову.

- У тебя слишком много нерешенных проблем в жизни. Опять же нет твердой основы, высокооплачиваемой работы... Да, с тобой хорошо, да ты щедрый. Но, к сожалению, у меня нет времени на пробы и ошибки, - мне уже скоро двадцать девять стукнет. Так что ты даже по возрасту не подходишь...

- А что ж ты раньше этого не говорила?

- Ха! Я привыкла брать от каждого понемножку. Если б сказала сразу, не было б тогда и плясок в ресторане.

- Спасибо за откровенность! Меня всегда поражала твоя уникальная способность объяснить все вещи простыми и доходчивыми словами.

- А что ж.

- Но мы все-таки, несмотря ни на что, ведь можем продолжать наши встречи, походы по интересным местам. И потом, в сексуальном плане мы друг другу очень подходим, не так ли?

- Ой, все вы, мужики, на один лад скроены! Да, если хочешь знать, для меня это не так уж и важно. Женщине важнее надежная опора, крепкое плечо. Чтобы можно было по жизни смело идти, опять же, детьми обзаводиться...

- Хорошо, я подыщу себе престижную работу и все буду делать, как ты говоришь.

- Нет, Матвей! Я чувствую, что ты по жизни нерешительный, нерасторопный человек. Вот ведь

мобильника даже не имеешь, хотя их уже школьники с собой носят ... Да и с удачей, как видно, у тебя нелады. Сам ведь говорил, что попал недавно в тяжелую автоаварию... А потом, в ресторане хулиганы пристали именно к тебе, а не кому другому... Нет, Матвей.

- Ну, ты, молодчина, не прибавить - не отнять, все разложила по полочкам, все заметила, все взвесила!

Диана поморщилась.

- Давай обойдемся без громких слов.

Они уже приближались к трамвайной остановке.

- Значит, ляmur пердю?

- Чего?

- Любовь прошла?

Диана смотрела куда-то в сторону, на надвигающийся с грохотом трамвай.

- Ага.

Тогда, остро чувствуя, что истекают последние секунды общения, Матвей крепко взял ее за локоть и проговорил с расстановкой, приблизив к ней ожесточенное лицо:

- Все-таки, кажется, отталкиваешь ты меня потому, что тогда в кабаке... м-м... я повел себя неподобающим образом... Так вот, знай, что я отомстил после, поздно вечером, этим ублюдкам...

Однако она отреагировала вяло:

- Отомстил?

- Да. Приехал к закрытию заведения, подстерег веселенькую компашку на выходе, и продырявил головы тем двоим, что выпендривались больше всех и выходили потом разбираться со мной в туалет...

Сказал и, не оборачиваясь, торопливо пошел прочь. Его била крупная дрожь, мысли путались. Что угодно ожидал он от этой простушки: ну, подинамила бы недельку-другую с общением, в конце-то концов! А она вон как все повернула. И ведь успела девка примерить его на себя, распялить, как шкурку отловленного зверя,

рассмотреть на просвет какие-то там перспективы, а вернее, полное их отсутствие ...

Неужели он и в самом деле неудачник, и на лбу отпечаталось уже такое отчетливое клеймо, что его без проблем различают бесхитростные толкушки вроде Дианы после нескольких коротких встреч?

А может, это действительно так?

Но в одном-то ему пока везет. Как беспроязвительно, как ювелирно точно всякий раз он выходит на свои живые мишени! Как быстро, надежно по ним отрабатывает и без проблем сматывает удочки!

Нет, ну справедливости ради стоит признать, что случались порой и некоторые накладочки. Однако это неизбежно при всякой болезни роста...

Матвей спешил домой на попутной машине. В его голове зрел новый план.

Если на сегодняшний день все его личные достижения сводятся лишь к более-менее удачному отстрелу некой категории граждан, то так тому и быть. Зачем заикливаться на сторонних проблемах и предаваться черной меланхолии? Наоборот, надо скрупулезно и точно претворять в жизнь свежие задумки.

По обыкновению, он остановил частника за сто метров от дома и, расплатившись, отпустил: ни к чему засвечивать свою берлогу, ни к чему ездить по городу в одном и том же автомобиле.

В лифте, забегая мыслями вперед и торопя этот миг, он уже представлял, как зайдет в притихшую вечернюю квартиру и возьмет в руки утлое тельце обреза. Пока, до поры, оно недвижно и безмолвно. Но сколько в нем таится разящей мощи и пламени!

Матвей отпер дверь и с порога различил тусклый блеск пары стволов в глубине комнаты.

- Сейчас, дружок, мы тебя снарядим, и ты из уродливого ампутанта превратишься в достойного бойца. Какой вкуснятиной тебя попотчевать на этот раз?

Он прикинул и решил снова зарядить жаканы...

На улице, с обрезом в сумке, он почувствовал себя совершенно по-иному. Все разом отпало, отвалилось от него как засохшая грязь. В голове осталась только задумка, которую нужно было достойным образом реализовать.

На этот раз он потратил немало времени, копаясь во всевозможных криминальных изданиях. Наконец, в одном иллюстрированном журнальчике, от обложки до обложки заполненном потоками крови и трупами (встречалась даже красочная расчлененка), наткнулся на название заведения, в котором могли собираться интересные люди. Правда, информация была не совсем свежая; к тому же автор сообщал, что преступная группировка как будто бы уже разгромлена. Но Матвей справедливо предположил, что свято место пусто не бывает...

Через каких-то двадцать минут он сидел за стойкой бара в дорогом ресторане и с безмятежным видом потягивал коктейль «Грязный Гарри». Золотая текила в смеси с ликерами приятно бодрила, настраивала на рабочий лад. Матвей осторожно осматривал зал и не находил сколько-нибудь заметных личностей, могущих претендовать на главных персонажей намечавшейся феерии. Неужели журналюга был прав, и всех лиходеев разогнали? Или они, как всегда, заседают в VIP-залах и отдельных кабинетах?

Он заказал еще одну дозу, убойный «Тигровый глаз» с черным ромом, и уже намеревался справиться у бармена насчет других помещений, когда к стойке подошли два крепко сбитых молодца и уселись на стулья неподалеку.

Матвей отличал эту публику моментально: движения, нарочито медлительные, демонстрируют скрытую мощь; ледяной, ничего не выражающий взгляд выказывает полное отсутствие эмоций. Ну и, конечно, шеи и пальцы в цепях и перстнях.

У него задрожали руки и спазм подкатил к горлу. Снова фишка ложится удачно. Только нужно вести себя грамотно, не опростоволоситься.

Он словно уснул над своим бокалом, однако воспринимал все вокруг необычайно остро. Вот братки закурили, заказали водочки. Музыка играла довольно громко, и Матвей не мог слышать неспешного разговора.

Он продремал так несколько минут, потом, будто очнувшись, сделал несколько мелких глотков и потянулся к смятой пачке. Сигарета, как назло, не желала извлекаться наружу, а потом, наоборот, выскочили сразу три или четыре и покатались по полу. Пьяно ухмыльнувшись, Матвей слез со стула.

Вернулся за стойку он не на свое место. Прикурил, сделал еще один заказ. Его голова безвольно моталась из стороны в сторону, и боковым зрением он видел, как тотчас приумолкли и недовольно обернулись к нему соседи. Но несколько мгновений спустя тихая беседа пошла своим чередом.

-...Бык сегодня оттягивается с пацанами в баньке. Сперва перетрут проблемы, потом покличут шалав блудливых.

- Опять на Вешняковской в «Юнитресте»?

- А чего ж, Веня. У них там все схвачено, за все оплачено. Опять же сауна клёвая, с тренажерами, бильярдом, со всеми делами. И потом вход в нее отдельный, прямо с улицы...

Кровь стучала в мозгу приливами. Не нужно было столько принимать на грудь: с этой непрерывной колготней он порядком потерял форму, отстал от выпивки.

Матвей неловко поставил бокал на стойку, и тот шлепнулся набок, выплеснув наружу содержимое.

- Э-э, друган, ты чё здесь творишь, в натуре? Давно в бубен не получал? Нажрался, копыта не держат, так вали домой, отдыхай! Я ясно излагаю?

Он глупо улыбался, примирительно выставил вперед ладони:

- Всё, ребята, исчезаю. Испаряюсь!

5.

Нынче не нужно было даже изучать оперативные сводки ГУВД, которые с недавних пор Артем просматривал с двояким чувством, – с утра от горячих новостей телевизор раскалился добела.

В сауне, расположенной на территории какого-то акционерного общества, произошла самая настоящая бойня. Пять окровавленных трупов, распластанных и скрючившихся в разных позах на полу, в кресле, на диване, а кто-то даже на бортике бассейна – впечатляющая картина. Причем уже из репортажа было видно, что все потерпевшие расстреляны в упор или почти в упор из крупнокалиберного оружия. Из охотничьего ружья?

Артем и не пытался вслушаться в скороговорку криминального репортера.

Честно признаться, он давно ждал чего-либо подобного, хотя старался и не углубляться в эти размышления. Почему ждал? Разве были какие-то особенные к тому предпосылки? Ну, положили на автостоянке возле казино «24 карата» двух бандюков, ну, застрелили у ресторана «Золотая маска» еще парочку громил и тоже из обреза... Ах, да, по относительно схожей схеме сгиб еще крупный чиновник недалеко от пейнтклуба... Но везде было разное снаряжение – картечь, рыскающие пули, жаканы – а идентификация до сих пор еще не проведена! Кроме того, потерпевшие тоже никак не связаны между собой – ни по статусу, ни по жизни. Так в чем же дело? Почему тогда в последние дни навязчиво всплывало почти реальное ощущение, что все обязательно продолжится, и в куда как более кровавых масштабах?

Артем внимательно перечитывал распечатку оперативной сводки. Так и есть: шесть выстрелов, ровно три пары, из гладкоствольного оружия с укороченным стволом (характер большинства телесных повреждений показывал сниженную начальную скорость зарядов); все попадания опять локализовались в верхних частях тел; только у одного трупа, лежавшего у бассейна, помимо головы было прострелено бедро... Ага, в деле снова использованы разрывные пули – вот уже неплохая подробность. Жаль, что гильз так и не удалось нигде обнаружить.

С некоторым сожалением Артем отложил бумаги в сторону. Что толку мусолить эту полуфантастическую тему, если у него нет доступа к материалам уголовных дел. И, вообще-то, в данный момент перед ним стоит конкретная задача по расследованию обстоятельств побоища возле развлекательного центра. А дальше... Дальше начинаются не его проблемы. Чрезмерно же озабоченному начальству нет никакого дела до самых логичных построений, пока они не подкреплены железобетонными уликами. Ведь преступления совершены в разных районах города, поэтому странно повторяющиеся убийства из обрез охотничьего ружья в общем контексте никто пока рассматривать не будет. По крайней мере, до положительных результатов экспертиз по смертоносному свинцу. Если, конечно, таковые появятся...

Что же мы имеем по расстрелу у казино?

Полегли на парковочной площадке смертью храбрых Фефил и Смех занимали убедительные позиции в своей команде – были вроде подручных главаря. Вернее, Фефил был подручным, а Смех у него на подхвате. Хотя в таких группировках беспредельщиков, спешно сколоченных и относительно немногочисленных, «верхушка» нечетко отделена от рядовых исполнителей. Всё кодро стрижет купоны с чего только можно, не брезгуя ничем, - любыми доступными способами и с помощью разных подручных

средств. Но кто-то кому-то подчиняется, и довольно жестко, кто-то имеет с лихого промысла кусок побольше, чем остальные. А ведь успокоившиеся навечно пацаны щеголяли в цепях и голде, да и на тачке раскатывали навороченной.

По данным рубоповцев, у этой банды отморожков, орудовавшей несколько месяцев в двух соседних административных округах Москвы, не так давно произошел серьезный конфликт с братками на почве передела кусков лакомого пирога.

Незваные гости влезли на обжитую территорию, где мелкий и средний бизнес традиционно и давно держали перовские, уступая охранные услуги лишь так называемым «красным крышам», и то всего в нескольких точках.

Естественно, местным браткам совсем не пришлось по душе бесцеремонность чужаков, и за последнее время в этих краях наблюдался всплеск довольно шумных эксцессов: то разгромят зал игровых автоматов, то ресторан подожгут, а то и взорвут чье-нибудь авто. Убийство было только одно – не те нынче времена – но зато убийство, совершенное по всем правилам. В подъезде своего дома, возле лифта, двумя выстрелами из пистолета был аккуратно застрелен Оскал – один из бригадиров перовских. После этой профессионально исполненной акции страсти вроде бы на время улеглись: никто не захотел спорить с голодными пришлыми наглецами из-за мелочевки. Тем паче, что вокруг давно уже крутились-вертелились серьезные дела.

Вот в какой ситуации два серых волка оказались в крутой тачке, «позаимствованной» у дирекции коммерческого банка «Атолл», возле сверкающей вывески казино.

Да, у них был с собой солидный арсенал, «ТТ» и «Узи» с полными магазинами – потому что беспредельщики постоянно находились под угрозой нападения. Но, во-первых, они оставили оружие в салоне «Шевроле», а во-

вторых, по показаниям многочисленных очевидцев, братки едва держались на ногах!

Артем потер пальцами виски: загадка из загадок.

Зачем «авторитетному» бандюку с корешем самим совать нос в пекло, когда, на худой конец, всегда можно послать вместо себя кого поплше? Да еще куролесить при этом так бездумно?

Между тем, опера на «земле» уже вовсю раскручивали другую версию. Паренек, которого повязали за пьяную поножовщину на кухне, вроде бы созрел для откровенных показаний. Он, по очень многим параметрам, подходил на роль главного действующего лица на парковке казино, и местное начальство, поменяв первоначальную точку зрения на прямо противоположную, радостно потирало руки. Несмотря на то, что «пальчики» на гильзах не совпали с «пальчиками» кухонного дебошира. Все ждали только результатов сравнительного исследования гильз и оружия, а пока старательно обрабатывали задержанного по теме оформления явки с повинной.

Артем выложил из папки на стол снимок темноволосого парня и улучшенный фоторобот убийцы, составленный с немалым трудом при активном участии нескольких свидетелей. Сходство было если уж не поразительным, то, во всяком случае, вполне очевидным. Вот так дела. И ведь квартирного драчуна опознали, пусть далеко не все, но большинство очевидцев, в том числе и уличная проститутка! К сожалению, охранник со стоянки до сих пор не пришел в сознание и не мог дать очень важных для следствия показаний...

- Что вы думаете насчет столь удачного стечения обстоятельств? – слегка замешкавшись, обратился Артем к Чарторыжскому.

Черт, пребывая не в лучшем настроении, сидел за соседним столом и мелкими глотками прихлебывал из кружки горячий чай. Лицо его было отечней обычного.

- А что? Все вполне логично. По нынешней-то жизни.

- Значит, получается, отчаянных братков из отморозенной команды, которые напустили страху на всех, на местных коммерсантов и даже на могущественных перовских, свалил не киллер-профи по заказу, а какой-то там синюшный забулдыга из соседнего двора?

- А что вас в данном случае не устраивает? Очень даже допускаю. Живет гражданин возле казино, каждый день наблюдает выкрутасы этой коды; в один прекрасный момент у паренька клинит башню, он опрокидывает стакан для храбрости и идет валить всю шваль бандитскую направо-налево. В конце концов, нужно же было кому-то начать это делать!

- Логика в ваших словах, конечно, железная. И, главное, последнее замечание – очень дельное.

- А что ж. По крайней мере, такие позывы витают в воздухе уже не один год. А терпение у людей, доложу я вам, тоже отнюдь не беспредельное...

- Вероятно, Борис Анатольевич, вероятно. Только что-то уж чересчур радикально вы сегодня настроены. Давайте-каждеждемся результатов экспертиз – они всё должны расставить по своим местам.

- Давайте. Дай-то бог.

- Володя, – обернулся Артем к другому своему помощнику, - а что говорят участковые насчет гладкоствольного оружия и боеприпасов? Много у народа на руках старых патронов? Кто их предпочитает снаряжать крупной дробью? Есть что-нибудь на эту тему?

Молодой коллега наморщил лоб.

- Данные пока очень приблизительные. Ведь сбор такой информации – достаточно рутинная, трудоемкая работа. Тем более, что нужно просеять несколько участков.

- Это понятно. Но владельцев ружей с солидным, к примеру, двадцатипятилетним стажем не так уж и много. А те, кто обзавелся стволами позже, естественно, и патроны приобретали в более поздние годы.

- Все верно, Артем Владимирович. Есть, правда, маленький нюанс. Вы в курсе – фабричные боеприпасы, проходящие по нашему делу, переснаряжались. Прежде в них была не картечь, а другая дробь.

- Да. Переснаряжались. Но кем и когда? Картонный пыж относительно свежий...

- Судя по надписи тушью на разорванном пыже, в пределах одного-двух лет.

- Да что ты! Откуда такие данные?

- Сегодня пришло заключение экспертизы, – лейтенант скромно улыбнулся. – Я как раз собирался вам предъявить.

- Спасибо, что сделал это вовремя. Но это мало что меняет, если патроны переснаряжал сам хозяин. Какой номер дроби был в патронах до картечи, выяснили?

- С относительной степенью точности – ведь при длительном хранении свинец оставляет отпечатки. Пятый номер или даже шестой.

- Вот как?

- Оно и понятно: в прежние времена патроны с мелкой дробью в Москве были самые распространенные. Это уж потом, после покупки, каждый начинал их на свой вкус.

В разговор вступил язвительный Черт.

- Ты-то откуда знаешь, Володя?

- Интересовался.

Артем подвел промежуточный итог:

- Короче, несмотря на то, что версия с дебоширом остается пока основной, - а может, и благодаря этому - нужно активнее проверять арсеналы у бывалых охотников. Особенно у тех, кто уже много лет не выезжал даже за дичью, а сравнительно недавно брал лицензию на отстрел крупного зверя.

Сотрудники согласно закивали головами.

- Да, здесь может появиться дополнительная зацепка.

- Еще: я вижу по бумагам, что обрез двустволки паренек якобы выменял на улице у неизвестного лица на бутылку водки. Что с этим неизвестным?

- Усиленно ищут. Но это, скорее всего, байка, рассчитанная на простачков.

- Похоже. А ружье, между прочим, 1975-го года выпуска. И стреляли из него совсем недавно.

Володя оживился.

- Действительно, соскобы пороховой гари с тех мест, куда аккуратист не смог добраться промасленной тряпочкой, очень свежие. Но поглядите, Артем Владимирович, какая любопытная деталь мелькает в одной из записей внешних камер наблюдения!

- Ну-ка, ну-ка.

Лейтенант проворно вставил видеокассету в аппарат. На экране появилось не совсем четкое черно-белое изображение парковки возле развлекательного центра – то, что Артем наблюдал уже неоднократно.

- И что?

- Смотрите, смотрите!

Чарторьжский тоже с некоторым интересом придвинулся к телевизору.

На темной площадке, слегка подсвечиваемой пульсирующей вывеской, рядами и вразброску стояли машины.

- Это запись со второй камеры слежения, которая была направлена на автостоянку. Компьютерщики с помощью специальных программ поколдовали над ней, и изображение улучшилось.

- Да, качество заметно повысилось.

По улице, тянущейся параллельно парковке, с огромной скоростью мчалась иномарка. Через секунду-две она притормозила и, вильнув, влетела на стоянку.

- Прибыли наши герои.

Черт поморщился.

- Это кино мы уже видели не раз. Что дальше?

- Потерпите немного, Борис Анатольевич.

На правом краю экрана довольно далеко видны были три человека, и там как будто что-то назревало; вдруг слева

появилась высокая мужская фигура и стала быстро перемещаться в ту сторону.

- Вот, смотрите!

- Что смотреть?

- У края парковки, за светлой машиной, у соседней с ней тачки – передок едва высовывается – один раз мигнули подфарники.

- Точно.

- А она стояла там уже довольно давно... Значит, в самый интересный момент кто-то находился в салоне.

- А если это самопроизвольно сработала сигнализация?

- Нет. Достаточно проглядеть подробно двухчасовую запись, до стрельбы и после. Хотя телекамера постоянно меняет сектор обзора, после громких событий на стоянке наша машина – а это, предположительно, «фольксваген-пассат» - почти сразу исчезает! К сожалению, моменты въезда и выезда оказались зафиксированными нечетко, государственные номера совсем не различаются...

- Молодец, Владимир. Ценное наблюдение. Если поработать с материалом, укрупнить картинку, опросить еще разок людей, наверное, можно будет точно определить марку. И, конечно, при известной расторопности, выйти на стопроцентного свидетеля.

- Но это еще не все.

- Не все?

- Да. Присмотритесь к рукам молодого человека: вот он несет сумку, достает из нее продолговатый предмет, - они темные, даже черные, как будто киллер в перчатках, - Володя еще раз вернул запись в нужное место. – А ведь на гильзах, подобранных на месте убийства, остались четкие отпечатки пальцев. Как это объяснить?

Все пристально уставились на экран. Потом Чарторыжский с сомнением протянул.

- Ну-у, нет. Это просто плохое освещение, тень. И твоя буйная фантазия.

- А я полагаю, что перчатки!

Артем не дал разгореться спору.

- С этим нужно еще разбираться. А вот машину ты узрел замечательно. Интересно, что скажут по этому поводу наши доблестные опера?..

Остаток рабочего дня прошел более-менее плодотворно. Артем связался с ОВД, вбросил новую информацию к размышлению; потом докладывал начальству о подвижках в уголовном деле. В общем, скучать не пришлось.

Уже ближе к вечеру, когда накатила усталость, и наступило время покидать служебный кабинет, Артем в очередной раз поймал себя на неприятной мысли. Опять вдруг вспомнилось, как пару дней назад дома раздался поздний звонок, и ровный мужской голос без предисловий начал разговор:

- Недавно, Артем Владимирович, вам нагрубили на бульваре. Даже что-то такое темное посулили. Хорошо, что вы никому об этом не рассказывали. Считайте все неудачной шуткой. Работайте и дальше, ни о чем не беспокойтесь, ловите вашего полуночного охотничка.

От неожиданности он слегка растерялся и поневоле слукавил:

- Да, собственно, я и не очень был озабочен... Простите, с кем я разговариваю?

В трубке прошелестел еле слышный смешок.

- Вот и славненько, договорились: значит, забудьте и трудитесь себе дальше...

Это был очень странный звонок. Тем более что с той памятной короткой прогулки, на которой и были произнесены недвусмысленные угрозы, нет-нет да и закрадывалась в душу тревога. Очень удивляло гробовое молчание, которое наступило вслед за настойчивыми и грубыми попытками наладить контакт. За истекшие неделю-полторы никто из «наезжавших» не звонил и вообще никаким образом не давал о себе знать, хотя намерения раньше высказывались прямо

противоположные. А теперь вот этот странный звонок... Что он означал? Что «серьезные люди» нашли все-таки источник информации на стороне и подстраховываются звонком, стремясь отсечь возможные нежелательные последствия прежнего наезда? Какой источник? Или они вовсе потеряли интерес к проблеме после задержания местного дебошира? А вот это вряд ли.

В любом случае, домашний номер его телефона стал каким-то образом «им» известен – и это вселяло дополнительное беспокойство. Ведь Артем и так, стараясь хотя бы минимально подстраховаться, уже несколько дней уходил с работы в разное время, по возможности, стремился попасть в свой подъезд в компании с кем-нибудь из соседей. А тут еще внезапно возникший телефонный «доброжелатель»...

В конце концов, взвесив все «за» и «против», Артем решил, что после вчерашней расправы в сауне, совершенной в похожей манере и схожим оружием, любопытствующие озаботятся впредь многими другими вопросами, и его скромная персона сама собой отодвинется на второй план. А это уже устранило бы многие неприятные ситуации в будущем.

6.

Упс! Обломился еще один, практически крайний вариант, где Гриша надеялся перехватить малую толику бабок.

К данному конкретному моменту он уже озадачил почти всех приятелей и знакомых, с кем когда-либо имел дела, но непруха словно преследовала его по пятам: к кому бы Гриша ни обращался, всюду видел беспомощно разведенные в стороны руки, слышал сбивчивое бормотание насчет временных трудностей и так далее.

Наконец это ему стало надоедать.

К тому же таможенник, на которого он было круто наехал, ушел в отказ. Не явно, конечно, не напрямую заявив об этом Грише, так борзеть – кишка тонка. Просто чинуша не подождал к сроку требуемые пять кусков, а когда Гриша взялся его отлавливать, то, при недостатке времени, концов пока не нашел. Сто пудов, что залег падла Петр Егорыч на дно, сказавшись на работе больным. И ведь, наверняка, накапал на него каким-нибудь мало битым фраерам!

Ну да было уже не до разборок. Вот когда от души пожалеешь, что по собственному хотению отделился от братвы...

Предварительно отзвонившись, Гриша помчался на «ягуаре» по прямой, как арбалетная стрела, трассе в Тверь.

Там жил не тужил стародавний его кореш, сослуживец еще по войскам. Корефан, каких поискать. Толик-Самосвал.

Авторитетное свое погоняло Толик получил в первые казарменные, а точнее, парко-хозяйственные деньки, когда в кулачной стычке с «дедами» усадил пердильниками на бетонный пол троих, а потом, схватив с пожарного щита кроваво-красный топор, навел конкретного мандражу на остальных. Правда, Гриша тоже тогда не стоял в сторонке опустив руки.

С тех пор они сдружились крепко, прошли вместе огонь и воду. Так что по дембелю звал Гриша друга с собой в сытую столицу, горячо звал. Но отказался Самосвал ехать из-за бабы, которая терпеливо ждала его весь армейский срок в занюханном областном городишке.

Пару лет потом изредка созванивались, но вот встретиться никак не получалось. Толян, пожив немного в семье, ушел на вольные хлеба, взялся-таки за бедовые дела; Гриша в те времена потихоньку поднимался в своей бригаде.

Горячая пора стояла на дворе, приходилось рисковать, крутиться, - и часто было ни до чего, ни до кого. И все же

как-то слепилось, что по заморочкам понадобилось смотаться в те края. Само собой, первым, с кем Гриша встретился после местных перетёрок, был корефан. Ну, посидели, покалякали за пузырем беленькой о том о сем, помянули былое, незаметно перешли к насущным проблемам.

Самосвал не отнекивался: был грех за душой, тоже стриг купоны ракетой¹. Но сколько веревочке не виться... Конечно, хапок – занятие достойное. Но, порядком набив мошну, пора уже раскидывать мозгами насчет собственных коммерческих оборотов. Только вот как незаметно и без напрягов отойти от оголтелой братвы?

Гриша, усомнившись тогда в правильности подхода и придерживаясь твердого убеждения, что ломовые бабки на то и тянут карманы, чтобы ими сорить, оттягиваться по полной программе, все же подкинул другану парочку дельных замечаний.

Потом опять жизнь развела надолго, хотя вроде договаривались вскоре встретиться.

На теперешний день Толя молотил вовсю, конкретно приподнялся. Мутил, конечно, с товаром простым – импортной жратвой, но зато возил фурами и вагонами. Гриша же, насмотревшись кровищи polegших в разборках корешей, сам стал тихо отползать в сторону от горячих дел. И ведь кое-что из начальных торгашеских задумок принесло неплохие барыши!

Наверное, месяцев пять назад он звякнул Самосвалу, теперь уже Анатолию, поспрашивал, что да как. Тот был немногословен (а чего по телефону лясы точить?), звал в гости...

Все это всплыло в голове у Гриши напоследок, когда количество московских обломов зашкалило за отведенный лимит.

---

¹ Ракета (угол.) – рэкет.

Конечно, обращаться к армейскому корешу за бабками было не в падлу, но... Видать, разными путями потащила их в итоге судьбина, коли, находясь вблизи друг от друга и занимаясь в общем схожими делами, они не спешили наладить между собой прочный контакт. Вот почему Гриша не сразу взялся за трубочку и не тотчас набрал номерок. Деваться, однако, было некуда.

Самосвал, как всегда, обрадовался звонку, поинтересовался за жизнь. Правда, его голос чуть-чуть переменялся, когда Гриша без долгих предисловий обозначил проблему. Но после небольшой паузы Толя небрежно обронил:

- Добро. Приезжай, придумаем что-нибудь.

Вот он и помчался, хотя фраза эта не легла ему на душу: что значит «придумаем»?

Стрелку Самосвал почему-то забил в забегаловке на отдаленной улице.

Гриша с превеликим трудом отыскал «ресторан» «Три богатыря». Подъехал, правда, пораньше и, оглядывая скудную обстановочку заведения, допотопную мебель, аляповато размалеванные стены, давно не стиранные шторы, истертый сотнями ног пол, сразу почуял какую-то поганку.

Однако он терпеливо дождался назначенного времени; прихлебывая из чашки отвратительную бурду, которую подала по-блядски размалеванная девица в мятом переднике и кокошнике, поглядывал на часы.

Когда минутная стрелка настенных ходиков неровными толчками добралась до двенадцати, во дворе тормознул джип с тонированными стеклами. Гриша ухмыльнулся про себя: все на мази, бродяга, – не может Самосвал не отвечать за свои слова.

Но Толя не появился в зале ни через пять, ни через десять минут. Через полчаса Гриша швырнул на стол мелкие купюры за кофе и выкатился на свежий воздух. Он не стал названивать Самосвалу на мобилу, выяснять, что стряслось. Зачем?..

Итак, нужно было рассчитывать только на себя: когда кругом хреново и житуха давит из тебя ливер, никто и ни за что не протянет братской руки.

Что ж, к такой подлянке Гриша был внутренне готов. Обрато в Москву он добрался за час с небольшим – при этом стрелка спидометра закатывалась порой за двухсоткилометровую отметку.

А времени-то оставалось всего ничего: для того, чтобы кинуть следаку хотя бы пятерку штук баксов, требовалось скоренько обратить рыжѐ и камушки из дамского загашника в наличку. Причем, по возможности, без больших потерь. Хорошо еще, что, прикидывая разные варианты и нутром чуя непонятки впереди, он заранее выгреб содержимое инкрустированной шкатулки в карман.

Гриша остановил машину и выложил на переднее сиденье рядом с собой цепочки с кулонами из платины и модного белого золота, серьги, перстни с бриллиантами, броши с другими драгоценными и полудрагоценными камнями, названий которых он никогда не мог запомнить.

Строго говоря, мало что из этих побрякушек формально, как подарок, принадлежало Алле. Прежние стержочки, которых он сначала всячески ублажал, а потом, когда надоедали, вышвыривал пинком под зад, тоже таяли перед бриллиантовым блеском. Но почти всегда при расставании Гриша делал так, чтобы ценности не покидали пределов его квартиры. Вот еще!

В свое время он отстегнул за все, что здесь лежит, приблизительно десять-двенадцать тысяч североамериканских условных единиц, а значит, при спешной распродаже реально было толкнуть рыжѐ с камушками за 60-70 процентов от их стоимости. Это в лучшем случае.

Гриша аккуратно сложил драгоценности в замшевый мешочек и направил свой «ягуар» в центр города.

Был у него на Арбате один знакомый барыга-ювелир, который с недавних пор открыл собственное дело. Этот,

может, по старой памяти и не кинет, забашляет как надо и не мешкая.

Машину пришлось оставить на платной стоянке в соседнем переулке, но нужный магазинчик он отыскал почти сразу. Миновал здорового охранника, загроможденный стеклянными витринами небольшой торговый зал и очутился в полутемном кабинете.

Навстречу из-за антикварного письменного стола живо поднялся сухонький плешивый дедок, по виду типичный отставной марвихер¹.

- А-а, Григорий! Какими судьбами?
- Дело есть, Моисеич.
- Ну, выкладывай.

Гриша достал из внутреннего кармана куртки заветный мешочек и небрежным жестом бросил его на столешницу. Глаза ювелира тотчас заблестели.

«Прямо как у гиены глухой ночью», – мелькнуло в Гришиной голове.

- Что это?
- Золотишко и камушки. Решил отобрать у своей красавицы. Бабки нужны, Арон Моисеич.
- Так-так-так, - Арон Моисеевич высыпал на зеленое сукно стола драгоценности, костистыми пальцами растащил их по ассортименту. – За все это могу дать пять тысяч долларов.

- Побойся черта, дорогой!
- Ювелир предостерегающе поднял руку.
- И то только тебе, Григорий.
- Ладно, семь – и по рукам.
- Пять, повторяю, пять. И то только потому, что тебя лично знаю.
- Моисеич, я ж за них двенадцать отдал!
- Дорого яичко к Христову дню, Григорий.
- Ну ты волчара!

---

¹ Марвихер (угол.) – карманный вор.

- Хорошо: пять с половиной – или обращайся к кому другому... Но больше тебе нигде не дадут, уверяю.

- Заметано. Давай наликом и сразу.

- Эх, друг любезный. Где ж такие деньги взять?

Алчный блеск в глазах, однако, уже тускнел. Гриша недобро усмехнулся.

- Найдешь. Покопайся в своих загашниках.

Арон Моисеевич поскреб плешину, горестно вздохнул:

- Вот незадача. Ты же заранее не позвонил... Пару часов назад я бабки за товар скинул...

- Э-э, Моисеич, хорош разводить, в натуре!

- Кроме шуток, Гриша. Ну, пять тычонок, положим, наскребу, отдам сразу. А полштуки останется за мной.

- Ну, ты старый жид! Когда-нибудь боком выйдет тебе это жлобство. Давай уж...

«Не мытьем так катаньем оттянет свое, гад. Но, если мерить по-другому, пятёру старикашка выложил без вариантов, а значит, уже легче – есть что кинуть вертлявому следаку из УБЭПа... Ничего, ничего! Протопчемся, проканаем, прорвемся, а потом всем всё вспомнится, всем всё зачтется!»

Двигаясь в плотном потоке машин, Гриша врубил музон на полную катушку, и салон заполнил низкий с хрипотцой голос покойного Михаила Круга:

Владимирский централ, ветер северный,

Этапом из Твери зла немеренно...

Яркое осеннее солнце слепило глаза, забойная мелодия ломилась наружу сквозь чуть приоткрытое окно, и Грише вдруг стало легко и отвязно.

«Во, во, этап, централ! Только для чужого дяди... И тесный ящик с белыми тапочками тоже».

По соседней полосе шустро пилила новенькая «школа-октавия», которой правила, вцепившись в руль тонкими ручонками, юная белокурая краля.

Гриша буквально двумя пальцами тронул баранку вправо, притерся вплотную к красотке – та испуганно смыкнула на него глазками – растянул рот до ушей:

- Ну что, киска, потанцуем?

Девка, естественно, ничего не расслышав, резко ударила по газам: на Гришиной физиономии читалось явное непотребство.

Желая чуток потрепать ей нервы, до светофора он не отставал ни на сантиметр и не вырывался вперед, благо мощный четырехлитровый движок позволял чинить любые финты.

На перекрестке тормознули на красный. Продолжая с ухмылкой коситься в правую сторону и тряся головой в такт зажигательной мелодии, - добавить, что ли, кошечку? - Гриша ляпнул случайным взглядом по зеркалу заднего вида. Впритык за ним торчал черный джип с тонированными стеклами; за лобовухой маячили две жующие квадратные морды и в упор стригли¹ его оловянными зенками. Гришу шугняк² продрал по коже, и враз соскочило радужное настроение.

Что за дебилыные рожи, мать их за ногу? Неужели Белый уже заслал извергов?

Со светофора он рванул так, что задымились покрышки, педаль газа ушла к полу. Стрелка спидометра резво подскочила к сотне, крутанулась еще, и, чуть погодя, «паджеро» сорвался с хвоста, остался далеко позади. Пару кварталов, однако, Гриша различал в зеркале его черную крышу за скопищем разномастных легковушек.

Что это? Начинаются гонки? Запахло палевом? Или просто шалют нервишки?

Гриша набрал на мобильнике Аллин номер, но ему никто не ответил. Странно: подруга с утра обещала пойти на занятия в свою богадельню, и что же, оставила трубку дома?

---

¹ Стричь (*угол.*) – смотреть, наблюдать за кем-либо.

² Шугняк (*мол. жрр.*) – страх.

Продолжая двигаться в лихорадочном темпе, он скоро домчался до дома, сбросив скорость, въехал во двор, внимательно осмотрелся по углам.

До металлической двери подъезда оставалось каких-нибудь двадцать метров.

7.

Какая все-таки молодчина Катька! Настоящая подруга, что ни говори. Кто еще способен так внимательно выслушать, искренне посочувствовать, обеспокоиться, ненавязчиво и тактично предложить совет?

А ведь у нее у самой жизнь складывалась не очень-то безоблачно: что поделаешь, никогда не обладала подружка неоспоримыми внешними данными Аллы, пытаюсь строить свою личную судьбу в основном за счет искусного макияжа и покладистого характера.

Алла прекрасно помнила, как в один студеный день она повстречала Катю с сияющими глазами. Кажется, это было ровно через полгода после окончания школы. Подруга поделилась с ней тогда большим секретом - что влюблена (как будто это не наблюдалось невооруженным взглядом!), и взаимно, и, если все будет в порядке, они с Валерием поженятся будущей весной. Избранник ее из хорошей интеллигентной, преуспевающей семьи, окончил престижный вуз, имеет работу с приличным окладом. И вообще, обстоятельства вроде бы складываются неплохо, родители согласны после свадьбы выделить молодым однокомнатную квартиру...

Мгновенно вспыхнувший у нее жгучий интерес Катя тотчас удовлетворила, вынув из сумочки «случайно» оказавшуюся там фотографию жениха. Ха-ха! С глянцевого карточки на них подслеповато смотрел невзрачнейший полноватый блондинистый парень невысокого роста, совсем не выразительный, но Алла вежливо улыбнулась и авторитетно оценила:

- Очень милый!

Однако подруга заметила мимолетную гримаску, прокомментировав, впрочем, ее, без всякой обиды:

- Знаю, знаю, вам всем подавай рослых атлетов-брюнетов. А мне и такой подойдет: не с лица воду пить. Главное, чтоб человек был хороший!

Слегка смущенная Алла почти искренне тогда замахала на нее руками:

- Что ты, что ты, Катенька! Я ведь, признаться, тебе даже немного завидую!..

Уже чуть позже, вспоминая ту короткую зимнюю встречу, - до первых личных потрясений, сразу после окончания школы, они почему-то нечасто общались - с удивлением признавалась себе, что в тот момент действительно почувствовала в душе самую настоящую зависть. «Главное, чтоб человек был хороший!» Но и с квартирой чтоб! И с приличной зарплатой!..

Но не случилось свадьбы ни весной, ни позже.

Как потом объясняла обескураженная подруга, интеллигентные предки Валерочки что-то там разглядели в будущей снохе – в смысле перспективности: нет амбиций, мол, работает секретарем-машинисткой, а получать повышенное образование не очень-то рвется... К тому же ее, Катерины, родители повели себя слишком заискивающе перед вальяжными гипотетическими родственниками. Да и сама она, признаться, уже наперед чересчур освоилась в обещанной богато обставленной отдельной квартире, воочию видела себя в салоне новенького «фольксвагена-гольфа», Валериной любимой игрушки... Возможно, когда-то потеряла контроль над собой, сделала что-то не так, не так ответила, вот и появилась трещинка...

Алла, как могла, успокаивала подругу, мимоходом отмечая, однако, про себя, что чувства чувствами (уж какими красками Катя описывала их с толстячком страстную любовь!), а примешивался-таки к терпкому аромату личной трагедии и меркантильный душок.

Естественно, ни о чем таком в те дни она не обмолвилась, но в участившихся позже встречах все отчетливей стала возникать в их девичьих пересудах животрепещущая тема «достойной жизни».

И ведь вскоре Катерина встретила своего «принца»! Правда, им оказался женатый мужчина на десять с лишним лет ее старше, отягощенный к тому же двумя детьми, но... Но он очень заботливо, тепло относился к ней, наверное, даже по-своему любил, приискал непыльную работу, регулярно подкидывал денег на жизнь...

На экране телевизора мелькали какие-то дебильные лица с улыбками до ушей и выпученными темно-кариими глазами: то ли шло очередное латиноамериканское мыло, то ли навязывали осточертевшую рекламу. Алла лежала, расслабленная, на кровати и пялилась в мелькавшие пестрые картинки, вовсе не стараясь вникнуть в их суть. Гриша рано поутру отправился по «неотложным делам», предварительно, по давно заведенной привычке, повозившись с ней под одеялом несколько минут. Только ей это не доставило особого удовольствия. Она все больше чувствовала ложь в его словах, мертвящий автоматизм в движениях и поступках. Как будто человек окончательно закрылся, отгородился стеной от всего и теперь озабочен одной лишь свержнавязчивой идеей. Только какой? Неужели у нее совсем не осталось времени для маневра, и нужно, просто необходимо предпринимать любые, самые энергичные действия?

Алла заставила себя подняться с кровати и подойти к телефону. Опять звонить Матвею? Но застанет ли она его дома? К тому же больно уж поспешно оборвал он разговор в последний раз... Но ведь она почувствовала слабинку в его голосе! Значит, нужно пытаться... Вряд ли потом сложится похожая удобная ситуация: Гриша уехал до вечера; она горячо заверила парня, что отправится на занятия, а сама никуда не пошла – времени на сборы вагон и маленькая тележка!

Сотрясаясь от внезапно охватившего ее озноба, Алла схватила трубку и набрала номер. «В крайнем случае уеду пока к матери», - мелькнула успокаивающая мысль.

- Вас слушают!

«Господи! А голос-то какой бесцветный...»

- Здравствуй, Матвей!

- Здравствуй.

- Как поживаешь, что поделываешь?

- Живу, хлеб жую. А ты как? Почему не на учебе?

- А у нас сегодня две первые пары – натуральная лабуда. Вот я и решила чуть-чуть сачкануть. Настроения что-то никакого нет, да и вообще...

- С чего это у тебя настроения нет? Молодая, вся из себя красивая... Опять же на дворе осень золотая...

- Все так, все правильно, погодка чудная, а на меня хандра напала. Может, встретимся?

В трубке раздалось тяжкое сопение. Алла стоически выдержала паузу.

- Ты это серьезно?

«Додумался ведь спросить!»

- Конечно.

- А как же... Как же... Ты сейчас дома?

- А где ж мне еще быть?

«Слава богу, стараниями Гриши, этот номер никем никогда не определялся».

Голос Матвея ожил, парень сбивчиво, будто в горячке, забормотал:

- Погоди, погоди! Что-то всё так быстро, спонтанно... Я даже не очень-то...

- Ты чем-то занят?

- Да. То есть... нет! Вернее, в данный момент нет.

- Нашел себе новую работу?

В трубке зашелестел смешок.

- Нашел.

- Значит, теперь не пьешь?

- Представь себе, не пью!

«Стоп. Что-то не туда пошел разговор».

- Ну так что?

- А что?

- Как мы договоримся? Где, то есть, встретимся?
Наверное, у тебя?

- Можно... Конечно!

«Вот и чудесно».

Алла моментально перешла на деловой тон:

- Тогда давай так: я за часик-полтора приведу себя в порядок, соберусь и подъеду к тебе. Ага?

- Ага.

- Вот и договорились. До встречи!

Она опустила трубку, не дожидаясь ответных слов прощания. Ух! Как гора с плеч. Теперь нужно только пошевеливаться.

Алла бросилась к платяному шкафу, но остановилась на полпути. Черт возьми, как же она это могла упустить!

Телефон опять пошел в ход, но мамин номер оказался занят.

Минут десять, а то и больше, она с остервенением набирала одни и те же цифры, совсем забыв о кнопке повтора, забыв и то, что мать с Матвеем никогда так долго разговаривать не будет. Только чуть позже эта нехитрая мысль высветилась в ее голове.

Тогда, мельком взглянув на настенные часы, которые показывали начало первого, она опять подскочила к шкафу, выволокла оттуда объемистый чемодан и уже более плавными, аккуратными движениями стала заполнять его тряпками.

Она уложила внутрь самые симпатичные (и дорогие) платья, сбоку и отдельно – комплектами – кружевное нательное белье (настоящее, не подделку, известных европейских и американских фирм). Поместился также в чемодан один изысканный брючный костюмчик – на этом свободное пространство закончилось.

Алла закусила губу: не хватало места блузкам, жакетам, симпатичным летним сарафанам. А куда девать сумочки, всевозможные ремешки-пояски в стиль и цвет, бижутерию, косметику? А обувь, наконец? Мало что из этого хотелось оставить...

Несколько раз она выкладывала все наружу, по новой наполняла объем, в дополнение догадалась приспособить большие пластиковые пакеты. Но основные шмотки, к которым она так привыкла за эти стремительные завораживающие месяцы, по-прежнему не желали помещаться в чертов баул!

Раскрасневшаяся, раздосадованная, Алла зыркнула на часы – стрелки спешили к двум.

Вот корова: провозилась с тряпками, теперь даже нет времени приводить себя в порядок! А может, и не надо? Может, оно и лучше – выглядеть естественной? Матвеюшка ведь и в те незабвенные дни не любил, когда она сильно штукатурилась...

Все-таки с мучениями, внутренними стенаниями она выбрала необходимый набор-минимум одежды и причиндалов, без которых уж никак невозможно было обойтись, и отправилась в ванную. Там, умываясь, Алла кстати вспомнила, что совершенно необходимо отзвонить матери и предупредить: кое-какие обстоятельства ее личной жизни временно меняются. Погасить весьма вероятную панику на корабле, а главное, строго-настрого запретить впредь сообщать кому бы то ни было номер Матвея!

Поразмыслив, она решила отложить эту маленькую операцию на потом. В конце концов, вполне реально звякнуть маме по сотовому из такси или из Матвеевой квартиры, предварительно выпроводив парня в магазин, скажем, за праздничным шампанским: времени-то до вечера еще ого-го сколько!

За шумом льющейся воды она едва не прослушала мелодичную трель своего мобильного. Это еще что такое?

Обернувшись баннным полотенцем, она с опаской и почему-то на цыпочках приблизилась к нежно мурлыкавшей трубке. Номер был закрытым и на табло не определялся. Отозваться или не отозваться? А вдруг это Гриша? Ну и что? Эх, почему она не догадалась отключить телефон!

Разговаривать Алла не стала: какое-то дурное предчувствие на секунду стеснило ей грудь...

Быстро обтершись и моментально собравшись, она торопливо просеменила в прихожую. Уже у самой входной двери, еле волоча чемодан и два тяжелых пакета, бросила прощальный взгляд назад: богато обставленная квартира, там и тут лежавшие изящные вещишки молча провожали ее.

Побрякушки! Эта внезапная мысль пронзила ее как молния. Дурында какая, честное слово! Дешевку – стеклянно-пластмассовые безделушки – схватила, а золото и брюлики совсем вылетели из головы. Но это... хотя часть этого – как бы подарки лично для нее... Тряпки – одно... Вообще-то, все будет сильно смахивать на грабеж среди бела дня. За такое и по башке можно запросто схлопотать. Ладно! Она только взглянет одним глазком на красоту в последний раз ... И плюс ко всему духи. Еще она забыла припрятанные Гришей эксклюзивные духи. «Принцесса Грёза». Их она обнаружила случайно, когда в очередной раз с профилактической целью обшаривала потайные закоулки жилища. Видно, Гриша приобрел эту прелесть не так давно и берег для подходящего момента... Какого же, интересно, если их отношения стремительно ухудшались? А может, приятный сюрприз был предназначен вовсе не для нее???

Побросав все, Алла ринулась в спальню, где в потайном ящичке трюмо, выдвигавшемся по-особому, хранились драгоценности, и в немом ужасе застыла над пустой шкатулкой. Какой кошмар! Она опрометью выскочила обратно в прихожую, а там уже стоял в проеме

распахнутой двери всклокоченный и бледный как смерть Григорий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1.

Как же она так может крутить-вертеть? Сначала позвонить и обнадежить, а потом кинуть? Эх, а ведь если признаваться самому себе, он всегда болел и продолжает болеть этой несносной, взбалмошной вертихвосткой!

Матвей наполнил очередную рюмку: снова вот начал прикладываться к крепким горячительным напиткам, хотя за всем этим выслеживанием и людобойством думать забыл о пьянке.

Что ж, набрать знакомый номер и поинтересоваться, в чем, собственно, дело? А вдруг к телефону подойдет сверхбдительная мамаша? Нет! Девушка сама звонила два раза, сама и должна выкручиваться, продолжать свои непонятные игры.

Матвей подошел к письменному столу и, выдвинув верхний ящик, дотронулся до старательно вычищенного обреза. Теперь только это магическое прикосновение способно было мгновенно возвращать ему спокойствие и уверенность в своих силах.

Вот гримза! Наверняка, опять что-то прикинула, размыслила и вильнула хвостом – решила все-таки к нему не ехать. Но почему? Да по кочану! Потому, что у него на лбу клеймо лохмэна. И никогда ничего у него не получается по-человечески, и обеспечить красотку он не может ничем – ни комфортной повседневной жизнью, ни очаровательными излишествами...

Черт возьми, но неужели сейчас все сводится только к этому?

Безусловно.

Матвей приблизился к зеркалу. Из стеклянной глубины смотрело на него перекошенное, обескураженное лицо. Как он было размышлял оттянуться на изменнице! Раскатал губы: планировал сначала накачать ее до умопомрачения искристым шампанским, а потом... Эх! Иметь бесчисленное количество раз – да в самых замысловатых позах, в самых непредсказуемых местах. Чем плох, например, вариант на пыльном коврикe возле входной двери? Но не сложилось.

Рюмка наполнялась за рюмкой, и вдруг в его голове как будто что-то щелкнуло, - и загорелось пожаром нутро, и мысли стали терять отчетливость...

Почему-то мимо уже мелькали разноцветные электрические огни, какие-то дома. Матвей опять ощущал себя точно во сне, мучительном и вязком, - как тогда, после стычки в ресторане. Ему словно не хватало простора – руки и ноги налились пудовой тяжестью, отказывались повиноваться, и требовалось прилагать значительные усилия, чтобы заставить их двигаться. И сознание было туманно. Но, странным образом, то, главное, ради чего он в данный момент куда-то стремительно перемещался, отчетливо отложилось в мозгу, давило, направляло, заставляло действовать.

Проехав некоторое время на машине, – Матвей помнил не ясно, как останавливал частного, что-то ему еще объяснял, - он вновь оказался на улице.

Порывистый ветер бросал в лицо редкие крупные капли, неистово шумел в листве, и эти явные признаки надвигавшегося ненастья, преддверие скорого всеобщего хаоса, подействовали на него еще более возбуждающе.

Тяжесть отступила, он шел пружинящим шагом среди метущихся изломанных теней, почти до неузнаваемости менявших облик вечерней улицы, ориентируясь по светлым и темным пятнам. Глаза почти ничего не замечали. Но этого ему и не было нужно. Важно было не пропустить то единственное мгновение...

Он вышел на перекресток – улицы всюду были пустынные. Только в ста метрах у бровки стояла без огней странно приземистая легковая машина – синеватый свет уличных фонарей призрачно отражался на капоте и крыше. Машина казалась покинутой, и, скользнув по ней отстраненным взглядом, Матвей шагнул уже на полустертую «зебру» пешеходного перехода, но... показалось вдруг, что иномарка подморгнула ему желтыми глазами. Именно подморгнула – боковое зрение зафиксировало, как хлопнули полусонные веки!

Лихорадочным движением выдергивая обрез из сумки, он тут же круто развернулся на каблуках, однако успел сделать всего несколько мелких шажков.

В предгрозовом затишье надсадно взвыл мощный движок, на прилизанном передке полуспортивной тачки мгновенно выскочили две квадратные фары, и она, пронзительно визжа резиной, ринулась Матвеем навстречу.

Он вскинул обрез, совсем близко увидел безжалостный слепящий блеск пары хищных глаз, услышал обвальный грохот дуплетного выстрела...

Потом еще был шаг в сторону и чудовищный касательный удар в левый бок.

2.

Ну наконец-то поканала хоть какая-то фишка. Следак поднял пять тысяч баксов и поклялся-побожился, что теперь дело пойдет в нужном русле.

Слепилось все это, конечно, не без нервов. Как вовремя он тогда заскочил в хату! Еще бы чуть-чуть, и свинтила бы его избранница со всеми шмотками на фиг.

Во была картинка, в натуре. Он, взмыленный уличной гонкой, ворвался в родную камеру, а на полу перед дверью уже маячили новенький чемоданчик и пара доверху набитых барахлом пластиковых сумок. Он в полной

непонятке и, честно говоря, изрядно сбледнул с лица. Тут из дальней комнаты в прихожую и вылетела Алка.

Ха-ха! Какая у нее сделалась рожа! Как будто она встретилась с красавчиком Фредди Крюгером. Жаль, не было у Гриши с собой железной клешни этого упыря, он расписал бы красотке циферблат почище всякого мазилы. А так только подвалил и хлестко дал с правой в челюсть.

Девка, на удивление, не крикнула, не вякнула – повалилась как колода. Добивать ее он не стал – времени не было.

- Клево, что ты уже собрала манатки. Хватай все и тащи к тачке, она у подъезда. – Гриша выволок из спальни стул и подставил его к антресолям. – Ну! Кому говорю?!

Алка не шевелилась, не мигая смотрела на него снизу вверх.

Как будто немного успокаиваясь, он достал с верхотуры обувную коробку, вынул из нее тощую пачку денег, две «лимонки» и, деловито рассовав их по карманам, снова воззрился на подругу:

- Чего разлеглась? Тебе сказано: дуй со всеми шмотками к машине.

Увидев острые ребра гранат, она встрепенулась.

- Но я не хочу... Я никуда не пойду!

Гриша округлил белесые глаза, едва не задохнулся от вновь накатившей злобы:

- Ты!.. Не пойдешь? Не хочешь? Да кто тебя, тварь, спрашивать будет?!

- Ты не имеешь права!

Со скособоченной улыбкой он достал из кармана гранату, отогнул усики и просунул палец в кольцо чеки, слегка потянул.

- Ну? Имею? Хватай чемодан!..

Так они оказались в скромной однокомнатной квартирке почти без мебели, без телевизора, с обшарпанным холодильником, которую он держал на

черный день – вот уж полгода снимал у одной бабульки за божескую цену.

Расправу с беглянкой, однако, пришлось отложить: нужно было срочно созваниваться с притомившимся следаком. И так Гриша чуток припозднился с отстежкой.

Илья Степанович встретил его на скамеечке в парке, был сама любезность, разговаривал исключительно на «вы».

- Вы, Григорий Викторович, не волнуйтесь. Теперь-то мы быстро приведем все к одному знаменателю... И потом, вы уж не задерживайте со второй частью, как договаривались, - он выразительно пошевелил большим и указательным пальцами, - тогда получите свой товар в целости и сохранности очень скоро...

Гриша остановился у обочины купить сигарет.

Здесь-то как раз все на мази. А что делать с неподъемным должком авторитетным людям? Бегать и дальше? Но много ли пробегаешь? А какой финиш? Пуля в затылок и аут, яма в подмосковном лесу?

Стоя возле киоска, он невольно поежился и огляделся по сторонам: пока все вроде чисто, хвост еще не отрос.

Нет, конечно, нужно откинуть Белому и присным бабки с какими-то реальными процентами. Но где взять? Загнать тачку? Лажа! Если быстро и получится, то только за полцены... Впарить недостроенный коттедж? Того хуже – потерь больше. Заложить хату? Вот это как будто приемлемый вариант. Халявщики малую толику тоже снимут – как без этого? – но появится запас во времени. А там, с божьей помощью, и навар от проданной водяры подоспеет.

Гриша сел за руль, закурил душистую сигарету, отпустил ручку коробки передач и нажал на педаль газа.

Самое главное, Белый не давал о себе знать с тех самых пор, как объявил о счетчике, - вот что кисло! А то он, Гриша, тут прикидывает варианты отката, кроит, сводит концы, скрипит извилинами, а за ним по пятам уже

бегут стрелки. И вычислить его не так уж мудрено, хоть он и грамотно соскочил со своей хаты – беда в том, что «ягуар» цвета первого снега очень заметный. Так что, пока кругом непонятки, надо ставить его на прикол и кататься на каком-нибудь занюханном «жигуле».

Он несколько раз глубоко затынулся и выпустил струю дыма в лобовое стекло.

Ишь, как завертелась житуха. И эта стерва что выкинула: едва не сделала ноги со всем своим бараклом!

А ведь Гриша давно замечал за ней косые взгляды. Только не думал, что эта прищепка, у которой одни шмотки да удовольствия на уме, так скоро просечет ситуацию и шустро начнет шевелиться. Причем моментально забудет все то благо, какое он для нее беспрерывно творил. Ну, ничего, ничего. Разберемся. И обязательно будет пора, когда масть ляжет по-другому, по фарту ляжет. Тогда он расплюется с каждым по полной программе!

Гриша выехал на нерегулируемый перекресток. Справа, со второстепенной дороги, пер напролом какой-то «чайник» на помятой «четверке». Расстояние до него стремительно сокращалось, но лихач и не думал тормозить или уходить в сторону.

- Куда прешь, придурок?! – заорал что есть мочи Гриша и тут же вильнул влево, рванул вперед: в салоне «жигулей» показался горбатый ствол автомата.

Он успел чудом вырулить перед самым бампером груженого плитами «КамАЗа», кожей спины, затылком ожидая густой длинной очереди, - но ее не последовало. Вместо этого сзади раздался отчаянный вой клаксонов, потом визг тормозов и что-то, напоминающее глухой хлопок.

Все промелькнуло настолько быстро – «чайник», «калаш», широкая морда панелевоза – и исчезло, что в первые секунды Гриша только ошеломленно моргал глазами: уж не глючит ли? Но позади, на перекрестке,

сгрудились машины, а за его «ягуаром», почти не отставая, неся преследователь. Плюс ко всему по разделительной полосе слева наезжала серебристая иномарка.

Гриша рассвирепел.

- Ах, вы ж падлы... Ну ладно!

Это район он знал прекрасно. И хотя здесь было полно пустынных улиц, кое-где с обеих сторон даже стесненных парком, навроде той, по которой они катили, стрелять было уже не с руки – скорость и расстояние не позволяли.

Лохи! Упустили момент.

Мощный приемистый движок, тихо урча, легко перешел на повышенные обороты, и иномарка с «чайником» повисли на стометровой дистанции.

- Эх, жаль, с собой только шпалер¹, а то б я устроил вам хохлацкие пляски!

Впереди показались белые краги гаишников, и Гриша плавно снизил скорость.

- Ну вот и покатались, пацаны.

Он свернул в боковой переулок, и в зеркалах моментально не стало видно ничего примечательного – отражались серый асфальт да редкие фигуры прохожих на тротуарах.

Неплохо ездили. Но что это было? Если его ломились натурально завалить, то почему так круто лажанулись? Или задумка была лишь слегка шугануть клиента?

3.

Тактика широкого охвата территории приносила хорошие плоды. Участковые инспектора отработали множество адресов как в прилегающих к развлекательному центру районах, так и сравнительно отдаленных от него.

---

¹ Шпалер (угол.) – пистолет.

Интересовались в первую очередь гладкоствольным оружием 60-90-х годов выпуска, проверяли его наличие на хранении. Расспрашивали об охоте - о том, кто и куда ездит охотиться, предпочитает дичь или зверя. В охотничьих обществах подняли сведения о лицензиях и путевках на отстрел лося, кабана, крупных парнокопытных за прошедшие несколько лет. Выясняли, продавал ли кто-либо свои боеприпасы на сторону.

Последний вопрос был весьма щекотливым. Артем знал, что охотники со стажем никогда не отдадут патроны в ненадежные руки, то есть людям малознакомым или не имеющим соответствующего разрешения; остальные же, если и отдадут, то распространяться об этом, конечно, не станут.

Получалось, что старые патроны 1975 года выпуска, скорее всего, переснаряжались дилетантом самостоятельно год-два назад, и старое оружие у этого дилетанта, возможно, и должным образом переоформленное, осталось от умерших или отказавшихся от лицензии ближайших родственников.

К такому же выводу подталкивали самодельные пыжи - восемь частично разрушенных картонных кругляшей - оставшиеся лежать на асфальте парковки после роковых выстрелов. Почти невероятно, но факт: удалось отыскать книгу, из суперобложки которой они вырезались для патронов с картечью. Не саму книгу, конечно, а идентичную ей.

С самых первых дней у Артема отложилось в голове это пестрое смешение цветов на рваном картоне - желтого, зеленого, оранжевого. Причем соседствовали с этой пестротой и серые вставки, похожие на фрагменты черно-белой фотографии. Где он видел такую эклектичную, с претензией, обложку? На тиражированном творении какого гения?

Артем долго мучился, размышлял, пытался вспомнить, потом бросил. И вот недавно с утра, во время бритья, вдруг

всплыло само собой: «Голый завтрак» Уильяма Берроуза. Весьма специфичная, сумбурная вещица с модными ныне наркотическим бредом и голубыми мотивами – на момент написания романа сам автор был стареющим наркошей и гомиком.

Кто мог взяться читать такую продвинутую книгу, а потом, будто в насмешку, изрезать красочную обложку на пыжи? Предположительно, молодой человек, с уровнем интеллектуального развития выше среднего. С техническим образованием – памятью о каллиграфически выведенных прописных буквах «К», обозначавших картель. Традиционной сексуальной ориентации – раз обошелся с культовым творением так небрежно.

Значит, нужно было обращать дополнительное внимание на людей молодого возраста, которые в последнее время перерегистрировали гладкоствольное оружие, уже находящееся в обороте, на свое имя.

Конечно, все эти рассуждения были далеко не бесспорными. Книга могла оказаться под рукой у будущего убийцы случайно, или, пуще того, переснаряжал патроны и изготавливал пыжи кто-то другой...

Артем рассеянно листал дело: много всего найдено, есть где разгуляться фантазии.

А ведь на практике такие ситуации случались, когда количество накопленного материала вдруг переходило в качество, и хаотичное нагромождение косвенных улик, полуследов, полусвидетельств мгновенно превращалось в сверхстройную систему, жестко сцепленную в каждом своем звене.

Об этом, впрочем, Артем подумал так, мимоходом: не вредно время от времени помечтать о счастливом случае...

Между тем, новая информация поступала и поступала.

Под чутким руководством внезапно увлекшегося делом Чарторыйжского операм все-таки удалось достать важного свидетеля, который в момент выстрелов сидел в машине на парковке и видел преступника очень близко.

Сразу после кровавого происшествия, не желая связываться с милицией, он укатил восвояси. Очевидцем оказался рядовой посетитель, проигравшийся в тот вечер на рулетке в пух и по этой печальной причине досрочно покидавший очаг алчности и порока.

Он подробно описал внешность киллера, подтвердил, что тот был без перчаток, на опознании однозначно отверг кандидатуру чернявого дебошира.

Благодаря этому очевидцу был составлен очень точный композиционный портрет стрелявшего, получены особые приметы внешности и даже броские признаки, такие как, например, едва заметная косолапость при ходьбе и устойчивая привычка прижимать на ходу левую руку к бедру.

Артем захлопнул и отложил папку в сторону, на столе перед ним остался лежать фоторобот.

- Такую физиономию не стыдно и по ящику показать. Объявляем, значит, паренька в розыск, - сказал так, в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь, просто проговорил мысль вслух.

Из угла отозвался Володя:

- Чего уж там, классный портретик помог составить мужик. Вот что значит наблюдательность игрока: проигрыш, расстроенные чувства, ночь, а он фиксирует каждую мелочь, каждую деталь подмечает!

- Карты с рулеткой и не тому научат.

- Греет то, что эту личность уже можно сравнивать с фотографиями владельцев ружей в лицензионно-разрешительном отделе. Если ствол зарегистрирован, имеем шанс подцепить его на крючок.

- Стопудово.

Собрались уже чаевничать, когда на столе резко зазвонил телефон. Лейтенант снял трубку.

- Артем Владимирович, просят вас, - деликатно закрыл ладонью микрофон, - кто-то со стороны...

У Шевчука в странном предчувствии заколотилось сердце. Что-то случилось с матерью, с Ниной? Он медленно подошел к аппарату, взял трубку. Мембрана дрожала от густого баса:

- Артем Владимирович, вас беспокоят из экспертно-криминалистического центра. Пришлите человека или подъезжайте сами, есть очень любопытная информация.

Артем не смог сдержать эмоций.

- Результаты экспертиз?

- Пока только некоторые из них, но какие!

- Едем.

Он быстро убрал документы в сейф.

- Володя, со мной в ЭКЦ. Борис Анатольевич, остаётся на месте, принимает звонки. На работу уже не вернусь, поеду забирать мать из больницы.

4.

Из кухонного крана беспрестанно текла вода, и с этим нельзя было ничего поделать. Противный булькающий звук напоминал о горе немытой посуды, но Алле не хотелось не то что вставать и плестись к мойке, но даже просто шевелиться.

Который уж день, едва Гриша захлопывал за собой входную дверь и со скрежетом проворачивал два замка, она валилась на замусоленный диван с торчащими ребрами пружин и, уставившись в одну точку потухшим взглядом, не поднималась с него часами.

Ее охватила полная апатия, мыслей в голове часто не было совершенно никаких. Это состояние почти полного ко всему безразличия плавно сменило тот леденящий ужас, который сковал ее тогда в прихожей.

Нескольких минуток не хватило, чтобы исчезнуть из очень проблемной, летящей пол откос жизни парня. И все из-за проклятой жадности! Зачем она, как последняя овца, копалась в шкафах, набивала до отказа шмотками баул и

сумки? Когда нужно было бежать, бежать без оглядки из квартиры хоть в протертых джинсах, хоть одном в убогом рубище!

А теперь, конечно, она в полной и безграничной власти этого животного.

Всякий раз просыпается рано утром в паршивейшем настроении и, дыша тошнотворным перегаром, не умывшись, элементарно не почистив зубы, заползает на нее. Отвратительно! Язык даже не поворачивается назвать это совокуплением. Это... как выражается неотесанное мужичье - пихалово, долбёж, харево... Так он мстит. Бить не стал, только раз приложился в скулу, предпочел же грязно, изошренно издеваться. Из квартиры никуда не выпускает, в институт на занятия ходить не дает, отобрал мобильник. Разрешил только позвонить матери, чтобы та «не метала икру», сказать, что, мол, они уезжают на длительный отдых за бугор. Потом ржавым кухонным ножом демонстративно перерезал провод телефонного аппарата. А она, оказавшись взаперти и в одиночестве, ощутила абсолютную беспомощность. В последние дни вот стал в нее вливать стаканами алкоголь.

Эх, если бы была возможность связаться с Матвеем... Он бы, конечно, пришел ей на помощь.

Она встrepенулась. Ведь надо как-то спастись! Если монстр поспешно приволок ее в эту замызганную конуру, значит, дела совершенно плохи. Настолько плохи, что... Бр-р! Алла даже зажмурилась. Перед глазами вдруг возникла картинка, как она лежит холодная с искаженным предсмертной гримасой лицом, а вся одежда на ней залита запекшейся кровью, и в груди торчит тот самый длинный поржавевший кухонный нож...

Словно какая-то сила подбросила ее с дивана. А почему, собственно, не попытаться выбраться отсюда, не закричать, не позвать соседей?

Алла открыла было рот, но звуки застряли в горле.

Как все получится? Приедет милиция, приедут спасатели, вскроют дверь... И что она им скажет? Что ее удерживают здесь силой? Но это уголовное преступление... Ну и что ж? И поделом!

Она вернулась обратно к дивану. Это совсем крайний вариант. Пока есть хоть какой-то выбор, нужно искать другой путь. А если стучать в стену, у соседей вряд ли кто-то есть дома, по крайней мере, в последние два часа за стеной было тихо.

Может, как-нибудь соединить телефонные провода?

Алла с сомнением осмотрела срезанный провод. Каким концом куда совать? А ведь там еще, наверное, электричество!

Так она мучительно размышляла довольно долгое время, когда снаружи, с улицы, донесся близкий шум – как будто звякнуло дужкой оцинкованное ведро.

Алла птицей подлетела к балконной двери, выскочила на свежий воздух. На соседней лоджии девочка-подросток снимала с веревки просохшее белье.

- Здравствуй, девочка!

На нее воззились удивленные детские глаза.

- Здравствуйте.

- Тут, понимаешь, такое дело... - Алла ослепительно улынулась, - замок на входной двери заклинило, а телефон, как назло, барахлит. Ты не могла бы позвонить моему мужу, чтобы сообщить...

- А вы сами позвоните, у нас радиотелефон.

- Ой как чудесно! – Алла даже захлопала в ладоши. – Принеси его, пожалуйста, на минутку!

Она с трудом справилась с дрожью, получив в руки заветную трубку, набрала номер. В такой ответственный момент этот лежебока должен быть дома!

Однако никто не откликнулся.

Алла в полном отчаянии давила и давила на кнопку повтора, но сквозь потрескивавший эфир в ответ прорывались лишь слабые тягучие гудки. Только минут

через пять, совершенно измучившись, она услышала на другом конце провода какой-то вялый, заспанный голос.

- Матвей!!! Ты почему не подходишь к телефону?!

- А-а, опять ты?

Алла умоляюще взглянула на девочку – мол, надо немного посекретничать, и скрылась в комнате, плотно притворив за собой стеклянную дверь.

- Матвеюшка, мне очень плохо!

- Чего это?

- Я не шучу! В тот раз, когда мы с тобой договорились увидеться, в квартиру внезапно вломился... ну... тот парень, с которым я встречалась, но с которым быстро рассталась, и силой меня увез!

- Как это?

- Я уже собралась и выходила на лестничную площадку, открыла дверь, а он стоял за ней...

- Что ж, ты не могла оказать сопротивление, закричать? А где была мама?

- Мама ходила по магазинам. Кричать же было бесполезно, ты просто его не знаешь...

Матвей мучительно молчал. Наконец, выдал из себя:

- И что теперь?

Она всхлипнула.

- Выручи меня, очень прошу!

- Но как?

- Приезжай за мной и забери.

- А сама ты уйти оттуда не в силах?

- Он меня запирает на ключ. Мобильник отобрал, телефонный провод в квартире перерезал. Я сейчас звоню по радиотелефону соседки, которую случайно застала на балконе.

- Дела...

- Выручай, Матвей!

Опять повисла тягостная пауза.

- А почему ты не хочешь вызвать милицию? Так, наверное, было бы проще.

«У-уф!»

- Если я вызову милицию, его заберут в каталажку.

- Ну и что? Жалко?

- Ничуть. Но, сам понимаешь, возникнут дополнительные проблемы...

- Хорошо. Допустим, я приеду по адресу...

- Ужас! Представляешь, я даже не знаю, где нахожусь!

Квартира съемная.

- Да? Но это-то можно быстро вычислить по номеру телефона соседки... Предположим, говорю, я прибываю по адресу. И как ты себе мыслишь свое освобождение, если хата заперта? Курочить дверь, ломать замки?

- Наверное, тебе нужно подловить его у двери, как он сам тогда подстерег меня.

- Неплохая идея. И что дальше?

- Если честно, не знаю.

- Конечно, не знаешь! Но раз ты употребила слово «подловить», значит... Ладно, прикинем этот вариант. Когда мне лучше появиться у квартиры?

- Ну, во-первых, стоит прихватить с собой что-нибудь увесистое либо газовый баллончик. Парень больно здоровый.

- Об этом не беспокойся, прихвачу. Когда?

- Ой, хорошо бы сегодня вечером. Но он всегда возвращается в разное время, иногда очень поздно.

- Поздно – это во сколько?

- Иногда и в двенадцать, было и в два.

- Ничего, можно подождать.

- Спасибо, ты настоящий рыцарь!

«По-моему, он слегка поддатый».

- Ой-ей-ей.

- Правда, правда. И мне будет неловко, если ты проторчишь в подъезде полночи. К тому же ты его не знаешь внешне, как бы ошибочка не вышла. Приходи лучше завтра утром. По каким-то своим делам он отправляется примерно в одно и то же время – около

одиннадцати. Тогда ты его и встретишь. Договорились, Матвей?

- Ладно.

Алла смущенно улыбнулась.

- Извини, я взяла у соседки телефонную трубку всего на несколько минут...

- Да, да, спроси у нее номер. Только корректно.

- Одну минуту.

Вскоре она продиктовала Матвею цифры.

- Отлично. Теперь отдай ей обратно трубу и горячо поблагодари. Завтра увидимся.

- Матвей, я буду тебя очень-очень ждать!

5.

Эх, Аллочка-скакалочка, девочка-припевочка:

Вижу тени наискосок,
Рыжий берег и кучку
кала.

Я готов целовать
песок,

По которому ты
скакала!

Матвей наполнил очередную рюмку солнечным напитком, рассмотрел ее на просвет.

Никак его не оставят в покое, всё займут, нагрузят каким-нибудь поручением.

Неосторожное движение отозвалось тупой болью в левом боку, напомнило о давешней неудачной ночной вылазке.

Он поморщился: наверное, сломано ребро. Верный признак перелома – когда на фоне саднящей боли внезапно появляются острые покалывания.

И как только он не успел отскочить?!

Ведь сразу заметил, как спортивная тачка мигнула фарами. Выхватить заряженный обрез из сумки, снять его с

предохранителя – плевое дело, какие-то мгновения, и все равно не хватило времени... Значит, водила внимательно за ним наблюдал? Почему ж тогда не тормознулся после жесткого контакта? Ага! Верно, двойной заряд свинца жестянку все-таки зацепил!

...Потом был шаг в сторону и чудовищный смазанный удар в левый бок. Пришелся он в верхнюю часть бедра, Матвея крутануло волчком и швырнуло на асфальт, обрез полетел куда-то во тьму. Тачка, не останавливаясь, а наоборот, с ревом набирая еще большую скорость, рванула вперед, и уже через считанные секунды ее габаритные огни крошечными точками маячили в конце длинной улицы и затем вовсе исчезли.

Оглушенный ударом, падением, вихляясь как пьяный, он распрямылся на дрожащих ногах, обшарил взглядом пустынную дорогу, заметил темную точку на асфальте метрах в пятнадцати от себя, направился в ту сторону. Голова гудела, бок саднил тупой болью, руки не слушались, висели как плети.

На шероховатой панели возле бордюра лежал обрез; древесина шейки приклада была расщеплена, по краю белели сколы.

Преодолевая боль, Матвей нагнулся, поднял оружие и спрятал его в сумку. Между тем, нужно было срочно уносить ноги: гул двойного выстрела эхом прокатился по окрестностям, и неизвестно чьих ушей он достиг в результате.

Едва эта простая мысль ворохнулась в его мозгу, на другом конце улицы появилась машина. Пошатываясь, он поспешил скрыться в ближайших кустах...

Первая бутылка показала дно. Матвей нехотя поднялся и поплелся на кухню за следующей.

Что это за бычара, который таскает с собой Алку как свою собственность? И как он, Матвей, отправится к нему завтра на разборки со сломанным ребром и раздолбаным обрезом?

Матвей вздохнул: «Оба мы теперь, дружок, с тобой израненные; но у меня есть чудесный эликсир, возвращающий к жизни, а у тебя – заботливые руки мастера».

Рюмка сменилась на граненый стакан, который тут же был наполнен до краев.

Пусть бычара. Наверняка, понтовый. Но и быков в консервы закрывают! Проблемы вырисовываются, собственно, только две, правда, разной степени реализуемости: утром палить в подъезде в общем-то не с руки; улепетывать с подругой, если не знаешь наперед ее реакции на мокруху¹, - еще та задачка. А может, все обойдется без крайних мер? Навалит этот фантик в штаны, увидев перед собой черные стволы, и дело в шляпе: поднимет лапки кверху, безропотно сдаст наложницу?

Из комнаты донеслась телефонная трель.

Матвей с бутылкой и ополовиненным стаканом в руках как дух понесся на звук.

Но это была не Алла. Звонил давнишний приятель, из той, старой жизни, наполненной суетой, тщетой разных пошибов и прочей не заслуживающей внимания ерундой.

- Ты куда пропал?

- Чего?

- Куда исчез, говорю?

- Зарылся в землю.

- В смысле?

- Ушел в подполье.

- А-а! Беседуешь со стаканчиком крымского портвешка? То-то я чую, ты как будто не в себе.

- А ты в себе?

- Что это ты цепляешься к словам?

- Так просто, по приколу. Чего хотел?

- Узнать, как дела?

- Как сажа бела.

---

¹ Мокруха (угол.) – убийство.

- Выходит, плохо?
- Выходит хорошо, входит плохо.
- Забавно.
- Слушай, у тебя, гляжу, времени много?
- Есть, а что?
- А у меня нет. Бывай здоров, не кашляй.

Он поймал себя на мысли, что не сразу даже вспомнил имени любопытного сослуживца, и отвечал-то на вопросы чисто автоматически, все больше недоумевая про себя, какое кому до него есть дело?

Стакан наполнялся еще несколько раз, и, по мере опорожнения второй бутылки, настроение заметно менялось.

Что, он не обломает рога этому охламону, который когда-то был, по уверениям маменьки, «достойным человеком», а сейчас почему-то шибко быстро вышел из доверия? Слепит как миленького! Не у него ли за плечами больше десяти жмуриков, так что давно уже и по праву нужно присваивать квалификацию заплечного мастера? И Алка не дернется и не пискнет, а поллетется за ним без всяких вариантов.

Он войдет в подъезд в половине одиннадцатого, собранный и строгий. В сумочке на ремне притаится туго перебинтованный изолентой обрез.

На лестничных маршах будет светло и тихо, в шахте с вкрадчивым шорохом изредка будут проползать лифты.

Он поднимется на пол-этажа выше нужной квартиры, рассупонит молнию и ненадолго затаится.

Наконец, без чего-то одиннадцать, а может, в самом начале двенадцатого за дверью послышится шум отпираемого замка. Наступит волнительный момент, которого он с нетерпением ждал несколько месяцев!

Мягким кошачьим шагом он спустится по ступенькам, выйдет из-за угла коридора, и, когда в проеме покажется высокая мужская фигура, молча наставит на нее обрез.

Здесь очень важно выдержать нужную паузу: недотянуть нельзя, но и чересчур затянуть тоже чревато. Куда там Станиславскому с Немировичем – мимика, взгляды, жесты – счет-то пойдет на десятые доли секунды!

Как поведет себя «достойный мэн» под пристальным взором черных зрачков судьбы? Вряд ли окажется приятным исключением... Застынет соляным столбом, метнется назад или с дуру кинется прямо на чистильщика, то есть на него? В первом и втором случаях действовать по обстоятельствам будет легко, в третьем понадобится определенная сноровка.

Так или иначе, роковой выстрел прозвучит и тяжелая пуля снесет мишень с пути как пушинку.

Тогда не обращая никакого внимания на бесформенную кучу из плоти и тряпок, валяющуюся на полу, он ворвется ураганом в квартиру и уведет за собой дрожащее, почти парализованное ужасом сокровище...

Матвей поднял отяжелевшую голову и мутными глазами обвел вечернюю комнату. Обрез, плотно перетянутый у цевья синей изолянтной лентой, лежал на своем месте.

Что сейчас так сладко блазнилось ему? Что он добывает, наконец, чудный трофей!

А почему бы не сделать это нынешним же вечером?

6.

Гришу вдруг окатило потом, пробило жаром до кишок. Его хотят замочить! Не был тот финт никаким шугаловом, а просто что-то у них не склеилось. Волки позорные. Он лезет из шкуры вон, чтобы добыть бабок, а они им и не нужны. Один вариант, что завалят на улице среди бела дня. Второй куда как гнилей: стреножат, вывезут в лес и там после пыток заделают. И будет он валяться на какой-нибудь подмосковной свалке весь изуродованный, с кляпом в пасти.

И ведь как-то вычислили нору, где он обретается!

Гриша несколько раз набрал номер мобильного Белого, но в трубке как заведенная бубнила тетка: насчет «выключено» и насчет «вне зоны действия сети».

Гриша не мог унять трясун: вроде ж он никому не свистел насчет старухиной хавиры¹. А вдруг в пьяном базаре невзначай кому-то не в тему ляпнул? Тогда там торчать тоже себе дороже. Но куда свалить при таком паршивом раскладе?

На фазенду!

Одно время, когда с баблом было ништяк и в башку засел бзик насчет собственных загородных хором, он собрал на участке в бытовке хохлов-рабочих и гнал стройку. Потом пыл как-то угас, да и купюрами он стал больше сорить в кабаках да казино, - дело это само собой похерилось. Работяг он выгнал, но видел собственными глазами, что обустроились они в каморке неплохо. Только об этом никто не знал. Так что никому и не могло прийти в дурную голову искать его на непригодной к проживанию даче.

Поэтому вполне реально клеилось перекантоваться на природе денек-другой, а потом можно было бы снять другую халабуду в тех же Люберцах. И дальше, когда подспеют с разных сторон башли, рассчитаться с живоглотами и зажить по-прежнему беззаботно в своей родной трехкомнатной хатенке.

Он ухмыльнулся: мандраж чуток отпустил. Так, вроде, выпадало некисло.

И машину надо временно сменить уже сегодня-завтра. А то, может, его и выпасли-то по заметной тачке.

Гриша проверился – на хвосте никого подозрительного не было – и помчал на квартиру за Алкой.

Когда он открыл входную дверь, подружкины глаза сделались по полтиннику.

---

¹ Хавира (угол.) – квартира.

- Ты чего такой взмыленный?
- Собирайся!
- Куда? Что ты еще выдумал? Я...
- Слишком много болтаешь!
- Я никуда не поеду!

Он угрожающе навис над ней.

- Еще что скажешь? – потом подошел к чемодану, гулким пинком выбил его на середину комнаты. – Дура! Нас здесь срисуют в два счета... Короче, скидывай домашнее барахло, одевай джинсы. Катим за город...

Через пять минут они ехали по шоссе Энтузиастов; Алла молчала, тупо глядя в одну точку; Гриша, напротив, с каждой минутой все больше и больше был доволен собой.

- Дырку вам от бублика, а не Гришку Новикова!

Спутница никак не отреагировала на его бодрое восклицание.

- Ты чего такая смурная, кошечка?

Алла продолжала молча смотреть в окно.

- Не морщи свой милый лобик, все будет тип-топ. Скоро разгребусь с этой поганкой, и рванем с тобой куда-нибудь в дальние страны. А?

Алла поджала губы.

- Ну чего губки кривишь? Куда-нибудь на чудный островок Таити задницу греть. А, спрашиваю?

- Как скажешь.

- То-то. Тертых, битых жизнью людей всегда надо слушать. Тогда все будет в ажуре.

Она повернула к нему бледное лицо, как-то по-особому, подавленно взглянула.

- Отпусти меня домой, Гриша. Очень тебя прошу.

- Что? А больше еще ни о чем не мечтаешь?

- Отпусти.

- Нет, девонька, тут ты не угадала! Ведь в жизни ничего так просто не бывает. Ни-че-го. За все приходится платить.

- Но я никому плохого не сделала!

- Горбатого лепишь, сделала! Думаешь, я не знаю, что за мыслишки снуют под твоей примодненной рыжей челочкой? Мол, паренек в полном прогаре, скоро спалится напроочь, пора от него лыжи смазывать...

- Хм.

- Что? Уже списала со счетов, на лбу жирный крест поставила? А вот хрен тебе по целой морде! Я еще не в яме, сам туда кого хошь уложу. Я обязательно подымусь, отобью свое! И кошки, вроде тебя, так же будут прыгать пачками в мой «ягуар»!

- Еще что скажешь?

Гриша чувствовал, как горячая волна, несколько мгновений мешавшая даже видеть дорогу, отливает от лица. Уже спокойнее продолжил:

- Со мной поедешь. И будешь пока хавать мою пайку. А после прикинем что к чему.

Они уже ехали за городом. Опять молчали, и каждый думал о своем. Гриша прикидывал, какого пойла взять, что купить вкусенького на закусон, чтобы малёхо скрасить этот шоковый переезд, успокаивал себя, что всё ненадолго. Алла была в тихой панике, ворочала одну и ту же неподъемную мысль: почему она не бросилась вниз по лестнице, не закричала на весь дом, когда они выходили из квартиры? Неужели монстр погнался б за ней, стал бы зажимать рот?

На железнодорожном переезде их нахально подрезал джип, вильнув перед самым шлагбаумом.

- Что за козлиная рожа! – с пол-оборота завелся Гриша, но корма с начищенным чехлом запаски уже мелькнула перед ними, до ушей донесся ритмичный гул акустических систем; стекла были тонированы, и сидеки в салоне не просматривались.

- Во ломятся, заразы!

Миновали Никольско-Архангельский поселок. Недалеко от железнодорожной станции, ни слова не

проронив, Гриша выбрался из машины и, с пульта заблокировав двери, отправился в магазин.

Алла сидела будто парализованная. Ее вдруг охватило такое безразличие ко всему окружающему, что, как в тяжелой болезни, заломило все тело.

Гриша вернулся скоро, веселый, нагруженный объемистыми пакетами со всевозможной снедью.

- Ну, сегодня попируем! Взял я стерлядки и горячего копчения угорька прихватил...

Коттедж выглядел шикарно – основательный, двухэтажный, с остроконечной декоративной башенкой, все чин по чину. Если б не грязные кирпичные стены в белесых разводах и затянутые мутным целлофаном окна, кое-где прорванные, можно было вообще думать, что в нем уже живут люди, и живут припеваючи.

Алла, несмотря на поганое настроение, про себя изумилась. Вот это громадина! Гриша, конечно, рассказывал ей о стройке, хвастливо описывал будущие хоромы, несколько раз порывался даже свозить на место – как-то все не доходили руки – но одно дело сто раз слышать, а совсем другое – лицезреть воочию.

Заметив ее столбняк, Гриша еще больше развеселился, пошел отпирать приземистый вагончик бытовки.

- Нам сюда, дорогая. Те окна, двери, сантехнику и все внутренние потроха мы прогуляли с тобой в Паттайе. Помнишь?

Спрятать за домом «ягуар» у него не получилось, мешали кучи вывороченной земли и мусора, наваленные во дворе. В конце концов он припарковал машину в дальнем углу участка. В поле зрения оставалась только белая корма.

- И так сойдет. Какому хрену взбредет в бестолковку сюда переться?

Наскоро вытерев ноги о неопределенного цвета половичок, Гриша толкнул дверь бытовки. В носшибанул спертый воздух, настоянный на пыли, заношенном тряпье, еще черт знает на чем. Под потолком тускло светила голая

лампочка. Алла застыла у самого порога с кислой физиономией.

- Ну, чего жмешься, проходи.

- Куда? Здесь же кругом грязища несусветная!

- А руки у тебя на что? Хватай тряпку – и вперед.

- Зачем ты меня сюда притащил?

- Так надо. Целее будешь, - и, заметив на ее лице прежнее брезгливо-высокомерное выражение, прибавил. – Не беспокойся, завтра увезу. А пока прибери поляну, чтоб мы могли хоть присесть перекусить. Я пойду открою ставни да гляну на стройку, что там у меня еще успели упереть...

Он добросовестно лазил по дому с четверть часа, обнаружил в дальней комнате на первом этаже целиком выставленные рамы, чертыхался. На боковом крыльце не было входной двери; небольшой запас битого кирпича, сложенный у стеночки коридора второго этажа, тоже пропал. Подчистили и разную мелочевку. Вернулся Гриша в бытовку со слегка испорченным настроением.

На удивление, успев навести кое-какой порядок, Алла уже хлопотала у стола, раскладывала на скатерке привезенные продукты, в основном готовые к употреблению.

Гриша прошел к сумкам, свернул голову литровой бутылке вискаря, хлебнул прямо из горлышка.

- Крутишься ты неплохо, когда захочешь, - он небрежно похлопал ее ниже талии. - Хватит суетиться, хозяйка, присаживайся. Тяпнем с тобой по маленькой, прикинем, как будем дальше судьбу-индейку ломать.

Он налил сразу по половине граненого стакана, поднял дозу над столом, указал ею на окно.

- Вон какой за деревцами коттеджный поселок маячит. А до нас, значит, заборчик пока не довели... - Гриша выпил виски, придушенно хохотнул, - Знаешь, как раньше все обзывали здешнюю плешину? Поле то есть...

- Как?

- «Долиной мертвых».
- Это почему ж?
- Потому что она была сплошь утыкана недостроенными домами.

- Ну и что?
- Ничего. Просто за каждым таким домиком маячил жмурик, который строил и не достроил.

- Как это так?
- А ты сама не доезжаешь? Крутые ребята мечтали когда-нибудь здесь пожить, расслабиться, да не дотянули до лучших времен. За все нужно платить!

Гриша повторно плеснул в стакан из бутылки.

- А я ведь кой-кого из них знал... Но ничего, проканаем! – он хрястнул кулаком по столу так, что подпрыгнула пластиковая посуда со едой. - Достроим хату, прикроют и нас бетонной скорлупкой, выставят снаружи гоблинов, и тогда заживем...

Его что-то насторожило в Аллином взгляде: зрачки были расширены, устремлены в какую-то одну точку. Он повернул голову в ту сторону и оторопел сам.

От дороги, от двух остановившихся на обочине машин к дому шли крепкие парни в кожанках.

- Ё-моё!

Гриша стремглав кинулся к куртке, впопыхах едва смог вытянуть из внутреннего кармана застрявший «ТТ», дернулся обратно к Алке. Та, почувствовав на запястье его железную хватку, пронзительно завизжала: «А-а-а!»

Он молча, сцепив зубы, рванул ее на себя и толкнул к выходу. Они выскочили из бытовки, и Гриша, не целясь, а просто выставив руку за угол, выстрелил.

Внезапный и резкий звук выстрела, как палкой, ударил по голове, оглушил, заставил девушку безропотно повиноваться.

Пользуясь небольшим замешательством среди непрошенных гостей, Гриша буквально доволоч ее до бокового крыльца, втолкнул в темный дверной проем.

Лицо его было страшным, губы словно почернели и запеклись.

- А ведь, кажись, Вобла был прав...

- Гриша!

- Слушай сюда! Шуруй в дальнюю часть дома, рви пленку, прыгай из окна и беги со всех ног куда глаза глядят! А я... - он нервно осклабился, - побеседую тут с пацанами.

Алла почти ничего не соображала, почти не слышала слов, которые ей говорили, только тихонько постанывала:

- Ой! Ой!

- Ну! Быстро!!! – взревел Гриша, выставил руку наружу и выстрелил во второй раз.

С улицы послышались какие-то звуки, потом матерная брань, чей-то грубый голос окликнул его:

- Гриша, хорош дурью маяться, в натуре! Белый велел тебя только привезти, а там сам с ним будешь базарить!

- Ага, лепи горбатого! - Гриша чувствовал, как все нутро заливает жаркий азарт отчаяния. Он уже забыл об Алке, обо всем, пружинисто подскочил к оконному проему и выпустил пулю в целлофановую прореху.

Во дворе кто-то взвыл от боли.

Гриша метнулся к другому окну, из которого был лучший обзор – так как целиком отсутствовала рама, – сбивчиво бормоча себе под нос: «Хрен просто так возьмете!.. Эх, жаль, нет «калаша», и гранаты в бытовке остались...»

Едва он показался в проеме, у бытовки блеснули вспышки, и левый бок будто обожгло каленым железом. Схватившись за рану, он рухнул в угол на замусоренный бетонный пол.

- Выходи, падла, если жить хочешь!

- Да черт с ним! Валим его, и надо когти рвать отсюда... И так нашухерили на всю округу!

Гриша не отвечал. Между пальцев стремительно натекала красная жижа. Он видел, что кровь не унять, значит, силы скоро уйдут.

Глаза бесцельно шарили по серым стенам, закоулкам, остановились вдруг на паре ног в расклешенных джинсах и кроссовках, торчавших из коридора.

«Алка? Не ушла? Что разлеглась там?»

Но эта мысль лишь скользнула по сознанию, не задержалась. Он успел додумать самую малость: мол, схавала-таки примадонна свою маслину¹, - но злорадствовать уже не мог.

- Кончай с ним! В углу он валяется... Гаси гранатой!!!

Гриша слабо пошевелился, и это было его последнее движение: он увидел яркую вспышку, за краткий миг она будто обросла тысячами ослепительных игл. Ни боль, ни обвальнй грохот взрыва уже не дошли до его померкшего сознания.

Очнулась Алла от какого-то шума. В черепной коробке назойливо бился странный пульсирующий звук – как будто далекий и одновременно близкий. Она провела пальцами по волосам – полголовы было залито чем-то горячим и липким. Кровь?!

Цепляясь ногтями за шероховатую стену, кое-как она поднялась на ноги и поплелась к выходу.

Возле коттеджа огромным чадающим факелом пылал «ягуар», а чуть поодаль, на дороге, мелькали милицейские мигалки.

И, кажется, это было спасение.

7.

---

¹ Маслина (угол.) – пуля.

Похоже, на улицу вышел очередной «серийщик» – серийный убийца. Наконец-то были получены данные комплексных экспертиз по двустволке чернявого дебошира и результаты спектрального анализа картечин с парковки.

В первом документе категорически утверждалось, что гильзы обнаруженные у казино, никак не могут соотноситься с представленным на исследование обрезом гладкоствольного охотничьего ружья 1975 года выпуска. Таким образом, незадачливый ночной скандалист оказывался совершенно непричастным к убийству Фефила и Смеха.

Во второй бумаге подробно описывались характеристики картечи, ее повреждения от столкновения с различными препятствиями и многое другое.

Главное же оставалось за рамками расследуемого Шевчуком уголовного дела и состояло в том, что экспертиза доказательно установила: картечь возле культурно-развлекательного центра «24 карата» и медвежьих жаканы у ресторана «Золотая маска» выстрелены из одного оружия.

Значит, он, Артем, оказался прав, почти сразу мысленно соединив череду убийств в серию. До чего, возможно, и не так уж мудрено было додуматься, если за относительно большой промежуток времени в городе и окрестностях не регистрировались похожие преступления с использованием охотничьих ружей (кроме, пожалуй, двух нападений на дальнобойщиков в отстойнике близ МКАД – но там обходилось без жертв).

Все это предвещало большие перемены. Это означало, что дела скоро объединят и заберут в городскую прокуратуру; потом подошьют в картонные папки результаты по пяти трупам в сауне ОАО «Юнитрест»; чуть позже идентифицируют боеприпасы, использованные в эпизоде с заместителем префекта, - и, вероятно, тогда материалами заинтересуется еще более высокое начальство.

А ему, Артему Шевчуку, крепко пожмут руку и выразят особую благодарность за то, что он скрупулезно выполнял свою работу и добросовестно вел расследование. Вот так.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1.

Благое это дело – подружку, пусть и изрядно потрепанную, из-под сволочи вызволять.

Вечер и ночь Матвей благополучно проспал: уморила усиленная доза портвейна. Однако рано утром он вскинулся; голова была ясна, и четко читались вчерашние мысли. Он схватил скомканную бумажку с телефонным номером и подсел к компьютеру.

Монитор, системный блок, мышка с ковриком – все было покрыто толстым слоем пыли. Сколько недель он уже не прикасался к клавише, не лазил по сети?

В считанные минуты по базе данных Матвей выяснил, по какому адресу был зарегистрирован телефон, который ему продиктовала Алла; мгновенно прибавил к номеру квартиры единицу, - так как координаты были соседские; посмотрел, кто прописан по адресу – официально значилась некая старушенция. Правда, информация была годичной давности... Потом вставил компакт-диск с подробным планом города и внимательно рассмотрел дом.

Дом оказался типовой панельной многоэтажкой со стандартным расположением квартир: по четыре на каждом этаже. Лифты, коридор, лестничная площадка – все выглядело почти так, как Матвей и предполагал.

В таком курятнике заделать джентльмена – пара пустяков. И с чувством исполненного долга и изменницей под ручкой отчалить соседними дворами, благо на схеме подъезд изображался крайним. А там...

Матвей еще раз внимательно оглядел обрез, подмотал на цевье и шейку приклада немного изоленды, чтобы конструкция держалась крепче, переломил стволы. Из казенников жизнерадостно выглядывали латунные доньшки патронов. Картечь – лучшая награда для этого говнюка: выпустит юшку по полной программе.

Он вернул стволы в исходное положение, поставил оружие на предохранитель и уложил в сумку. Ну а теперь в путь!...

Представлено 26 глав из 28. Заявку на книгу можно отправить на e-mail: bestbookz@mail.ru либо eugene-wr@yandex.ru. О порядке доставки придет дополнительное сообщение.